

Редакционный совет:

Н. С. БОНДАРЬ
В. А. СИВИЦКИЙ
Н. В. СТРУННИКОВА
О. С. ХОХРЯКОВА (председатель)

Главный редактор —
Н. В. Струнникова
Адрес редакции: 190000, Санкт-Петербург,
Сенатская площадь, дом 1
Телефон: 404-32-51

Номер подготовили:
И. В. Андреева
И. А. Бойцов
М. В. Бухаркина
И. А. Михайлова
Н. А. Сергеева
Н. Ю. Сильваненок
Е. В. Скалон

Художник А. Б. Бобров

Сдано в набор 08.06.2017.
Подписано в печать 30.06.2017.
Формат 70 × 108^{1/16}. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 7,25.
Тир. 600 экз.

Издательство «Спарк».
117630, г. Москва,
Старокалужское ш., д. 62. БЦ «Валлекс».
Тел. (495) 784-72-18.

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»,
140400, Московская область, г. Коломна,
ул. III Интернационала, д. 2а.
Тел./факс: 8(496) 618-62-87, 618-69-33.
Заказ № 877

Издательство «Спарк»

© Вестник Конституционного Суда РФ, 2017
Официальное издание

В НОМЕРЕ

- Постановление по делу о проверке конституционности части 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобами граждан В. А. Семенова и Н. В. Шмакова
от 1 марта 2017 года № 3-П 3
- Постановление по делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Ю. Глазкова и В. Н. Степанова
от 2 марта 2017 года № 4-П 13
- Постановление по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401⁶ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Е. Певзнера
от 7 марта 2017 года № 5-П 22
Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации С. М. Казанцева 37
- Постановление по делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. С. Аринушенко, Г. С. Бересневой и других
от 10 марта 2017 года № 6-П 47
- Определение по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений части 5 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»
от 15 сентября 2016 года № 1742-О 62
Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г. А. Гаджиева 70

3'2017

Определение по жалобе автономной некоммерческой организации «СЕРТИНФО» на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 1.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях	
от 27 сентября 2016 года № 2017-О	74
Определение по запросу Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254, пунктов 5 и 8 части первой статьи 389 ²⁰ , статьи 389 ²¹ и части второй статьи 389 ²⁴ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации	
от 27 сентября 2016 года № 2026-О	79
Определение по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» и Закона города Москвы «О торговом сборе»	
от 11 октября 2016 года № 2152-О	83
Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Еременко Тамары Александровны и Кривцова Евгения Валерьевича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации	
от 11 октября 2016 года № 2164-О	92
Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ерашовой Татьяны Анатольевны, Маркеловой Елены Вадимовны и Орехова Валерия Ивановича на нарушение их конституционных прав пунктом 5 статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации	
от 10 ноября 2016 года № 2371-О	101
Определение по запросу Арбитражного суда Алтайского края о проверке конституционности пункта 4 ¹ статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации	
от 10 ноября 2016 года № 2561-О	105
Определение по жалобе граждан Рудик Галины Николаевны и Рудика Валерия Леонидовича на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации	
от 13 декабря 2016 года № 2581-О	114

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**1 марта
2017 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 3-П

по делу о проверке конституционности
части 5 статьи 43 Федерального закона
«О полиции» в связи с жалобами
граждан В. А. Семенова и Н. В. Шмакова

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции».

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан В. А. Семенова и Н. В. Шмакова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителями законоположение.

Поскольку обе жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А. И. Бойцова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно части 5 статьи 43 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» при получении сотрудником полиции в связи с выполнением служебных обязанностей увечья или иного повреждения здоровья, исключающих возможность дальнейшего прохождения службы в полиции, ему выплачивается единовременное пособие в размере двух миллионов рублей.

1.1. Гражданин В. А. Семенов в период прохождения службы в органах внутренних дел на должности инспектора дорожно-патрульной службы в управлении Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД по Республике Хакасия дважды получал травмы при выполнении служебных обязанностей. Заключением военно-врачебной комиссии он был признан ограниченно годным к службе (категория «В») вследствие военной травмы и годным к прохождению службы в должностях, отнесенных к 4 группе предназначения, а 28 июля 2014 года в соответствии с пунктом 8 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» уволен со службы по состоянию здоровья на основании заключения военно-

врачебной комиссии об ограниченной годности к службе и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе. Постоянно действующая комиссия МВД по Республике Хакасия по вопросам выплат в целях возмещения вреда, причиненного в связи с выполнением служебных обязанностей, сотрудникам органов внутренних дел или их близким родственникам решением от 22 августа 2014 года отказала В. А. Семенову в выплате единовременного пособия, предусмотренного частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции».

Исковые требования В. А. Семенова о взыскании данного единовременного пособия оставлены без удовлетворения решением Абаканского городского суда Республики Хакасия от 24 октября 2014 года, которое было отменено апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Хакасия от 15 января 2015 года со ссылкой на отсутствие в МВД по Республике Хакасия вакантных должностей, соответствующих 4 группе предназначения, и наличие всех условий для выплаты истцу единовременного пособия. С этим не согласилась Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменившая указанное апелляционное определение и признавшая законным решение суда первой инстанции (определение от 2 ноября 2015 года). В передаче надзорной жалобы В. А. Семенова для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации отказано определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 года.

По тому же основанию 29 июня 2014 года был уволен со службы в органах внутренних дел гражданин Н. В. Шмаков, замещавший должность инспектора патрульно-постовой службы в Вологодском линейном отделе МВД России на транспорте и в результате получения травмы при выполнении служебных обязанностей признанный военно-врачебной комиссией ограниченно годным к службе (категория «В») и годным к прохождению службы в должностях, отнесенных к 4 группе предназначения.

Отказ в выплате единовременного пособия, предусмотренного частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции», Н. В. Шмаков обжаловал в Вологодский городской суд Вологодской области, который решением от 27 октября 2014 года в удовлетворении исковых требований о взыскании данного единовременного пособия отказал. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Вологодского областного суда от 4 февраля 2015 года решение суда первой инстанции оставлено без изменения, с чем согласились вышестоящие суды, отказавшие Н. В. Шмакову в передаче кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (определения судьи Вологодского областного суда от 21 апреля 2015 года и судьи Верховного Суда Российской Федерации от 2 сентября 2015 года).

Оставляя требования В. А. Семенова и Н. В. Шмакова без удовлетворения, суды исходили из того, что травмы, полученные истцами при выполнении служебных обязанностей, не исключают дальнейшего прохождения ими службы в органах внутренних дел, в связи с чем им определена категория годности к службе «В», позволяющая продолжить службу на должностях 4 группы предназначения, а значит, право на получение соответствующего единовременного пособия у них не возникло. Кроме того, как указали суды, рассматривавшие дело по иску Н. В. Шмакова, основанием для его увольнения явился поданный им рапорт, что свидетельствует о его добровольном волеизъявлении на прекращение службы; вопрос же о возможности перемещения истца по службе (переводе на другие должности в органах внутренних дел) судами не разрешался.

Нарушение частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции» своих прав, гарантированных статьями 1, 2, 7, 19 (часть 1), 37, 39, 41, 45, 55 (часть 3) и 71 Конституции Российской Федерации, граждане В. А. Семенов и Н. В. Шмаков усматривают в том, что содержащаяся в ней норма допускает возможность отказа в выплате предусмотренного ею единовременного пособия получившим увечье или иное повреждение здоровья в связи с выполнением служебных обязанностей сотрудникам полиции, уволенным со службы по состоянию здоровья на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе.

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации по жалобе гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод проверяет конституционность законоположений, примененных в деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде, и принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Таким образом, часть 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на основании содержащейся в ней нормы — с учетом того, что ее действие в силу части 2 статьи 56 данного Федерального закона распространяется на сотрудников органов внутренних дел, не являющихся сотрудниками полиции, — решается вопрос о выплате единовременного пособия получившему в связи с выполнением служебных обязанностей увечье или иное повреждение здоровья сотруднику органов внутренних дел, признанному военно-врачебной комиссией ограниченно годным к прохождению службы (категория «В») и уволенному с нее в соответствии с пунктом 8 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» — на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе в органах внутренних дел и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, и в котором охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка инвалидов, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (статья 7), гарантируются равенство прав и свобод человека и гражданина (статья 19, часть 2), социальное обеспечение в случае болезни, инвалидности и в иных случаях, предусмотренных законом (статья 39, часть 1).

Приведенные положения Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 37 (часть 3) и 41 (часть 1), закрепляющими право на труд и право на охрану здоровья, в том числе при осуществлении профессиональной деятельности, обязывают государство разработать эффективный организационно-правовой механизм возмещения гражданину вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья в связи с выполнением трудовых (служебных) обязанностей. Соответственно, государство

должно стремиться к максимальному социальному эффекту при возмещении гражданам такого вреда, используя для этого все необходимые средства, включая частноправовые (добровольное страхование, возмещение вреда) и публично-правовые (государственное страхование, социальное обеспечение, денежные компенсации) институты.

Граждане, реализующие свое право на труд посредством прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, в том числе в полиции, которая представляет собой, по смыслу статьи 37 (часть 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 32 (часть 4), 72 (пункт «б» части 1) и 114 (пункт «е» части 1), особый вид государственной службы, непосредственно связанной с обеспечением общественного порядка, законности, прав и свобод граждан и, следовательно, осуществляемой в публичных интересах, выполняют конституционно значимые функции, чем обуславливается правовой статус лиц, несущих такую службу, а также содержание и характер обязанностей государства по отношению к ним; обязанности, возлагаемые на сотрудников органов внутренних дел, предполагают необходимость выполнения ими поставленных задач в любых условиях, зачастую сопряженных со значительным риском для жизни и здоровья, что в силу статей 1 (часть 1), 2, 7, 37 (части 1 и 3), 39 (части 1 и 2), 41 (часть 1) и 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации влечет обязанность государства гарантировать адекватное возмещение вреда, причиненного их жизни или здоровью в связи с выполнением служебных обязанностей (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2002 года № 17-П, от 15 июля 2009 года № 13-П, от 20 июля 2011 года № 21-П и др.). Выбор правовых средств, направленных на возмещение такого вреда, относится к дискреции федерального законодателя, который, осуществляя с учетом конституционных требований правовое регулирование в данной сфере, обязан предусматривать эффективные гарантии реализации прав сотрудников органов внутренних дел, соответствующие правовой природе и целям возмещения причиненного вреда, характеру возникающих между ними и государством правоотношений.

3. Учитывая особый характер обязанностей государства по отношению к сотрудникам органов внутренних дел как лицам, выполняющим конституционно значимые функции, и необходимость обеспечения государственной поддержки тем из них, кто получил в связи с выполнением служебных обязанностей увечье или иное повреждение здоровья, в том числе повлекшее установление инвалидности, федеральный законодатель закрепил в числе особых публично-правовых способов возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью этих лиц, обязательное государственное страхование их жизни и здоровья, специальное пенсионное обеспечение и систему мер социальной защиты, предназначение которых — компенсировать в максимальном объеме последствия изменения их материального и социального статуса, обеспечив соразмерный полученному вреду уровень его возмещения.

В частности, наряду с выплатой страховых сумм по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, как это вытекает из части 1 статьи 43 Федерального закона «О полиции», сотрудникам органов внутренних дел, получившим в связи с выполнением служебных обязанностей увечье или иное повреждение здоровья, исключающее возможность дальнейшего прохождения службы, предоставляются и другие имеющие целью возмещение вреда здоровью денежные выплаты и иные виды компенсаций, включая единовременное пособие, предусмотренное частью 5 той же статьи.

При установлении сотруднику органов внутренних дел, уволенному со службы, инвалидности вследствие военной травмы, исключившей возмож-

ность дальнейшего прохождения службы, ему выплачиваются ежемесячная денежная компенсация, исчисляемая исходя из размера оклада месячного денежного содержания и размера ежемесячной надбавки к окладу месячного денежного содержания за стаж службы (выслугу лет), принимаемых для исчисления пенсий (часть 6 статьи 43 Федерального закона «О полиции»), пенсия по инвалидности, назначаемая на основании Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 года № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей», и ежемесячное материальное обеспечение, предусмотренное Указом Президента Российской Федерации от 1 августа 2005 года № 887 «О мерах по улучшению материального положения инвалидов вследствие военной травмы».

За лицами, уволенными со службы в органах внутренних дел и ставшими инвалидами вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, сохраняется право на бесплатное медицинское обеспечение, в том числе на изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением зубных протезов из драгоценных металлов и других дорогостоящих материалов), на бесплатное обеспечение лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам на лекарственные препараты, медицинскими изделиями по назначению врача в медицинских организациях федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также на лечение в санаторно-курортных организациях данного федерального органа за плату в размере 25 процентов стоимости путевки, определяемой его руководителем (часть 7 статьи 11 Федерального закона от 19 июля 2011 года № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Кроме того, на них распространяются меры социальной поддержки, предусмотренные статьей 14 Федерального закона от 12 января 1995 года № 5-ФЗ «О ветеранах» для инвалидов боевых действий, включая компенсацию расходов на оплату жилья и коммунальных услуг в размере 50 процентов, предоставление ежегодного отпуска в удобное для них время, а также дополнительного отпуска без сохранения заработной платы, профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование за счет средств работодателя, внеочередной прием в организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги в стационарной и полустационарной форме, внеочередное обслуживание организациями социального обслуживания, предоставляющими социальные услуги в форме социального обслуживания на дому, и др.

Таким образом, в системе действующего правового регулирования создан специальный публично-правовой механизм возмещения вреда, причиненного здоровью сотрудников органов внутренних дел, который имеет своим предназначением восполнение понесенных ими материальных потерь, обусловленных невозможностью дальнейшего прохождения службы вследствие полученного увечья или иного повреждения здоровья в связи с выполнением служебных обязанностей.

Положение части 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции» является неотъемлемым элементом данного публично-правового механизма, а предусмотренная им выплата представляет собой дополнительную социальную гарантию, установленную специальным законом для соответствующей категории граждан, в отношении которых государство берет на себя обязательство компенсировать причиненный вред.

4. Право на получение единовременного пособия, предусмотренного частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции», в отличие от страховых сумм, выплачиваемых в рамках обязательного государственного страхования жизни и здоровья, обусловлено как фактом получения увечья или иного повреждения здоровья при осуществлении служебной деятельности, так и невозможностью в связи с этим продолжать службу в органах внутренних дел.

Невозможность прохождения службы подтверждается установлением сотруднику полиции на основании заключения военно-врачебной комиссии определенной категории годности к службе («Б», «В» или «Д») и увольнением с нее по соответствующему основанию, предусмотренному Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Это следует из пункта 22 Инструкции о порядке осуществления выплат в целях возмещения вреда, причиненного в связи с выполнением служебных обязанностей, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации или их близким родственникам (утверждена приказом МВД России от 18 июня 2012 года № 590), относящего к числу документов, необходимых для решения вопроса о выплате единовременного пособия в случае повреждения здоровья сотрудника, копию заключения военно-врачебной комиссии о категории годности к службе в органах внутренних дел сотрудника, получившего увечье или иное повреждение здоровья в связи с выполнением служебных обязанностей, приведшее к расторжению контракта и его увольнению, с указанием причинной связи увечья или иного повреждения здоровья в формулировке «военная травма» и документ, подтверждающий прекращение службы в органах внутренних дел по основаниям, указанным в пункте 14 данной Инструкции.

Однако в этом пункте указание на какие-либо основания прекращения службы отсутствует, и согласно сложившейся правоприменительной практике сотрудники органов внутренних дел, включая полицию, получившие в связи с выполнением служебных обязанностей увечье или иное повреждение здоровья, в зависимости от установленной им категории годности к службе, определяемой военно-врачебной комиссией в соответствии с Инструкцией о порядке проведения военно-врачебной экспертизы и медицинского освидетельствования в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации (утверждена приказом МВД России от 14 июля 2010 года № 523), увольняются со службы по двум основаниям, предусмотренным статьей 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а именно: или по болезни — на основании заключения военно-врачебной комиссии о негодности к службе в органах внутренних дел (категория «Д») (пункт 1 части 3), или по состоянию здоровья — на основании ее заключения об ограниченной годности к службе в органах внутренних дел и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе (категории «Б» и «В») (пункт 8 части 2).

В случае признания сотрудника органов внутренних дел негодным к службе (категория «Д») контракт с ним подлежит безусловному расторжению, а сотрудник — увольнению, т. е. продолжение службы на каких бы то ни было должностях для него невозможно. Поэтому при увольнении по пункту 1 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ему выплачивается единове-

менное пособие, предусмотренное частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции». Сотрудники же, признанные ограниченно годными к службе (категория «В») и годными к службе с незначительными ограничениями (категория «Б»), увольняются только при отсутствии возможности перемещения по службе, т. е. перевода на другие должности в органах внутренних дел, подходящие им по состоянию здоровья, или при отказе от такого перевода. Соответственно, в случае перемещения по службе они не приобретают право на получение указанного единовременного пособия, поскольку закон связывает его выплату с невозможностью дальнейшего прохождения службы.

4.1. Если перемещение по службе (перевод на другую должность) сотрудника органов внутренних дел, в том числе сотрудника полиции, признанного ограниченно годным к службе (категория «В») или годным к службе с незначительными ограничениями (категория «Б»), оказывается невозможным, он подлежит увольнению в соответствии с пунктом 8 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которое должно быть произведено с соблюдением установленного законом порядка и гарантий принадлежащих сотрудникам органов внутренних дел прав.

В частности, поскольку названный Федеральный закон связывает увольнение по данному основанию исключительно с отсутствием возможности перемещения сотрудника по службе (перевода на другую должность в органах внутренних дел), что, в свою очередь, может быть обусловлено отсутствием вакантных должностей в органах внутренних дел, несоответствием профессиональных качеств сотрудника требованиям, предусмотренным для занятия имеющейся вакантной должности, и другими обстоятельствами, при наличии вакантных должностей в органах внутренних дел сотруднику, признанному ограниченно годным к службе или годным к службе с незначительными ограничениями, соответствующие должности (с учетом квалификационных требований по каждой из них) должны быть предложены.

Если сотрудник органов внутренних дел отказался от перевода на предложенную вакантную должность, подходящую ему по состоянию здоровья, то, по буквальному смыслу части 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции», он не вправе претендовать на предусмотренное данной нормой единовременное пособие, поскольку возможность дальнейшего прохождения службы для него сохранялась, но, реализуя конституционное право на свободное распоряжение своими способностями к труду, он добровольно отказался от ее прохождения. В этом случае сотрудник органов внутренних дел может быть уволен как по пункту 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», закрепляющему такой отказ в качестве основания для увольнения, так и по пункту 8 части 2 той же статьи, т. е. по состоянию здоровья (на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе в органах внутренних дел и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе). Однако и при увольнении по состоянию здоровья решающее значение имеет добровольный отказ сотрудника от продолжения службы.

4.2. Согласно части 8 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» при наличии одновременно нескольких оснований прекращения или расторжения контракта,

предусмотренных частью 1, пунктами 1, 3, 4, 8, 9, 11, 12 и 16 части 2 и пунктами 1 и 3 части 3 данной статьи, контракт прекращается или расторгается по одному из этих оснований по выбору сотрудника органов внутренних дел.

Следовательно, сотрудники органов внутренних дел могут быть уволены по основанию, предусмотренному пунктом 8 части 2 данной статьи, и по собственной инициативе, избрав такое основание из двух или более возможных. Однако это обстоятельство само по себе не может оказывать влияния на приобретение права на единовременное пособие, предусмотренное частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции», поскольку — с учетом универсальности конституционного принципа равенства, в силу которого все сотрудники органов внутренних дел, признанные ограниченно годными к прохождению службы, должны быть поставлены в равные условия, и по смыслу действующего правового регулирования порядка прохождения службы в органах внутренних дел — тем из них, кто по собственной инициативе избрал увольнение со службы по состоянию здоровья, и тем, у кого право выбора не возникло, необходимо предоставление одних и тех же гарантий, т. е. и тем и другим должны быть предложены имеющиеся вакантные должности, подходящие им по состоянию здоровья.

Соответственно, для приобретения права на единовременное пособие, предусмотренное частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции», сотрудники органов внутренних дел, признанные ограниченно годными к службе (категория «В»), должны быть уволены со службы по основанию, предусмотренному пунктом 8 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в связи с отсутствием вакантных должностей в органах внутренних дел либо другими обстоятельствами, свидетельствующими об объективной невозможности перемещения по службе. Это означает, что сотрудники органов внутренних дел, получившие увечье или иное повреждение здоровья, исключающие дальнейшее прохождение службы в силу отсутствия возможности перемещения по службе (перевода на другую должность в органах внутренних дел), имеют право на единовременное пособие, предусмотренное частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции».

5. Аналогичное правовое регулирование действовало и до внесения в него изменений, связанных с принятием Федерального закона «О полиции».

Так, к числу сотрудников милиции, для которых вследствие телесных повреждений, полученных при осуществлении служебной деятельности, исключалось дальнейшее прохождение службы, относились наряду с сотрудниками, которые заключением военно-врачебной комиссии о категории годности к военной службе признавались не годными к службе (категория «Д»), и сотрудники, которые признавались ограниченно годными к службе (категория «В») при отсутствии возможности перемещения по службе (пункт 19 утвержденной приказом МВД России от 15 октября 1999 года № 805 Инструкции о порядке возмещения ущерба в случае гибели (смерти) или причинения увечья сотруднику органов внутренних дел, а также ущерба, причиненного имуществу сотрудника органов внутренних дел или его близких). Тем самым сотрудники милиции, признанные ограниченно годными к службе и уволенные в связи с невозможностью перемещения по службе, имели право на получение соответствующего единовременного пособия. Как следует из полученного Конституционным Судом Российской Федерации сообщения полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации, при принятии Феде-

рального закона «О полиции» не предполагалось изменение круга лиц, имеющих право на получение единовременного пособия в связи с получением увечья или иного повреждения здоровья и невозможностью дальнейшего прохождения службы в органах внутренних дел.

С учетом того, что часть 5 статьи 43 данного Федерального закона по своему содержанию аналогична части третьей статьи 29 Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 года № 1026-1 «О милиции», а формулировка основания увольнения сотрудников, признанных ограниченно годными к службе, претерпела лишь редакционные изменения, для действующего правового регулирования сохраняет свое значение вывод, к которому пришел Конституционный Суд Российской Федерации при разрешении вопроса о конституционности части третьей статьи 29 Закона Российской Федерации «О милиции»: право на предусмотренное данной нормой единовременное пособие должно быть обеспечено всем сотрудникам органов внутренних дел, получившим телесные повреждения в связи с осуществлением служебной деятельности и уволенным со службы по ограниченному состоянию здоровья (на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе и о невозможности по состоянию здоровья исполнять служебные обязанности в соответствии с занимаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе), на равных основаниях (Постановление от 20 июля 2011 года № 21-П).

Данный вывод, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, согласуется с вытекающей из статей 1 (часть 1), 2, 7, 37 (части 1 и 3), 39 (части 1 и 2), 41 (часть 1) и 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации обязанностью государства предоставить этим лицам материальное обеспечение и компенсации в случае причинения вреда их здоровью при прохождении службы. Соответственно, лишение сотрудников органов внутренних дел, признанных ограниченно годными к службе и уволенных на основании пункта 8 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», права на получение единовременного пособия, предусмотренного частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции», в случае если увольнение не связано с их отказом от предложенной вакантной должности в органах внутренних дел, подходящей им по состоянию здоровья, приводило бы к нарушению конституционного принципа равенства, означающего, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях).

Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать требованиям Конституции Российской Федерации, в том числе вытекающим из закрепленного ею принципа равенства, в соответствии с которыми такие различия допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им (постановления от 3 июня 2004 года № 11-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 10 ноября 2009 года № 17-П, от 20 декабря 2010 года № 21-П и др.).

6. Таким образом, часть 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции» — в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с пунктом 8 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в

отдельные законодательные акты Российской Федерации», – не может рассцениваться как препятствующая выплате предусмотренного ею единовременного пособия сотруднику органов внутренних дел, получившему увечье или иное повреждение здоровья в связи с выполнением служебных обязанностей и уволенному со службы по состоянию здоровья на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе в органах внутренних дел и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе, за исключением случаев, когда увольнению предшествовал отказ сотрудника от перевода на другую должность в органах внутренних дел, подходящую ему по состоянию здоровья.

Федеральный законодатель в рамках предоставленной ему дискреции вправе осуществить дифференциацию размеров единовременного пособия, предусмотренного частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции», в зависимости от степени полученного сотрудником органов внутренних дел при выполнении служебных обязанностей повреждения здоровья и, соответственно, степени утраты им способности к прохождению службы в органах внутренних дел.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положение части 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции» не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с пунктом 8 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», – не препятствует выплате предусмотренного ею единовременного пособия сотруднику органов внутренних дел, получившему увечье или иное повреждение здоровья в связи с выполнением служебных обязанностей и уволенному со службы по состоянию здоровья на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе в органах внутренних дел и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе, за исключением случаев, когда увольнению предшествовал отказ сотрудника от перевода на другую должность в органах внутренних дел, подходящую ему по состоянию здоровья.

2. Правоприменительные решения в отношении граждан Семенова Владимира Анатольевича и Шмакова Николая Викторовича подлежат пересмотру в установленном порядке.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2 марта
2017 года,
город Санкт-
Петербург

№ 4-П

по делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Ю. Глазкова и В. Н. Степанова

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба граждан В. Ю. Глазкова и В. Н. Степанова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н. В. Мельникова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Заявители по настоящему делу граждане В. Ю. Глазков и В. Н. Степанов оспаривают конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

пункта 3 части первой статьи 24 «Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела», согласно которому уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению в связи с истечением сроков давности уголовного преследования;

пункта 1 статьи 254 «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в судебном заседании», согласно которому суд прекращает уголовное дело в судебном заседании в том числе в случаях, если во время судебного разбирательства будет установлено обстоятельство, указанное в пункте 3 части первой статьи 24 данного Кодекса;

части восьмой статьи 302 «Виды приговоров», согласно которой если основание прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, указанное в пункте 3 части первой статьи 24 данного Кодекса, обнаруживается в ходе судебного разбирательства, то суд продолжает рассмотре-

ние уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу и постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания.

Как следует из приложенных к жалобе материалов, уголовные дела, возбужденные в отношении С. В. Артемова и В. Н. Моторина по факту дорожно-транспортного происшествия, имевшего место в 2007 году, в 2013 году по окончании предварительного расследования были переданы в Приморский районный суд Санкт-Петербурга для рассмотрения по существу. Начатое в ноябре 2013 года судебное разбирательство по каждому из этих дел осуществлялось в течение двух с половиной лет и завершилось их прекращением на основании пункта 3 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 УПК Российской Федерации в связи с истечением шестилетнего срока давности уголовного преследования. При этом в отношении С. В. Артемова, обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного частью третьей статьи 266 УК Российской Федерации (выпуск в эксплуатацию технически неисправного транспортного средства, повлекший по неосторожности смерть двух лиц), решение было принято в подготовительной части судебного заседания, а в отношении В. Н. Моторина, обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного частью пятой статьи 264 УК Российской Федерации (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух лиц), – в ходе судебного следствия. Признанные по данным уголовным делам потерпевшими В. Ю. Глазков и В. Н. Степанов против прекращения уголовного преследования указанных лиц возражали и, полагая необходимым рассмотреть эти уголовные дела по существу с вынесением приговора, обжаловали решения Приморского районного суда Санкт-Петербурга в апелляционном порядке.

Санкт-Петербургский городской суд постановлением о прекращении уголовного дела в отношении С. В. Артемова признал законным и обоснованным (апелляционное постановление от 6 сентября 2016 года), а постановление о прекращении уголовного преследования В. Н. Моторина отменил как незаконное и необоснованное и направил дело на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства (апелляционное постановление от 7 сентября 2016 года), поскольку пришел к выводу, что в данном деле подлежала применению часть восьмая статьи 302 УПК Российской Федерации, согласно которой в случае, когда к моменту постановления приговора истекает срок давности уголовного преследования, суд постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от назначенного наказания. Президиум Санкт-Петербургского городского суда, рассмотрев кассационную жалобу адвоката В. Н. Моторина и кассационное представление заместителя прокурора Санкт-Петербурга, отменил апелляционное постановление от 7 сентября 2016 и передал уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение. Апелляционным постановлением Санкт-Петербургского городского суда от 24 января 2017 года решение Приморского районного суда Санкт-Петербурга о прекращении уголовного преследования В. Н. Моторина в связи с истечением срока давности оставлено без изменения.

Нарушение оспариваемыми законоположениями своих прав, гарантированных статьями 2, 18, 46 (часть 1), 49 (часть 1), 52 и 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации, граждане В. Ю. Глазков и В. Н. Степанов усматривают в том, что они позволяют суду выносить решение о прекращении уголовного дела в случае истечения сроков давности уголовного преследования на основании ходатайства подсудимого и при возражении потерпевших на стадии судебного разбирательства, не принимая во внимание требование, предписывающее в случае обнаружения оснований для прекра-

щения уголовного дела в связи с истечением сроков давности продолжить рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу. Тем самым, по мнению заявителей, потерпевшие лишаются возможности реализовать свое право на доступ к правосудию и на компенсацию ущерба, причиненного преступлением.

Таким образом, с учетом требований статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» взаимосвязанные положения пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку в системе действующего правового регулирования на их основании судом разрешается вопрос о прекращении уголовного дела в случае истечения сроков давности уголовного преследования.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, возлагает на Россию как демократическое правовое государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, охранять достоинство личности, честь и доброе имя каждого и в этих целях гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, а также возможность обжаловать в суд решения и действия (или бездействия) органов государственной власти и должностных лиц (статья 1, часть 1; статья 2; статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статья 46, части 1 и 2).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, предписания Конституции Российской Федерации о соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина на основе равенства всех перед законом и судом, об обеспечении доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба (статьи 2 и 18; статья 19, части 1 и 2; статья 45; статья 46, части 1 и 2; статья 52) предполагают обязанность государства как предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, так и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами.

Такой подход соотносится с положениями Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (утверждена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 года), закрепляющими право лиц, которым был причинен вред в результате действия или бездействия, нарушающих национальные уголовные законы («жертвы»), на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством (пункты 1 и 4) и обязывающими государство содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям этих лиц, в том числе путем обеспечения возможности изложения и рассмотрения их мнений и пожеланий в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, но без ущерба для обвиняемых и согласно национальной системе уголовного правосудия (пункт 6).

Исходя из этого устанавливаемые федеральным законодателем уголовно-процессуальные механизмы должны, как того требует Конституция Российской Федерации, прежде всего ее статьи 2 и 18, и нормы международного права, являющиеся составной частью правовой системы России (статья 15, часть 4, Конституции Российской Федерации), в максимальной степени способствовать предупреждению и пресечению преступлений, предотвращению их негативных последствий для прав и охраняемых законом инте-

ресов граждан, а также упрощать жертвам преступлений доступ к правосудию с целью восстановления нарушенных прав и получения необходимой компенсации с учетом того, что интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве в значительной степени связаны с разрешением вопроса о применении уголовного закона; при этом государство – хотя при наличии соответствующих оснований и условий оно может отказаться от осуществления уголовного преследования виновного – не освобождается от возложенной на него Конституцией Российской Федерации, ее статьями 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 52, обязанности гарантировать защиту прав и свобод других лиц, в том числе обеспечить потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 8 декабря 2003 года № 18-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 16 октября 2012 года № 22-П и др.).

Вместе с тем – в силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 24 апреля 2003 года № 7-П, вытекающая из Конституции Российской Федерации, в частности ее статьи 52, обязанность государства обеспечить восстановление прав потерпевшего от преступления не обуславливает наделение его правом определять необходимость осуществления предполагающего вынесение приговора уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности, – такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений может принадлежать только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов. Равным образом, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, из права каждого на судебную защиту его прав и свобод не вытекает возможность выбора гражданами по своему усмотрению способов и процедур судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел определяются, исходя из Конституции Российской Федерации, федеральными законами; гарантируя права лиц, потерпевших от преступлений, Конституция Российской Федерации не определяет, в какой именно процедуре должен обеспечиваться доступ потерпевших к правосудию в целях защиты их прав и законных интересов и компенсации причиненного им вреда, – решение этого вопроса возлагается на федерального законодателя (Постановление от 11 ноября 2014 года № 28-П; определения от 16 ноября 2006 года № 493-О, от 17 ноября 2009 года № 1427-О-О, от 23 марта 2010 года № 388-О-О, от 10 марта 2016 года № 457-О и др.).

3. Правосудие в Российской Федерации согласно статье 118 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации осуществляется только судом, в том числе посредством уголовного судопроизводства, в рамках которого государство обязано гарантировать защиту прав как собственно участников уголовного процесса, так и всех тех, чьи права и законные интересы непосредственно затрагиваются при производстве по уголовному делу, обеспечивая им надлежащие возможности по отстаиванию своих прав и законных интересов на всех стадиях уголовного судопроизводства любыми не запрещенными законом способами; осуществляя соответствующее правовое регулирование на основании статьи 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации, относящей уголовное и уголовно-процессуальное законодательство к ведению Российской Федерации, федеральный законодатель в силу статей 19 (части 1 и 2), 45, 46, 49 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации вправе как устанавливать в законе ответственность за правонарушения, так и устранять ее, а также определять, какие меры государственного принуждения подлежат использованию в качестве средств реагирования на те или иные

противоправные деяния и при каких условиях возможен отказ от их применения (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 года № 16-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июня 2011 года № 860-О-О, от 16 июля 2013 года № 1226-О и др.).

В этих целях федеральный законодатель, действуя в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий, предусмотрел в Уголовном кодексе Российской Федерации основания отказа от уголовного преследования определенной категории лиц и прекращения в отношении них уголовного преследования, включая такое нереабилитирующее основание, как истечение сроков давности уголовного преследования. Закрепляя в статье 78 данного Кодекса правило, согласно которому лицо освобождается от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, определяемых в зависимости от тяжести преступления и исчисляемых со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу (части первая и вторая), федеральный законодатель, реализуя в уголовном судопроизводстве принцип гуманизма, исходил из нецелесообразности применения мер уголовной ответственности ввиду значительного уменьшения общественной опасности преступления по прошествии значительного времени с момента его совершения (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 года № 1220-О, от 5 июня 2014 года № 1309-О и др.).

Необходимые в таких случаях уголовно-процессуальные условия и порядок применения норм уголовного закона об освобождении от уголовной ответственности и прекращении уголовного дела при выявлении оснований, предусмотренных статьей 78 УК Российской Федерации, установлены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, согласно пункту 3 части первой статьи 24 и пункту 1 статьи 254 которого орган или должностное лицо, осуществляющие уголовное судопроизводство, в зависимости от стадии, на которой было выявлено истечение срока давности, отказывают в возбуждении уголовного дела или прекращают его.

3.1. Касясь вопросов, связанных с последствиями истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 28 октября 1996 года № 18-П, а также в определениях от 2 ноября 2006 года № 488-О и от 15 января 2008 года № 292-О-О пришел к следующим выводам:

отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение в связи с освобождением лица от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующему основанию не влекут признание лица виновным или невиновным в совершении преступления. Принимаемое в таких случаях процессуальное решение не подменяет собой приговор суда и по своему содержанию и правовым последствиям не является актом, которым устанавливается виновность подозреваемого или обвиняемого (подсудимого) в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации. Подобного рода решения констатируют отказ от дальнейшего доказывания виновности лица, несмотря на то что основания для осуществления в отношении него уголовного преследования сохраняются;

с учетом особенностей правовой природы института освобождения от уголовной ответственности ввиду истечения сроков давности частью второй статьи 27 УПК Российской Федерации определяется, что прекращение уголовного преследования по этому основанию возможно лишь с согласия подозреваемого или обвиняемого (подсудимого), в связи с чем в рамках реализации гарантируемых статьями 49 и 123 Конституции Российской Федерации прав ему должно обеспечиваться продолжение производства по делу

и тем самым судебная защита прав и свобод, а при наличии к тому оснований – реабилитация;

получение согласия обвиняемого (подсудимого) является обязательным условием для принятия – до завершения в установленном порядке судебного разбирательства – решения о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности. В противном случае ему должна быть предоставлена возможность реализовать свое право на судебную защиту, что осуществимо лишь при проведении полноценного судебного разбирательства, в ходе которого должны быть установлены обстоятельства произошедшего, дана их правильная правовая оценка, выявлены конкретный вред, причиненный обществу и отдельным лицам, а также действительная степень вины (или невиновность) лица в совершении инкриминируемого ему деяния. Иное – в нарушение статей 49 и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации – лишило бы данного участника уголовного судопроизводства возможности добиваться своей реабилитации;

если в результате судебного разбирательства, продолженного по требованию обвиняемого (подсудимого), будет установлена его вина в совершении инкриминируемого ему преступления, вынесение постановления о прекращении уголовного дела ввиду истечения сроков давности становится невозможным и суд постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания в порядке части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации, но не от уголовной ответственности.

Таким образом, осуществляя правовое регулирование института освобождения от уголовной ответственности ввиду истечения сроков давности, федеральный законодатель, будучи связанным конституционными требованиями о судебной защите прав и свобод человека и гражданина и одновременно наделенный дискреционными полномочиями по определению ее способов и процедур, исходил из того, что положения части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации распространяются исключительно на случаи, когда прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности в порядке статьи 254 данного Кодекса невозможно в силу части второй его статьи 27, не допускающей прекращения уголовного преследования по данному основанию, если обвиняемый (подсудимый) против этого возражает; применение части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации может иметь место, если обвиняемый (подсудимый) настаивает на продолжении производства по уголовному делу, что предполагает проведение полноценного судебного разбирательства, завершающегося постановлением приговора как акта правосудия. Что касается потерпевшего, то его согласие на прекращение уголовного преследования в связи с истечением сроков давности не является необходимым условием при принятии соответствующего решения.

Основанная на взаимосвязанных положениях пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации судебная практика также исходит из того, что при установлении в ходе судебного разбирательства обстоятельства, указанного в пункте 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации, суд прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование только при условии согласия на это обвиняемого (подсудимого). При этом, как следует из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», не имеет значения, в какой момент производства по делу истекли сроки давности уголовного преследования, если в результате продолженного судебного разбирательства в связи с возражением подсудимого против прекращения уголовного

дела и (или) уголовного преследования по указанному основанию будет установлена его виновность, суд постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания (пункт 25); кроме того, в соответствии с пунктом 1 части второй статьи 389¹⁷ УПК Российской Федерации налицо существенное нарушение уголовно-процессуального закона, влекущее безусловную отмену приговора, если суд первой инстанции при наличии оснований, предусмотренных пунктом 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации, не прекратил уголовное дело и (или) уголовное преследование (пункт 27).

3.2. В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в ряде его решений, выявление в ходе судебного разбирательства наличия оснований для прекращения уголовного дела, в частности установление того, что с момента совершения преступления прошел срок, указанный в части первой статьи 78 УК Российской Федерации, не препятствует потерпевшему в случае обоснованного сомнения в правильности исчисления этого срока представить свои возражения против прекращения уголовного преследования и не освобождает суд от необходимости исследовать представленные сторонами по данному делу доводы, проверить наличие достаточных для его прекращения условий, в том числе путем обеспечения потерпевшему возможности отстаивать свою позицию по существу рассматриваемых вопросов и доказывать отсутствие оснований для прекращения дела, а в случае вынесения решения о прекращении уголовного дела – оспорить его по мотивам незаконности и необоснованности в установленном процессуальным законом судебном порядке (постановления от 28 октября 1996 года № 18-П, от 24 апреля 2003 года № 7-П и от 8 декабря 2003 года № 18-П; определения от 24 февраля 2005 года № 91-О, от 19 июня 2007 года № 591-О-О, от 5 июня 2014 года № 1534-О и др.).

Тем самым потерпевшим как лицам, заинтересованным в исходе дела, обеспечивается судебная защита их прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства, в том числе в отношении соблюдения предусмотренных статьей 6¹ УПК Российской Федерации разумных сроков уголовного судопроизводства как на стадии предварительного следствия, так и на стадии судебного разбирательства, в случае нарушения которых они не лишены возможности обратиться за компенсацией, предусмотренной Федеральным законом от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». Как следует из представленных Конституционному Суду Российской Федерации материалов, заявители по настоящему делу также не были лишены возможности изложить свою позицию в ходе судебного разбирательства соответствующих уголовных дел и обжаловали постановления об их прекращении в вышестоящий суд.

При формировании способов защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений федеральным законодателем используется не только механизм уголовно-процессуального регулирования. В частности, применительно к возмещению вреда, причиненного гражданину в результате совершения преступления, в главе 59 ГК Российской Федерации, регламентирующей обязательства вследствие причинения вреда – как материального, так и морального, особо выделена ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (статья 1079).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, лицо, уголовное дело в отношении которого прекращено в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, не освобождается

от обязательств по возмещению причиненного им ущерба, а потерпевший имеет возможность защитить свои права и законные интересы в порядке гражданского судопроизводства с учетом правил о сроках исковой давности (определения от 16 июля 2009 года № 996-О-О, от 20 октября 2011 года № 1449-О-О, от 28 мая 2013 года № 786-О, от 5 марта 2014 года № 589-О, от 24 июня 2014 года № 1458-О и др.). В таких случаях, по смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 24 апреля 2003 года № 7-П, суд – в силу конституционного принципа равенства всех перед законом и судом – обязан обеспечить потерпевшему процессуальные гарантии реализации его прав на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Кроме того, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в том же Постановлении, потерпевшим – исходя из признания за ними процессуального равенства при восстановлении в правах как путем уголовного судопроизводства, так и путем гражданского судопроизводства – должны обеспечиваться равные условия, включая оказание содействия со стороны государства в лице его уполномоченных органов в получении доказательств, подтверждающих факт причинения вреда в результате противоправного деяния. В частности, при рассмотрении в порядке гражданского судопроизводства иска о возмещении ущерба, причиненного подвергнутому уголовному преследованию лицом, данные предварительного расследования, включая сведения об установленных органом предварительного расследования фактических обстоятельствах совершенного деяния, содержащиеся в решении о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в силу части первой статьи 67 и части первой статьи 71 ГПК Российской Федерации должны быть приняты судом в качестве письменных доказательств, которые он обязан оценивать наряду с другими имеющимися в деле доказательствами по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании. При этом оценка судом в гражданском деле материально-правовых оснований возмещения причиненного преступлением вреда не может ограничиваться выводами осуществлявших уголовное судопроизводство органов, изложенными в постановлении о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в случае несогласия с ними лица, являвшегося в уголовном процессе потерпевшим.

Возможность обратиться в суд с соответствующими исковыми требованиями к владельцу транспортного средства как источника повышенной опасности (Санкт-Петербургскому государственному унитарному дорожному специализированному предприятию «Коломяжское») имела и у заявителей по настоящему делу.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают, что при прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования с согласия обвиняемого (подсудимого):

потерпевший, если у него имеются обоснованные сомнения в правильности исчисления срока давности уголовного преследования, вправе представить свои возражения против прекращения уголовного дела, которые должны быть исследованы судом, а в случае вынесения решения о прекращении уголовного дела — оспорить его по мотивам незаконности и необоснованности в установленном процессуальным законом порядке;

для потерпевшего сохраняется возможность защитить свои права и законные интересы в порядке гражданского судопроизводства с учетом правил о сроках исковой давности, а обвиняемый (подсудимый) не освобождается от обязательств по возмещению причиненного противоправным деянием ущерба; при этом потерпевшему должно обеспечиваться содействие со стороны государства в лице его уполномоченных органов в получении доказательств, подтверждающих факт причинения такого ущерба;

суд, рассматривающий в порядке гражданского судопроизводства иск о возмещении ущерба, причиненного подвергавшимся уголовному преследованию лицом, должен принять данные предварительного расследования, включая сведения, содержащиеся в решении о прекращении в отношении этого лица уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в качестве письменных доказательств, которые — наряду с другими имеющимися в деле доказательствами — он обязан оценивать по своему внутреннему убеждению, основанному на их всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании;

потерпевший не лишен возможности обратиться в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

2. Конституционно-правовой смысл взаимосвязанных положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

7 марта
2017 года,
город Санкт-
Петербург

№ 5-П

по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401⁶ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Е. Певзнера

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

с участием представителя гражданина А. Е. Певзнера – адвоката М. А. Крупского, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т. В. Касаевой, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А. А. Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. В. Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401⁶ УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы гражданина А. Е. Певзнера. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А. И. Бойцова, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – М. А. Мельниковой, от Федеральной таможенной службы – В. А. Алтуфьевой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т. А. Васильевой, от Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – И. Н. Соловьева, от Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека – Н. Л. Евдокимовой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации при вынесении приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах; при этом орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации, или передаются в соответствующие учреждения, или уничтожаются

(пункт 1 части третьей статьи 81); пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия (статья 401⁶).

1.1. В отношении гражданина Российской Федерации А. Е. Певзнера, имеющего также гражданство Федеративной Республики Германия, органами предварительного расследования было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью второй статьи 188 «Контрабанда» УК Российской Федерации, выразившегося в перемещении в марте 2003 года с территории Финляндии через таможенную границу России без декларирования принадлежащей ему и его супруге картины Карла Брюллова «Христос во гробе» (стоимостью на момент пересечения таможенной границы не менее 9 416 160 руб.), отнесенной к культурным ценностям, для перемещения которых через таможенную границу установлены специальные правила.

Выборгский городской суд Ленинградской области постановлением от 27 ноября 2013 года, вынесенным в процедуре предварительного слушания, удовлетворил ходатайство стороны защиты в части прекращения данного уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, а в части требования о возвращении картины ее законным владельцам отказал и, руководствуясь пунктом 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, постановил картину, как признанную в качестве орудия преступления вещественным доказательством, конфисковать, оставив ее на хранении в Государственном Русском музее.

Судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского областного суда решение суда первой инстанции изменила в части, касающейся конфискации картины, и, руководствуясь пунктом 6 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, обязала передать ее после надлежащего таможенного оформления органами таможенного контроля Российской Федерации законным владельцам, чье право собственности не оспаривалось (апелляционное определение от 24 июня 2014 года). Принимая такое решение, суд апелляционной инстанции исходил из того, что картина была лишь предметом уголовно наказуемого деяния, а не орудием контрабанды или каким-либо иным предметом из числа перечисленных в пунктах 1–5 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации и, следовательно, ее судьба не могла быть решена на основании этих законоположений.

В передаче кассационных представлений уполномоченных прокуроров на данное апелляционное определение для рассмотрения в судебных заседаниях соответствующих судов кассационной инстанции было отказано постановлением судьи Ленинградского областного суда от 23 сентября 2014 года и постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2014 года, которое, в свою очередь, постановлением заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 3 июля 2015 года было отменено с передачей кассационного представления заместителя Генерального прокурора Российской Федерации в президиум Ленинградского областного суда.

Отклоняя доводы кассационного представления о необходимости приращения при решении вопроса о судьбе картины положений статьи 104¹ УК Российской Федерации и пункта 4¹ части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, предусматривающих конфискацию имущества, являюще-

гося предметом незаконного перемещения через таможенную границу, президиум Ленинградского областного суда мотивировал свое решение тем, что указанные законоположения на момент совершения инкриминируемого А. Е. Певзнеру деяния в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве отсутствовали и обратной силы не имеют, а частью третьей статьи 81 УПК Российской Федерации в ранее действовавшей редакции конфискация вещественных доказательств предусматривалась только в отношении орудия преступления, но не его предмета (постановление от 15 сентября 2015 года).

С выводами, содержащимися в апелляционном определении судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского областного суда от 24 июня 2014 года и постановлении президиума Ленинградского областного суда от 15 сентября 2015 года, не согласилась Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, которая определением от 28 апреля 2016 года, принятым по итогам рассмотрения кассационного представления заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, оставила без изменения постановление Выборгского городского суда Ленинградской области от 27 ноября 2013 года. Отклоняя возражения стороны защиты, ссылавшейся на невозможность принятия по истечении года с момента вынесения апелляционного определения решения о конфискации принадлежащей А. Е. Певзнеру картины, как ухудшающего его положение, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации исходила из того, что в силу части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации при вынесении постановления о прекращении уголовного дела суд обязан решить вопрос о вещественных доказательствах, к каковым в данном случае относится эта картина, и такое решение не может рассцениваться как ухудшающее положение лица, в отношении которого прекращено уголовное преследование, а потому его принятие не ограничено временными рамками.

1.2. Согласно статьям 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующим предписание статьи 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации проверяет по жалобе гражданина на нарушение конституционных прав и свобод конституционность законоположений, примененных в его деле, рассмотрение которого завершено в суде, и принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая при этом как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Гражданин А. Е. Певзнер обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с двумя жалобами. В первой им оспаривается конституционность пункта 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, во второй – конституционность статьи 401⁶ данного Кодекса. Поскольку обе нормы применены судом в одном и том же конкретном деле и послужили основанием для вынесения одних и тех же судебных решений, а их несоответствие Конституции Российской Федерации заявитель связывает с недопустимым, как он полагает, вмешательством в право собственности на имущество, изъятое в качестве вещественного доказательства по уголовному делу, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Рос-

сийской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заявитель оспаривает конституционность пункта 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации в первоначальной редакции, действовавшей на момент возбуждения в отношении него уголовного дела о контрабанде и предусматривавшей в рамках решения вопроса о вещественных доказательствах в случае вынесения приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела конфискацию лишь орудий преступления, принадлежащих обвиняемому. Нарушение названным законоположением своих прав, гарантированных статьями 15 (часть 4), 17 (часть 1), 35 (части 1–3), 49 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, заявитель усматривает в том, что оно обязывает суд при прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования конфисковать принадлежащее лицу, не признанному в установленном законом порядке виновным в совершении уголовно наказуемого деяния, имущество, признанное в качестве орудия преступления вещественным доказательством (если это имущество не подлежит передаче в соответствующие учреждения или уничтожению).

В связи с ратификацией Федеральным законом от 26 апреля 2004 года № 26-ФЗ Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года (вступила в силу с 29 сентября 2003 года), пунктом 1 статьи 12 которой признается возможность конфискации имущества, оборудования или других средств, использовавшихся или предназначенных для использования при совершении преступлений, федеральный законодатель, обеспечивая выполнение Россией принятых на себя международно-правовых обязательств, аналогичным образом конкретизировал возможные объекты конфискации как в Уголовном кодексе Российской Федерации (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ), так и в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (Федеральный закон от 31 декабря 2014 года № 530-ФЗ). Поскольку более широкое понятие «средства совершения преступления», включающее и орудия преступления, вошло в понятийный аппарат института конфискации в указанных отраслях законодательства в период вынесения судами различных инстанций решений, связанных с последствиями прекращения уголовного дела заявителя в связи с истечением срока давности уголовного преследования, Конституционный Суд Российской Федерации полагает возможным осуществить проверку конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации в ныне действующей редакции.

Статья 401⁶ УПК Российской Федерации, по мнению заявителя, не соответствует статьям 15 (часть 4), 17 (часть 1), 19 (часть 1) и 35 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой содержащаяся в ней норма вследствие своей неопределенности не позволяет выработать единообразный подход к вопросу, допускается ли пересмотр в кассационном порядке вступившего в законную силу судебного решения о возвращении законному владельцу, в отношении которого уголовное дело прекращено, его имущества по основаниям, связанным с признанием такого имущества в качестве орудия преступления вещественным доказательством, по истечении годичного срока со дня вступления этого решения в силу, что ведет к нарушению принципа равенства перед законом и произвольному вмешательству в право частной собственности.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются пункт 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации – постольку, поскольку на его основании разрешается вопрос о конфискации имущества, принадлежащего на

праве собственности лицу, уголовное дело в отношении которого прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования, и признанного в качестве орудия преступления или иного средства его совершения вещественным доказательством по данному уголовному делу, и статья 401⁶ данного Кодекса – постольку, поскольку на ее основании разрешается вопрос о допустимости пересмотра в кассационном порядке судебного решения о возвращении указанного имущества лицу, в отношении которого уголовное дело прекращено, за пределами срока, превышающего один год со дня вступления такого судебного решения в законную силу.

2. В соответствии со статьями 2, 17 (часть 2) и 18 Конституции Российской Федерации признание, соблюдение и защита права частной собственности, относящегося к основному, неотчуждаемым правам и свободам человека, составляют обязанность государства и обеспечиваются правосудием. Исходя из этого Конституция Российской Федерации, закрепляя право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (статья 35, часть 2), гарантирует, что право частной собственности охраняется законом и никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (статья 35, части 1 и 3), и допускает возможность ограничения данного права – наряду с другими правами и свободами человека и гражданина – федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3).

Приведенным конституционным положениям, выражающим один из основополагающих аспектов верховенства права – общепризнанный в демократических государствах принцип неприкосновенности собственности, выступающий гарантией права собственности во всех его составляющих, корреспондирует статья 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в силу которой право каждого физического и юридического лица на уважение своей собственности и ее защиту не умаляет права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов.

Таким образом, гарантированное Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми актами как составной частью правовой системы России (статья 15, часть 4, Конституции Российской Федерации) право частной собственности предполагает, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, не только возможность реализации собственником составляющих его правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом в своих интересах, но и налагаемые федеральным законом ограничения, обусловленные – в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 8 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 35 – необходимостью защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и свобод других лиц, если такие ограничения вводятся на основе общеправовых принципов и конституционных критериев справедливости и соразмерности (пропорциональности), не затрагивают само существо данного конституционного права и не приводят к утрате его основного содержания (постановления от 30 октября 2003 года № 15-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 28 января 2010 года № 2-П, от 14 мая 2012 года № 11-П, от 17 января 2013 года № 1-П, от 29 ноября 2016 года № 26-П и др.).

3. По смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в том числе в постановлениях от 20 мая 1997 года № 8-П и от 16 июля 2008 года № 9-П, конституционные гарантии охраны права частной собственности законом и допустимости лишения имущества не иначе как по решению суда, выражающие принцип неприкосновенности собственности, и конституционные гарантии судебной защиты распространяются как на сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в публично-правовой сфере; при этом в силу таких фундаментальных принципов, как верховенство права и юридическое равенство, вмешательство государства в отношении собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности.

Возможность вторжения в право частной собственности в целях защиты публичных интересов получила нормативную конкретизацию в Гражданском кодексе Российской Федерации, который, называя в числе основных начал гражданского законодательства неприкосновенность собственности (пункт 1 статьи 1), допускает тем не менее возможность принудительного прекращения права собственности по предусмотренным законом основаниям, включая конфискацию, определяемую как безвозмездное изъятие имущества у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (подпункт 6 пункта 2 статьи 235 и пункт 1 статьи 243).

Придание конфискации статуса имущественной санкции в рамках публичного правопорядка не исключает ее институирования и в качестве наказания: так, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях относит назначаемую судьей конфискацию орудия совершения или предмета административного правонарушения к одному из видов административных наказаний и определяет ее как принудительное безвозмездное обращение в федеральную собственность или в собственность субъекта Российской Федерации не изъятых из оборота вещей (пункт 4 части 1 статьи 3.2 и часть 1 статьи 3.7).

Констатируя в ряде своих решений принципиальную допустимость закрепления в федеральном законе в качестве способа защиты публичных интересов в сфере экономической безопасности Российской Федерации, составляющей одну из основ ее суверенитета, а также финансовой системы, которая ставится под угрозу при перемещении товаров через таможенную границу незаконным образом, конфискации имущества, явившегося орудием или иным средством совершения либо непосредственным предметом таможенного правонарушения, осуществляемой по решению суда независимо от установления собственника такого имущества, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивал, что осуществление прав пользования и распоряжения перемещаемым имуществом без выполнения всех необходимых обязанностей, связанных с перемещением товаров и транспортных средств через таможенную границу и выбором таможенного режима, фактически сделало бы невозможным само таможенное регулирование и достижение тех конституционно защищаемых целей, для которых оно предназначено, со всеми вытекающими последствиями, в том числе криминального характера (постановления от 11 марта 1998 года № 8-П, от 14 мая 1999 года № 8-П и от 27 апреля 2001 года № 7-П).

Вместе с тем конфискация имущества может рассматриваться в качестве специальной публично-правовой меры, содержание которой заключается в осуществляемом в судебном порядке принудительном лишении правонарушителя, т. е. вопреки его воле, права собственности на имущество, опреде-

ленным образом связанное с совершением правонарушения, и безвозмездном его обращении в собственность государства, — в отличие от реквизиции, т. е. возмездного принудительного изъятия имущества в случаях, не связанных с противоправным поведением собственника этого имущества (статья 242 ГК Российской Федерации). Формально-юридические предпосылки для избрания подобной модели нормативного регулирования содержит статья 2 УК Российской Федерации, согласно которой для осуществления охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, а также других перечисленных в ней задач данный Кодекс устанавливает, в частности, виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Именно в качестве иной меры уголовно-правового характера, состоящей в принудительном безвозмездном обращении по решению суда в собственность государства имущества, в том числе орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому, конфискация была возвращена в Уголовный кодекс Российской Федерации (глава 15¹, статьи 104¹–104³) Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ — после ее исключения из данного Кодекса как вида наказания Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в определениях от 8 июля 2004 года № 251-О и от 24 марта 2005 года № 146-О, само по себе исключение конфискации имущества как вида наказания из уголовного закона не может считаться препятствием для сохранения в уголовно-процессуальном законодательстве, которое имеет собственный предмет правового регулирования, института конфискации имущества, признанного в качестве орудия преступления вещественным доказательством по уголовному делу. Такой подход согласуется с международными стандартами в сфере обеспечения конфискации использовавшегося или предназначавшегося для использования при совершении преступлений имущества, допустимость изъятия которого у собственника закреплена в Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 года (ратифицирована Федеральным законом от 28 мая 2001 года № 62-ФЗ): согласно ее статье 1 термин «конфискация» означает не только наказание, но и меру, назначенную судом в результате судопроизводства по уголовному делу или уголовным делам и состоящую в лишении имущества (подпункт «d»); при этом под орудиями преступления понимается любое имущество, использованное или предназначенное для использования любым способом, целиком или частично, для совершения преступления или преступлений (подпункт «c»). Обязательства о принятии мер, необходимых для обеспечения в рамках внутренней правовой системы возможности конфискации имущества, оборудования или других средств, использовавшихся или предназначавшихся для использования при совершении соответствующих преступлений, вытекают также из Конвенции против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года, для целей которой понятие «конфискация» означает окончательное лишение имущества по постановлению суда или другого компетентного органа (подпункт «g» статьи 2 и статья 12).

Европейский Суд по правам человека, учитывая сложившуюся в Российской Федерации длительную судебную практику, допускающую конфискацию по делам о контрабанде предметов, незаконно перемещаемых через таможенную границу, пришел к выводу, что данная мера в отношении перемещаемых денежных средств, приобщенных к уголовному делу о контрабанде в качестве вещественного доказательства, не противоречит критерию законности вмешательства в осуществление права собственности, за-

крепленному в статье 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, если она основана на национальном праве, применение которого в его содержательном истолковании компетентными судебными органами достаточно предсказуемо (постановление от 6 ноября 2008 года по делу «Исмаилов против России»).

Таким образом, отсутствие конфискации в перечне уголовных наказаний, установленных ныне действующим Уголовным кодексом Российской Федерации, само по себе не исключает возможность принудительного прекращения по судебному решению права собственности на имущество в форме конфискации принадлежащих обвиняемому на праве собственности орудий преступления, иных средств его совершения, предметов, незаконно перемещаемых через таможенную границу (предметов преступления), что не освобождает федерального законодателя от обязанности соблюдать конституционные критерии допустимости такого ограничения права собственности, основанные на общеправовых принципах справедливости и соразмерности (пропорциональности).

4. Реализуя свои полномочия по регулированию отношений в сфере уголовного и уголовно-процессуального законодательства, вытекающие из статьи 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации, федеральный законодатель – в силу ее статей 19 (части 1 и 2), 45, 46, 49 и 55 (часть 3) – правомочен как устанавливать ответственность за правонарушения, так и устранять ее, а также определять, какие меры государственного принуждения подлежат использованию в качестве средств реагирования на те или иные противоправные деяния и при каких условиях возможен отказ от их применения, обеспечивая тем самым как дифференциацию уголовной ответственности, так и восстановление прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 года № 16-П).

Завершение производства по уголовному делу в отношении конкретного лица – посредством вынесения приговора (обвинительного или оправдательного) либо определения или постановления о прекращении уголовного дела (как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям) – обязывает к окончательному определению в соответствующем итоговом решении и юридической судьбы вещественных доказательств, которые хранились до завершения производства по делу и не были ранее уничтожены, реализованы или возвращены законному владельцу. Этот вопрос, согласно части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, разрешается следующим образом: орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации, или передаются в соответствующие учреждения, или уничтожаются (пункт 1); предметы, запрещенные к обращению, подлежат передаче в соответствующие учреждения или уничтожаются (пункт 2); изъятые из незаконного оборота товары подлежат уничтожению (пункт 2¹); предметы, не представляющие ценности и не истребованные стороной, подлежат уничтожению, а в случае ходатайства заинтересованных лиц или учреждений могут быть переданы им (пункт 3); деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества подлежат возвращению законному владельцу (пункт 4); деньги, ценности и иное имущество, указанные в пунктах «а» – «в» части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации, подлежат конфискации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 4 данной части (пункт 4¹); документы, являющиеся вещественными доказательствами, остаются при уголовном деле в течение всего срока хранения последнего либо передаются заинтересованным лицам по их хо-

датайству (пункт 5); остальные предметы передаются законным владельцам, а при неустановлении последних переходят в собственность государства; споры о принадлежности вещественных доказательств разрешаются в порядке гражданского судопроизводства (пункт 6).

Уголовный кодекс Российской Федерации, часть первая его статьи 104¹ в ныне действующей редакции, определяет конфискацию как принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства имущества, указанного в данной статье, на основании обвинительного приговора. Что касается конфискации вещественных доказательств, то, по смыслу части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с положениями статьи 104¹ УК Российской Федерации, такие имущественные объекты, как орудия или иные средства совершения преступления, которые в качестве вещественных доказательств обеспечивают выявление имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, после завершения производства по данному делу, по существу, утрачивают свое процессуальное качество, но могут сохранять значимость как объекты вещного права (если только они не запрещены к обращению и не изъяты из незаконного оборота) и как таковые подлежат конфискации, которая в этих случаях, имея целью удержание самого правонарушителя и других лиц от противозаконного использования принадлежащего им имущества, выступает юридическим последствием инкриминируемого лицу уголовно наказуемого деяния.

Следовательно, конфискация орудий и иных средств совершения преступления представляет собой – в контексте действующего уголовного законодательства – публично-правовую санкцию, структурно обособленную (и, как следствие, автономную) от наказания; как мера уголовно-правового характера, выражающаяся в возложении на обвиняемого (осужденного) обязанности претерпеть дополнительные (по отношению к наказанию) правоограничения уголовно-превентивного свойства, она по своей конституционно-правовой природе соотносима по некоторым признакам с наказанием, но не тождественна ему (как это имеет место в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях), а потому может применяться не только в качестве сопровождающей наказание вспомогательной меры при постановлении обвинительного приговора, но и при освобождении от наказания.

5. Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах; в рамках уголовного судопроизводства это предполагает, по меньшей мере, установление на основе исследованных доказательств обстоятельств дела и их правильную правовую оценку; в целях обеспечения прав и законных интересов таких участников процесса, как обвиняемый и потерпевший, им должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию по существу дела и те доводы, которые они считают необходимыми для ее обоснования (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 8 декабря 2003 года № 18-П, от 2 июля 2013 года № 16-П и др.).

Исходя из приведенной правовой позиции, основанной в том числе на статье 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с которой каждый человек, чьи права и свободы нарушены, должен иметь право на эффективные средства правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве, решение суда о конфискации имущества, в том числе признанного по уголовному делу вещественным доказательством, не может иметь формальный характер – оно должно основываться на непо-

средственным исследованием судом, а также сторонами, которые действуют на условиях полного равноправия, доказательств и фактических обстоятельств дела, что составляет содержание справедливого судебного разбирательства; такое решение, как правило, подлежит включению в итоговый судебный акт в качестве его составной части.

5.1. Обращаясь к вопросу о правовой природе прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, гарантиях прав и законных интересов лиц, в отношении которых принимается такое решение, Конституционный Суд Российской Федерации в ряде своих решений (постановления от 3 мая 1995 года № 4-П, от 28 октября 1996 года № 18-П, от 15 января 1999 года № 1-П, от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 20 декабря 2010 года № 21-П, от 14 июля 2011 года № 16-П и др.) пришел к следующим выводам:

решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации. При выявлении такого рода оснований к прекращению уголовного дела лицо, в отношении которого уголовное дело подлежит прекращению, вправе настаивать на продолжении расследования и рассмотрении дела в судебном заседании, а в случае вынесения решения о прекращении уголовного дела — обжаловать его в установленном процессуальным законом судебном порядке, благодаря чему лицам, заинтересованным в исходе дела, обеспечивается судебная защита их прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства;

прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию возможно лишь в том случае, если будут обеспечены гарантируемые Конституцией Российской Федерации права участников уголовного судопроизводства, что предполагает, в частности, отсутствие возражений обвиняемого (подсудимого) против прекращения уголовного дела: в силу принципа состязательности, на основе которого осуществляется уголовное судопроизводство (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации), предполагается, что стороны самостоятельно и по собственному усмотрению определяют свою позицию по делу, в том числе в связи с вопросом об уголовной ответственности, а значит, если обвиняемый (подсудимый) не возражает против прекращения уголовного преследования, нет оснований считать его права и законные интересы нарушенными решением о прекращении уголовного дела (при условии его достаточной обоснованности);

если лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, возражает против прекращения уголовного судопроизводства по нереабилитирующему основанию, ему должна предоставляться возможность (в рамках предусмотренных статьями 49 и 123 Конституции Российской Федерации гарантий) судебной защиты его прав, в том числе права на возможную реабилитацию. Исходя из этого действующее законодательство не допускает прекращение уголовного преследования в связи с истечением срока давности, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает, — в таком случае, как следует из части второй статьи 27 УПК Российской Федерации, производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке. Такой подход согласуется с обязанностью государства охранять достоинство личности (статья 21, часть 1, Конституции Российской Федерации), которое выступает основой всех прав и свобод человека и необходимым условием их существования и соблюдения.

Вместе с тем, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, из права каждого на судебную защиту его прав и свобод не вытекает возможность выбора гражданином по своему усмотрению

способов и процедур судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел определяются, исходя из Конституции Российской Федерации, федеральными законами. Поскольку прекращение уголовного дела представляет собой целостный правовой институт, т. е. систему норм, регулирующих как основания, условия и процессуальный порядок прекращения уголовного дела, права и обязанности участников соответствующих правоотношений, так и его юридические последствия, в том числе определение судьбы вещественных доказательств в виде орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, выраженное обвиняемым (подсудимым) несогласие с возможным прекращением его права собственности на признанные вещественными доказательствами имущественные объекты как последствием прекращения уголовного дела — учитывая системный характер, неразрывную взаимосвязь и взаимообусловленность складывающихся при этом правоотношений — равнозначно несогласию с применением к нему института прекращения уголовного дела в целом.

Соответственно, для прекращения уголовного дела по такому нереабилитирующему основанию, как истечение срока давности уголовного преследования, требуется отсутствие возражений обвиняемого (подсудимого) против применения данного основания с учетом юридических последствий относительно принадлежащего ему имущества, признанного в качестве орудия преступления или иного средства его совершения вещественным доказательством. При этом — в силу общих принципов уголовного процесса, основанных на вытекающих из статей 19 (части 1 и 2), 49 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципах равенства и справедливости и нашедших отражение в том числе в части третьей статьи 78 УК Российской Федерации, — предполагается, что обвиняемый (подсудимый) не препятствует осуществлению законного уголовного преследования и не уклоняется от следствия или суда.

5.2. Конфискация как лишение собственника его имущества в смысле статьи 35 (часть 3) Конституции Российской Федерации предполагает только принудительное, т. е. вопреки воле собственника, его изъятие по решению суда. Если же собственник выражает свое согласие на изъятие принадлежащего ему имущества, то конфискация в значительной мере утрачивает свойство принудительности и, как следствие, свои сущностные признаки во всей их полноте, превращаясь в исполнение заключенного между обвиняемым (подсудимым) и государством публично-правового соглашения *sui generis*, соотносимого по своему характеру с применяемыми в рамках института освобождения от уголовной ответственности альтернативами уголовному преследованию (судебному разбирательству), в частности нашедшими отражение в Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 17 сентября 1987 года R (87) 18 «Относительно упрощения процедуры уголовного правосудия». В этом случае конституционное право собственности не нарушается.

В целях соблюдения принципов состязательности и равноправия сторон судопроизводства (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации) и справедливого судебного разбирательства (статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) последствия прекращения уголовного дела, включая предусмотренную частью третьей статьи 81 УПК Российской Федерации конфискацию принадлежащего обвиняемому (подсудимому) имущества, признанного в качестве орудия или иного средства совершения преступления вещественным доказательством, должны быть ему предварительно разъяснены.

Соответственно, процедура прекращения уголовного дела судом по такому нереабилитирующему основанию, как истечение срока давности уголовного преследования, влекущего конфискацию принадлежащего обвиняемому (подсудимому) орудия или иных средств совершения преступления и тем самым – прекращение права собственности на них, а следовательно, лишение собственника его имущества, с необходимостью предполагает надлежащее информирование обвиняемого (подсудимого) о последствиях принятия такого решения, что позволит ему осознанно – в рамках гарантий, закрепленных уголовно-процессуальным законодательством, – определить свою позицию по данному вопросу, равно как и в целом в отношении прекращения уголовного дела. Если после надлежащих разъяснений обвиняемый (подсудимый) выразит свое несогласие с прекращением его права собственности на указанное имущество, что означает невозможность прекращения уголовного дела, производство по данному делу должно продолжиться в общем порядке. В таком случае судебное разбирательство, в ходе которого уголовное дело разрешается по существу, может быть окончено вынесением обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания (часть восьмая статьи 302 УПК Российской Федерации), при постановлении которого, согласно пункту 12 части первой статьи 299 УПК Российской Федерации, судом разрешается и вопрос о судьбе вещественных доказательств, в том числе о конфискации орудий, оборудования и иных средств совершения преступления.

Данные требования распространяются и на случаи прекращения судом уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным перемещением через таможенную границу предметов искусства и других культурных ценностей, представляющих собой – в силу своего значения для развития и сохранения национальной культуры – особый объект правового, в том числе международно-правового, регулирования. В частности, исходя из обязанности каждого государства охранять свое культурное достояние от опасностей криминального оборота, Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, от 14 ноября 1970 года предусматривает ряд мер противодействия подобной практике, включая контроль за вывозом и ввозом культурных ценностей, пресечение их незаконного перемещения и передачи права собственности, а также установление уголовного или административного наказания для лиц, ответственных за нарушение предусмотренных данной Конвенцией запретов. Соответственно, в контексте статей 35 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации обращенное к лицам, пересекающим таможенную границу, требование о предъявлении достоверной таможенной декларации направлено на предупреждение скрытых ввоза и вывоза культурных ценностей, а конфискационная мера как возможное следствие неисполнения этой обязанности является частью регулятивной системы, призванной бороться с подобными правонарушениями и отвечающей – в международно-правовом аспекте – общему интересу.

5.3. Таким образом, пункт 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – предполагает, что лишение обвиняемого (подсудимого), в отношении которого решается вопрос о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, принадлежащего ему на законных основаниях имущества, признанного в качестве орудия преступления или иного средства его совершения вещественным доказательством, и, соответственно, прекращение права собственности обвиняемого (подсудимого) на это имущество могут произ-

водиться при отсутствии возражения обвиняемого (подсудимого) против прекращения уголовного дела по данному основанию и при условии разъяснения ему юридических последствий такого прекращения, включая конфискацию, а если такого согласия с его стороны, в том числе в части прекращения права собственности на указанное имущество, не получено — при вынесении обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания.

6. Раскрывая конституционное содержание права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 6 июля 1998 года № 21-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П, от 25 марта 2014 года № 8-П и др.).

Поскольку, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, подобная проверка применительно к производству по пересмотру вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам как имеющему резервное значение дополнительному способу обеспечения их законности означает, по существу, возможность преодоления окончательности судебных актов, вступивших в законную силу, федеральный законодатель, располагающий при осуществлении правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства на основе предписаний статей 2, 46–53 и 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации и соответствующих международно-правовых обязательств России достаточно широкой дискрецией в выборе конкретных мер по обеспечению прав всех участников уголовного процесса, призван соблюдать баланс публичных и частных интересов и конституционно значимых ценностей, учитывая при этом международно-правовое требование неопровержимости окончательных судебных решений в качестве общего правила, и устанавливать такие институциональные и процедурные условия их пересмотра, которые, исключая возможность необоснованного возобновления судебного разбирательства, использовались бы лишь в случаях, когда ошибка, допущенная в ходе предыдущего разбирательства, предопределила исход дела, и тем самым обеспечивали бы справедливость судебного решения и вместе с тем правовую определенность.

Следовательно, при определении сроков, в пределах которых допускается обжалование судебных актов, вступивших в законную силу, федеральному законодателю надлежит исходить из того, что участники правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей; соответственно, пересмотр и отмена окончательного приговора, если это влечет ухудшение положения осужденного, должны быть обусловлены достаточно кратким сроком, с тем чтобы исключить долговременную угрозу пересмотра приговора (постановления от 17 июля 2002 года № 13-П, от 11 мая 2005 года № 5-П и от 5 февраля 2007 года № 2-П).

6.1. Регламентируя производство по уголовному делу в суде кассационной инстанции, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает следующие требования: основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела (часть первая статьи 401¹⁵); пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудше-

ние положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия (статья 401⁶).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 28 января 2014 года № 2 «О применении норм главы 47¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» обратил внимание судов на то, что круг оснований для отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке ввиду существенного нарушения уголовного закона (неправильного его применения) и (или) существенного нарушения уголовно-процессуального закона в отличие от производства в апелляционной инстанции ограничен лишь такими нарушениями, которые повлияли на исход уголовного дела, т. е. на правильность его разрешения по существу, в частности на вывод о виновности, на юридическую оценку содеянного, назначение судом наказания или применение иных мер уголовно-правового характера и на решение по гражданскому иску (пункт 20).

6.2. В развитие закрепленного статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации права каждого на судебную защиту его прав и свобод часть первая статьи 6 УПК Российской Федерации предусматривает, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (пункт 1), защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (пункт 2).

По смыслу приведенных конституционных и уголовно-процессуальных положений, существо уголовного судопроизводства заключается в функционировании правового механизма (процессуальной формы) реализации материально-правовых норм как уголовного, так и — в пределах, установленных уголовно-процессуальным законом, — гражданского и других отраслей права, а существо уголовного дела — не только в квалификации судом преступления, назначении вида и меры наказания, но и в принятии им всех обусловленных начатым уголовным преследованием решений материально-правового характера, которые суд выносит в совещательной комнате при постановлении приговора. Соответственно, понятие исхода уголовного дела охватывает и решение судом вопроса о конфискации принадлежащего обвиняемому (подсудимому) имущества, признанного по делу вещественным доказательством.

При таких обстоятельствах признание кассационной инстанцией правильным и оставление без изменения постановления суда первой инстанции о прекращении уголовного дела и конфискации принадлежащего обвиняемому (подсудимому) имущества как орудия или иного средства совершения преступления после того, как оно было изменено в апелляционной инстанции, предписавшей передать данное имущество его законному владельцу, фактически означает возврат к санкции, наложенной судом первой инстанции, но впоследствии отмененной в пользу обвиняемого (подсудимого) апелляционной инстанцией, и, следовательно, может считаться объективно ухудшающим его положение по сравнению с тем, как оно было определено вступившим в законную силу решением апелляционной инстанции, а следовательно, подпадающим под действие установленного статьей 401⁶ УПК Российской Федерации предельного (по существу, пресекающего) срока в один год для пересмотра приговора, определения, постановления

суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено.

6.3. Таким образом, статья 401⁶ УПК Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она не предполагает пересмотра (отмены или изменения) в кассационном порядке вступившего в законную силу судебного решения, в соответствии с которым имущество, принадлежащее на законных основаниях обвиняемому (подсудимому), уголовное дело в отношении которого было прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования, и признанное в качестве орудия или иного средства совершения преступления вещественным доказательством, не подлежит конфискации, по прошествии одного года со дня вступления такого судебного решения в законную силу.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в нем положения – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – предполагают, что лишение обвиняемого (подсудимого), в отношении которого решается вопрос о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, принадлежащего ему на законных основаниях имущества, признанного в качестве орудия преступления или иного средства его совершения вещественным доказательством, и, соответственно, прекращение права собственности обвиняемого (подсудимого) на это имущество могут производиться при отсутствии возражения обвиняемого (подсудимого) против прекращения уголовного дела по данному основанию и при условии разъяснения ему юридических последствий такого прекращения, включая конфискацию, а если такого согласия с его стороны, в том числе в части прекращения права собственности на указанное имущество, не получено – при вынесении обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания.

2. Признать статью 401⁶ УПК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – она не предполагает пересмотра (отмены или изменения) в кассационном порядке вступившего в законную силу судебного решения, в соответствии с которым имущество, принадлежащее на законных основаниях обвиняемому (подсудимому), уголовное дело в отношении которого было прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования, и признанное в качестве орудия или иного средства совершения преступления вещественным доказательством, не подлежит конфискации, по прошествии одного года со дня вступления такого судебного решения в законную силу.

3. Конституционно-правовой смысл пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401⁶ УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной, включая судебную, практике.

4. Судебные решения, вынесенные в отношении гражданина Певзнера Александра Евсеевича на основании пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401⁶ УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации **С. М. Казанцева**

1. Разделяя и поддерживая большую часть аргументов, приведенных в мотивировочной части данного Постановления в обоснование недостатков действующего правового регулирования конфискации имущества, принадлежащего на праве собственности лицу, уголовное дело в отношении которого прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования, и признанного в качестве орудия преступления или иного средства его совершения вещественным доказательством по данному уголовному делу, и допустимости пересмотра в кассационном порядке судебного решения о возвращении указанного имущества лицу, в отношении которого уголовное дело прекращено, за пределами срока, превышающего один год со дня вступления такого судебного решения в законную силу, не могу согласиться с итоговыми выводами, содержащимися в его резолютивной части в отношении как положений пункта 1 части третьей статьи 81, так и положений статьи 401⁶ УПК Российской Федерации, в связи с чем излагаю свое особое мнение.

2. Согласно Конституции Российской Федерации признание, соблюдение и защита пра-

ва частной собственности, относящегося к основным и неотчуждаемым правам и свободам человека и гражданина, составляет обязанность государства, обеспечиваемую правосудием (статья 2; статья 17, часть 2; статья 18). Исходя из этого статьей 35 Конституции Российской Федерации, закрепляющей право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (часть 2), гарантируется, что право частной собственности охраняется законом (часть 1), никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (часть 3).

Приведенным положениям Конституции Российской Федерации, выражающим один из основополагающих аспектов верховенства права — общепризнанный в демократических государствах принцип неприкосновенности собственности, выступающий гарантией права собственности во всех его составляющих, корреспондируют положения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в силу которой право каждого физического и юридического лица на уважение своей собственности и ее защиту не

умалает право государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов.

Статьей 1 Конвенции об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (заклучена в городе Страсбурге 8 ноября 1990 года, ратифицирована Федеральным законом от 28 мая 2001 года № 62-ФЗ и вступила в силу для Российской Федерации 1 декабря 2001 года) установлено, что термин «конфискация» означает не только наказание, но и «меру, назначенную судом в результате судопроизводства по уголовному делу или уголовным делам и состоящую в лишении имущества» (подпункт «d»), при этом под имуществом понимается имущество любого рода, вещественное и невещественное (подпункт «b»), и «орудия», означающие любое имущество, использованное или предназначенное для использования любым способом, целиком или частично, для совершения преступления или преступлений (подпункт «c»).

Гарантированное Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми актами как составной частью правовой системы Российской Федерации (статья 15, часть 4, Конституции Российской Федерации) право частной собственности предполагает, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, не только возможность реализации собственником составляющих его правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом в своих интересах, но и налагаемые федеральным законом ограничения, обусловленные – в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 8 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 35 – необходимостью защиты конституционно значимых ценностей, если такие ограничения вводятся на основе общеправовых принципов и конституционных критериев справедливости и соразмерности (пропорциональности), не имеют обратной силы и не затрагивают само существо данного конституционного права таким образом, что приводят к утрате его основного содержания (постановления от 30 октября 2003 года № 15-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 28 января 2010 года № 2-П, от 25 апреля 2011 года № 6-П, от 14 мая 2012 года № 11-П, от 17 января

2013 года № 1-П, от 29 ноября 2016 года № 26-П и др.).

Европейский Суд по правам человека, исходя из статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, предусматривающей, в частности, что «никто не может быть лишен своего имущества кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права», указал, что лишение собственника имущества в связи с конфискацией должно осуществляться только «на условиях, предусмотренных законом» и только при соблюдении справедливого баланса между требованиями общего публичного интереса и требованиями защиты основополагающих прав лица (постановления от 24 марта 2005 года по делу «Фризен против России», от 9 июня 2005 года по делу «Бакланов против России», от 22 января 2009 года по делу «Боржонов против России» и др.).

Таким образом, положения статьи 35 Конституции Российской Федерации и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека определяют основания и пределы допустимых законодательных ограничений – независимо от их отраслевых юридических характеристик и целевого назначения – права частной собственности, если следствием их применения является лишение имущества.

Применительно к конфискации это означает, что федеральный законодатель, закрепляя условия ее применения, обязан – во исполнение предписаний статей 2, 15, 17 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 35, 49 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации – исключить возможность необоснованного, несоразмерного и произвольного ограничения права собственности лица, привлеченного к уголовной ответственности.

3. Возможность вторжения в право частной собственности в целях защиты публичных интересов получила нормативную конкретизацию в Гражданском кодексе Российской Федерации, который, закрепив в числе основных начал гражданского законодательства неприкосновенность собственности (пункт 1 статьи 1), допускает вместе с тем принудительное прекращение права собственности по предусмотренным законом основаниям, од-

ним из каковых является конфискация, т. е. безвозмездное изъятие имущества у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (подпункт 6 пункта 2 статьи 235 и пункт 1 статьи 243).

На такое же понимание конфискации имущества — как особой меры публичной ответственности за деяние, которое совершено собственником имущества, — ориентируют и нормы других отраслей права. При этом, по смыслу ранее принятых решений Конституционного Суда Российской Федерации, конституционные гарантии охраны частной собственности законом и допустимости лишения имущества не иначе как по решению суда, выражающие принцип неприкосновенности собственности, а также конституционные гарантии судебной защиты распространяются как на сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в публично-правовой сфере (постановления от 20 мая 1997 года № 8-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 25 апреля 2011 года № 6-П и др.).

Так, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях конфискация определяется как вид административного наказания, т. е. установленной государством меры ответственности за совершение административного правонарушения, которая заключается в принудительном безвозмездном обращении в федеральную собственность или в собственность субъекта Российской Федерации не изъятых из оборота вещей, являющихся орудием совершения или предметом административного правонарушения; конфискация назначается судьей; конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, принадлежащих на праве собственности лицу, не привлеченному к административной ответственности за данное административное правонарушение и не признанному в судебном порядке виновным в его совершении, не применяется, за исключением административных правонарушений в области таможенного дела (нарушения таможенных правил), предусмотренных главой 16 данного Кодекса (пункт 4 части 1 статьи 3.2, части 1 и 4 статьи 3.7).

В системе действующего уголовного законодательства конфискация предстает не в качестве уголовного наказания, каковым она была до 2003 года, а в качестве меры уголовно-правового характера (глава 15¹ раздела VI

УК Российской Федерации), наряду с принудительными мерами медицинского характера и судебным штрафом. В статье 104¹ УК Российской Федерации она определяется как принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора установленных ею видов имущества, в том числе денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления, а также орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому.

В отличие от уголовного и административного законодательства уголовно-процессуальное законодательство не дает определения понятия конфискации. По смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, содержащаяся в пункте 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации норма, будучи по своей природе и сущности нормой уголовно-процессуального законодательства, имеет собственный предмет правового регулирования — институт вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем как таковая данная норма не противоречит и не может подменять собой нормы Уголовного кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации, которыми предопределяется сущность межотраслевого института конфискации как принудительного безвозмездного изъятия имущества у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июля 2004 года № 251-О).

Таким образом, конфискация, упомянутая в пункте 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, может рассматриваться как принудительное и безвозмездное прекращение права собственности на принадлежащее обвиняемому имущество, которое использовалось им в качестве орудия, оборудования или иных средств совершения преступления, и представляет собой разновидность правоограничительной (*карательной*) и предупредительной (*сдерживающей*) меры уголовно-правовой ответственности. Именно уголовно-правовой, а не уголовно-процессуальной ответственности, поскольку последняя в российской правовой доктрине понимается как ответственность за нарушение уголовно-процессуального права, что, конечно, не имеет в виду оспариваемая норма.

4. Как следует из изложенной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2008 года № 9-П правовой позиции, возможные ограничения права собственности в целях защиты публичных интересов, по смыслу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 35, могут обуславливаться, в частности, необходимостью обеспечения производства по уголовному делу, для чего производящие дознание и предварительное следствие лица наделяются полномочиями по применению обеспечительных мер, связанных с изъятием соответствующих вещественных объектов для выявления (наличия или отсутствия) подлежащих доказыванию в этом производстве обстоятельств.

В связи с этим в соответствии с частями первой и второй статьи 81 УПК Российской Федерации предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела (включая орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, а также предметы, на которые были направлены преступные действия или которые были получены в результате совершения преступления), признаются вещественными доказательствами, приобщаются в этом качестве к уголовному делу, о чем выносится соответствующее постановление, и подлежат хранению в порядке, установленном данной статьей и статьей 82 того же Кодекса, при уголовном деле либо в ином месте до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела, а в случае, когда спор о праве на имущество, являющееся вещественным доказательством, подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства, — до вступления в силу решения суда.

Такого рода временное изъятие и удержание имущества в режиме его хранения, представляя собой необходимую для производства по уголовному делу процессуальную меру обеспечительного характера, применяемую по решению уполномоченных лиц лишь на период производства по данному делу и не порождающую перехода права собственности на имущество, само по себе не может расцениваться как нарушение конституционных прав и свобод, в том числе как нарушение права собственности, — притом что лицам, в отно-

шении которых применяются подобные меры, сопряженные с ограничением правомочий владения, пользования и распоряжения этим имуществом, обеспечивается закрепленное статьей 46 (часть 2) Конституции Российской Федерации право обжаловать соответствующие решения и действия в судебном порядке.

Завершение производства по уголовному делу посредством вынесения приговора либо определения или постановления о его прекращении в отношении конкретного лица (как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям) обязывает к разрешаемому на основании части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации окончательному определению в названных итоговых решениях и юридической судьбы тех или иных категорий вещественных доказательств, которые хранились до завершения производства по делу и не были ранее уничтожены, реализованы или возвращены законному владельцу.

По смыслу названных законоположений, использованные в качестве орудий или иных средств совершения преступления имущественные объекты, вовлеченные в производство по уголовному делу в качестве вещественных доказательств, призванных обеспечить процесс выявления имеющих значение для данного дела обстоятельств, по существу, утрачивают данное процессуальное качество после его завершения, но сохраняют свою значимость в качестве объектов вещного права (если только они не запрещены к обращению и не изъяты из оборота), подлежащих ввиду их незаконного использования конфискации, которая выступает в виде санкции за совершенное правонарушение, направленной на предупреждение дальнейших правонарушений с использованием этих орудий и средств и достижение исправительного эффекта. При этом публично-правовым характером конфискации, которая, возлагая на правонарушителя обязанность претерпеть неблагоприятные последствия совершения им правонарушения, близка по своей юридической природе наказанию (вплоть до степени тождества, как это имеет место в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях) либо сопровождает его в качестве особой меры публично-правовой ответственности, предопределяется обеспечение ее реализации с соблюдением вытекающих из Конституции Российской Федерации принципов юридической ответственности.

4.1. В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными им в ряде решений, из статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 49, закрепляющей принцип презумпции невиновности и возлагающей тем самым обязанность по доказыванию вины в совершении противоправного деяния на соответствующие государственные органы и их должностных лиц, следует, что подозрение или обвинение в совершении преступления могут основываться лишь на положениях уголовного закона, определяющего преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия, закрепляющего все признаки состава преступления, наличие которых в деянии, будучи единственным основанием уголовной ответственности, должно устанавливаться только в надлежащем, обязательном для суда, прокурора, следователя, дознавателя и иных участников уголовного судопроизводства процессуальном порядке. Если же противоправность того или иного деяния или его совершение конкретным лицом не установлены и не доказаны в соответствующих уголовно-процессуальных процедурах, все сомнения должны толковаться в пользу этого лица, которое — применительно к вопросу об уголовной ответственности — считается невиновным (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2016 года № 22-П).

Данные конституционные гарантии личности при осуществлении правосудия по уголовным делам и конкретизирующие их положения статьи 14 УПК Российской Федерации должны обеспечиваться также в случаях прекращения уголовного дела как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям, к числу которых относится и истечение сроков давности (статья 78 УК Российской Федерации и пункт 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации). Принимая такое решение на досудебных стадиях, компетентные государственные органы должны исходить из того, что лицо, в отношении которого прекращено уголовное преследование, виновным в совершении преступления не признано, а значит, и не может быть названо таковым, поскольку, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, решение о прекращении уго-

ловного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации; в силу этого совершенное им деяние не может не только влечь за собой уголовную ответственность и применение иных мер уголовно-правового характера, но и квалифицироваться в процессуальном решении как деяние, содержащее все признаки состава преступления, факт совершения которого конкретным лицом установлен, хотя бы это и было связано с ранее имевшим место в отношении данного лица уголовным преследованием (постановления от 28 октября 1996 года № 18-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 14 июля 2011 года № 16-П, от 8 ноября 2016 года № 22-П и др.).

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в полной мере относятся и к прекращению уголовного дела на стадии предварительного слушания в суде, поскольку правовая природа прекращения уголовного преследования по такому нереабилитирующему основанию, как истечение сроков давности, не связывается в законе с тем, истекает ли данный срок на досудебной стадии или при поступлении материалов окончательного расследования дела в суд (исключение составляет лишь предусмотренное частью восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации положение, согласно которому если основания прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, указанные в пунктах 1–3 части первой статьи 24 и пунктах 1 и 3 части первой статьи 27 данного Кодекса, обнаруживаются в ходе судебного разбирательства, то суд продолжает рассмотрение дела в обычном порядке до его разрешения по существу и постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания в случаях истечения сроков давности уголовного преследования).

Исходя из этого, признание принадлежащего обвиняемому имущества орудием совершения преступления, влекущее за собой прекращение права собственности на это имущество по основанию, предусмотренному пунктом 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, должно осуществляться судом — в силу требований полной и эффективной судебной защиты права собственно-

сти и критериев справедливого судебного разбирательства (статьи 35 и 46 Конституции Российской Федерации, статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) — при разрешении уголовного дела по существу посредством постановления судом приговора, которым в содеянном установлены предусмотренные уголовным законом признаки состава преступления, включая виновность лица в его совершении.

Данный вывод коррелирует с правовым регулированием, установленным Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 280-ФЗ, который определил в качестве основания данной конфискации только обвинительный приговор суда, вместо решения суда — в прежней редакции.

При этом еще Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ, предусматривавшим иные (специальные) меры уголовного-правового характера в виде конфискации, включены в число подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу и обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со статьей 104¹ УК Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления (пункт 8 части первой статьи 73 УПК Российской Федерации).

Вместе с тем при вынесении определения или постановления о прекращении уголовного дела вопрос о судьбе вещественных доказательств и в том числе о конфискации может быть решен не только судом, но и руководителем следственного органа или следователем. При этом по буквальному смыслу пункта 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации, если уголовное дело и уголовное преследование прекращаются формально при наличии даже реабилитирующих оснований (отсутствие в деянии состава преступления, непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления и др.) и уж тем более любых реабилитирующих оснований. Конечно, конфискация при условии прекращения уголовного дела или преследования по реабилитирующим основаниям вряд ли может применяться ввиду очевидной абсурдности такого толкова-

ния оспариваемой нормы, но и вопрос о возможности конфискации при условии прекращения уголовного дела или преследования по реабилитирующим основаниям в правоприменительной практике тоже не может решаться в соответствии с буквальным толкованием.

4.2. Соблюдение фундаментальных процессуальных гарантий прав личности, включая презумпцию невиновности, право на судебную защиту, должно обеспечиваться и при разрешении вопроса о прекращении уголовного дела по такому реабилитирующему основанию, как истечение срока давности уголовного преследования.

Оценка конституционности оспариваемых положений пункта 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации в его взаимосвязи с примененной в деле заявителя статьей 239 того же Кодекса, предусматривающей возможность вынесения по результатам предварительного слушания по поступившему в суд уголовному делу постановления о его прекращении, в том числе ввиду истечения срока давности уголовного преследования (часть первая), порождающую обязанность суда решить в данном постановлении вопрос о вещественных доказательствах, должна предполагать необходимость учета вытекающих из Конституции Российской Федерации общих принципов юридической ответственности, которые, определяя как пределы усмотрения законодателя в процессе уголовно-правового регулирования, так и конституционно-правовой статус гражданина, привлекаемого к уголовной ответственности, по своему существу составляют основу взаимоотношений государства и личности в соответствующей сфере.

Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации — единственному законодательному акту, определяющему преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия (часть первая статьи 3), — лицо освобождается от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, что, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, обусловлено как нецелесообразностью применения мер уголовной ответственности ввиду значительного уменьшения общественной опасности преступления по прошествии значительного времени с момента его совершения, так и реализацией в уголовном судопроизводстве принципа гуманизма (определения от 19 июня 2012 года № 1220-О и от 5 июня 2014 года № 1309-О).

По смыслу статьи 54 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с положениями части второй статьи 2 и статьи 3 УК Российской Федерации, частей первой и второй статьи 1, статей 24, 27 и 73 УПК Российской Федерации, нормы уголовного закона служат материально-правовой предпосылкой для уголовно-процессуальной деятельности: подозрение или обвинение в совершении преступления должны основываться лишь на положениях уголовного закона, определяющего преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия, закрепляющего все признаки состава преступления, наличие которых в деянии, будучи единственным основанием уголовной ответственности, подлежит установлению только в надлежащем, обязательном для суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя и иных участников уголовного судопроизводства процессуальном порядке и в пределах срока давности уголовного преследования. За пределами же данного срока утрачивается уголовно-правовая предпосылка уголовного судопроизводства, назначению которого в равной мере отвечают как уголовное преследование и справедливое наказание виновных, так и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (часть вторая статьи 6 УПК Российской Федерации), которые не могут осуществляться в противоречии с положениями уголовного закона.

Как ранее отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение в связи с освобождением лица от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию не влекут признание этого лица виновным или невиновным в совершении преступления; принимаемое в таких случаях процессуальное решение не подменяет собой приговор суда и по своему содержанию и правовым последствиям не является актом, которым устанавливается виновность подозреваемого, обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации (Постановление от 28 октября 1996 года № 18-П, Определение от 17 июля 2012 года № 1482-О и др.).

Учитывая, что статья 78 УК Российской Федерации в качестве основания для освобождения

от наказания предусматривает именно истечение сроков давности уголовного преследования и статья 24 УПК Российской Федерации прямо устанавливает, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по истечении срока давности уголовного преследования, по смыслу данных взаимосвязанных положений представляется, что за пределами срока давности уголовного преследования не только не может быть назначено наказание, но и не могут применяться иные уголовно-правовые меры.

Дача лицом своего согласия на прекращение уголовного дела не означает, что данное лицо фактически признает законность и обоснованность сформулированного и выдвинутого против него подозрения или обвинения, принятых процессуальных решений, примененного процессуального принуждения, свою причастность к преступлению и свою вину в его совершении, а также отказывается от принадлежащего ему имущества.

Между тем возложение ответственности за совершенное деяние в виде конфискации орудия преступления, предусмотренной оспариваемым положением уголовно-процессуального законодательства, за пределами срока давности, установленного статьей 78 УК Российской Федерации, когда лицо во всяком случае подлежит освобождению от уголовной ответственности, включая, следовательно, иные уголовно-правовые меры, является нарушением принципа презумпции невиновности и, следовательно, приводит к нарушению конституционных прав граждан.

Определяя юридическую судьбу принадлежащих обвиняемому (подсудимому) предметов, признанных вещественными доказательствами по уголовному делу, в случае прекращения данного дела на стадии предварительного слушания, когда еще не могут считаться установленными ни само деяние, ни виновное его совершение, ни иные связанные с ним обстоятельства (в том числе орудия совершения), требующие последующего рассмотрения и доказывания в надлежащей процедуре посредством судопроизводства, основанного на состязательности и равноправии сторон (статья 123 Конституции Российской Федерации), суд не может ограничиться данными предварительного следствия в отношении факта нарушения таможенных правил лицом, лишь привлеченным к участию в уголовном судопроизводстве.

производстве на соответствующей стадии ввиду выдвижения против него обвинения, но не признанным виновным в совершении преступления в конституционно-правовом смысле.

Иное решение вопроса о юридической судьбе принадлежавшего обвиняемому на праве собственности имущества, которое было отнесено в качестве орудия совершения преступления к вещественным доказательствам по делу, прекращенному судом в стадии предварительного слушания за истечением срока давности уголовного преследования, фактически придает пункту 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации смысл, допускающий возможность конфискации данного имущества у лица, от уголовного преследования которого государство отказалось, и позволяющий тем самым на основе лишь фактических обстоятельств, установленных в ходе предварительного расследования, констатировать в рамках предварительного слушания совершение этим лицом деяния, содержащего все признаки состава преступления, т. е. фактически признать такое лицо виновным в совершении преступления отличным от приговора судебным решением, что не согласуется с конституционным требованием обеспечения прав, вытекающих из презумпции невиновности, и приводит к нарушению гарантий, предусмотренных Конституцией Российской Федерации.

Таким образом, оспариваемое положение пункта 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 2, 17, 18, 35, 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 49, 55 (часть 3) и 118 (часть 1), в той мере, в какой — по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, в системе действующего нормативного регулирования — предполагает возможность конфискации принадлежащего обвиняемому и не изъятого из оборота имущества, признанного в качестве орудия преступления вещественным доказательством, при прекращении уголовного дела судом на этапе его предварительного слушания в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

Вместе с тем при прекращении уголовного дела и освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, лицо, в отношении которого осуществлялось уголовное пре-

следование, не освобождается от обязательств по возмещению нанесенного им ущерба и компенсации причиненного вреда, при этом не исключается защита потерпевшим своих прав в порядке гражданского судопроизводства (определения от 16 июля 2009 года № 996-О-О, от 28 мая 2013 года № 786-О, от 24 июня 2014 года № 1458-О и др.). Не содержит каких-либо ограничений для пострадавшего обратиться за защитой своих прав в порядке гражданского судопроизводства и пункт 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации, предусматривающий истечение сроков давности уголовного преследования в качестве основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2011 года № 1449-О-О).

5. Раскрывая конституционное содержание права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что в рамках судебной защиты прав и свобод возможно обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых государственных органов, включая судебные, а потому отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 6 июля 1998 года № 21-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П, от 25 марта 2014 года № 8-П и др.).

Поскольку подобная проверка применительно к производству по пересмотру вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам как имеющему резервное значение дополнительному способу обеспечения их законности означает, по существу, возможность преодоления окончательности судебных актов, вступивших в законную силу, федеральный законодатель, располагающий при осуществлении правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства на основе предписаний статей 2, 46–53 и 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации и соответствующих международно-правовых обязательств Российской Федерации достаточно широкой дискрецией в выборе конкретных мер по обеспечению прав всех участников уголовного процесса, призван соблюдать баланс публичных и частных интересов и конституци-

онно значимых ценностей, учитывая при этом международно-правовое требование неопровержимости окончательного судебного решения в качестве общего правила, и устанавливая такие институциональные и процедурные условия их пересмотра, которые, исключая возможность необоснованного возобновления судебного разбирательства, использовались бы лишь в случаях, когда ошибка, допущенная в ходе предыдущего разбирательства, предопределила исход дела, и тем самым обеспечивали бы справедливость судебного решения и вместе с тем правовую определенность.

Закрепленный в действующем уголовно-процессуальном законодательстве принцип недопустимости ухудшения положения лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, конкретизирует конституционные принципы справедливости, состязательности и равноправия сторон.

В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что при установлении сроков, в пределах которых допускается обжалование судебных актов, вступивших в законную силу, законодателю следует исходить из того, что участники правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей; соответственно, пересмотр и отмена окончательного приговора, если это влечет ухудшение положения осужденного, должны быть обусловлены достаточно кратким сроком, с тем чтобы исключить долговременную угрозу пересмотра приговора (постановления от 17 июля 2002 года № 13-П, от 11 мая 2005 года № 5-П и от 5 февраля 2007 года № 2-П).

Регламентируя производство по уголовному делу в суде кассационной инстанции, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает, в частности, следующие требования: основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела (часть первая статьи 401¹⁵); пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отноше-

нии которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия (статья 401⁶).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 28 января 2014 года № 2 «О применении норм главы 47¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» обратил внимание судов на то, что круг оснований для отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке ввиду существенного нарушения уголовного закона (неправильного его применения) и (или) существенного нарушения уголовно-процессуального закона в отличие от производства в апелляционной инстанции ограничен лишь такими нарушениями, которые повлияли на исход уголовного дела, т. е. на правильность его разрешения по существу, в частности на вывод о виновности, на юридическую оценку содеянного, назначение судом наказания или применение иных мер уголовно-правового характера и на решение по гражданскому иску (пункт 20).

Двойственная правовая природа принадлежащих обвиняемому и использованных им в качестве орудий или иных средств совершения преступления имущественных объектов, которые, будучи призванными прежде всего обеспечить процесс доказывания при производстве по уголовному делу, в то же время представляют собой имущественный ресурс (и порой — весьма ценный), на который может быть обращена конфискация при принятии итогового решения по данному делу, влекущая лишение собственника принадлежащих ему ценностей, с определенностью говорит о том, что данное решение является не просто актом распоряжения вещественным доказательством, определяющим его юридическую судьбу после утраты им доказательственного предназначения, а актом применения установленной законом меры принудительного характера и правоограничительного содержания, применяемой в судебном порядке за совершение преступления в качестве одного из негативных последствий для совершившего его лица, которое не может не затрагивать — причем не только частноправовой, но и публично-правовой — ста-

тус этого лица, в отношении которого уголовное дело, потенциально предполагающее наложение такого взыскания в качестве публично-правовой санкции, прекращено.

При таких обстоятельствах признание кассационной инстанцией правильным постановлением суда первой инстанции о прекращении уголовного дела и конфискации принадлежащего обвиняемому имущества как орудия преступления после того, как оно было изменено в апелляционной инстанции, определившей передать данный предмет обвиняемому как его законному владельцу, означает, по существу, возврат к санкции, наложенной судом первой инстанции, но впоследствии отмененной решением апелляционной инстанции, и, соответственно, может считаться объективно ухудшающим положение осужденного по отношению к тому, как оно было определено вступившим в законную силу решением апелляционной инстанции, и, следовательно, подпадающим под действие установленного статьей 401⁶ УПК Российской Федерации предельного (по существу, пресекающего) срока в один год для пересмотра приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено.

Вместе с тем, как следует из материалов настоящего дела, Верховный Суд Российской Федерации дает иное толкование статье 401⁶ УПК Российской Федерации, в соответствии с которым конфискация орудия преступления,

признанного вещественным доказательством и законно принадлежавшего лицу, в отношении которого уголовное дело прекращено в связи с истечением срока давности, не относится к основаниям, влекущим ухудшение его положения. Такой подход, который был полностью поддержан в ходе публичного заседания по настоящему делу в Конституционном Суде Российской Федерации всеми представителями стороны, принявшей и подписавшей оспариваемый закон, как направленный на несоразмерное ограничение прав обвиняемого (подозреваемого) лица, противоречит принципу *res judicata* и не согласуется с презумпцией невиновности.

В связи с этим статья 401⁶ УПК Российской Федерации не может рассматриваться как соответствующая Конституции Российской Федерации, ее статьям 2, 17, 18, 19 (часть 1), 35, 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 49, 55 (часть 3) и 118 (часть 1), в той мере, в какой — по смыслу, придаваемому этой норме правоприменительной практикой, в системе действующего нормативного регулирования — ею не исключается пересмотр (отмена) в кассационном порядке вступившего в законную силу решения суда о возвращении признанного в качестве орудия преступления вещественным доказательством имущества его законному владельцу, в отношении которого уголовное дело прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования, за пределами срока, превышающего один год со дня вступления такого решения в законную силу.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

10 марта
2017 года,
город Санкт-
Петербург

№ 6-П

по делу о проверке конституционности
статьи 15, пункта 1 статьи 1064,
статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079
Гражданского кодекса Российской
Федерации в связи с жалобами граждан
А. С. Аринушенко, Г. С. Бересневой
и других

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

с участием полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т. В. Касаевой, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А. А. Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. В. Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан А. С. Аринушенко, Г. С. Бересневой, В. А. Реутова и О. Н. Середы. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку все жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика В. Г. Ярославцева, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. Ю. Барщевского, а также представителей: от Верховного Суда Российской Федерации – судьи Верховного Суда Российской Федерации С. В. Асташова, от Министерства юстиции Российской Федерации – М. А. Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т. А. Васильевой, от Центрального банка Российской Федерации – А. Г. Гузнова, от Всероссийского союза страховщиков – И. Ю. Юргенса, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Заявители по настоящему делу граждане А. С. Аринушенко, Г. С. Береснева, В. А. Реутов и О. Н. Серeda оспаривают конституционность пункта 1 статьи 1064 ГК Российской Федерации, согласно которому вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред, и статьи 1072 данного Кодекса, согласно которой юридическое лицо или гражданин, застраховавшие свою ответственность в порядке добровольного или обязательного страхования в пользу потерпевшего (статья 931, пункт 1 статьи 935 данного Кодекса), в случае, когда страховое возмещение недостаточно для того, чтобы полностью возместить причиненный вред, возмещают разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба.

Кроме того, граждане А. С. Аринушенко и Г. С. Береснева оспаривают конституционность следующих положений Гражданского кодекса Российской Федерации:

статьи 15, предусматривающей, что лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере (пункт 1); под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода); если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы (пункт 2);

пункта 1 статьи 1079, согласно которому юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего; владелец источника повышенной опасности может быть освобожден судом от ответственности полностью или частично также на основаниях, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 1083 данного Кодекса.

1.1. Ленинский районный суд города Краснодара решением от 8 декабря 2015 года частично удовлетворил иски А. С. Аринушенко к ОАО «Страховое общество «ЖАСО»» и гражданину И. о взыскании страхового возмещения и возмещении ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 19 июля 2016 года данное решение в части взыскания ущерба с гражданина И. отменено, в иске А. С. Аринушенко в этой части отказано, в остальной части решение оставлено без изменения. Ссылаясь на разъяснения, содержащиеся в обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015), в силу которых с причинителя вреда подлежит взысканию дополнительная сумма причиненного потерпевшему ущерба, рассчитываемая в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства

с учетом износа подлежащих замене деталей, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что оснований для взыскания с гражданина И. суммы причиненного ущерба не имеется, поскольку этот ущерб, исчисленный с учетом такого износа, был полностью возмещен страховой компанией.

Решением Динского районного суда Краснодарского края от 27 апреля 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 2 августа 2016 года, были частично удовлетворены иски Г. С. Березневой к ПАО СК «Росгосстрах» и гражданину Т. о взыскании страхового возмещения и ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, защите прав потребителя и компенсации морального вреда. Оставляя без удовлетворения требования истицы о доплате страхового возмещения и о взыскании с гражданина Т. суммы причиненного ущерба в размере разницы между ущербом, исчисленным без учета износа подлежащих замене деталей, и ущербом, исчисленным с учетом их износа, суды исходили из того, что страховое возмещение выплачено в достаточной для производства восстановительного ремонта автомобиля истицы сумме, которая не превышает предельный размер страховой суммы, установленный статьей 7 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

Прикубанский районный суд города Краснодара решением от 24 декабря 2015 года частично удовлетворил иски В. А. Реутова к ООО «Росгосстрах» и гражданке Б. о защите прав потребителя и взыскании ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия. Основываясь на выводах судебной автотехнической экспертизы, установившей, что сумма восстановительного ремонта автомобиля истца с учетом износа подлежащих замене деталей составляет 81 217,53 руб., а без учета износа – 120 510,74 руб., суд взыскал с ООО «Росгосстрах» (принимая во внимание выплаченное им страховое возмещение в размере 83 000 руб.) 12 017,5 руб. Исковые требования, предъявленные к гражданке Б., суд посчитал необоснованными исходя из того, что в данном случае сумма причиненного ущерба не превышает предельную сумму страхового возмещения, составляющую 120 000 руб., и в силу закона подлежит взысканию со страховой компании. С апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 7 апреля 2016 года, которым решение суда первой инстанции было изменено в части взыскания неустойки и компенсации морального вреда, в остальной части – оставлено без изменения, согласился судья Краснодарского краевого суда, отметивший в определении от 1 августа 2016 года, что суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении требований В. А. Реутова к гражданке Б., действовал правомерно, поскольку причиненный истцу ущерб в полном объеме взыскан с ООО «Росгосстрах» в пределах лимита ответственности страховой компании.

Решением Прикубанского районного суда города Краснодара от 16 июня 2015 года иски О. Н. Середы к ОСАО «Ингосстрах» и ООО «СИНГЕНТА» о возмещении ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, взыскании неустойки, компенсации морального вреда, штрафа и судебных расходов были удовлетворены частично. Исходя из того что судебной автотехнической экспертизой было установлено, что сумма восстановительного ремонта принадлежащего истцу автомобиля с учетом износа подлежащих замене деталей составляет 170476,14 руб., утрата товарной стоимости – 14 820 руб., а причиненный истцу ущерб частично возмещен, суд взыскал в его пользу сумму страхового возмещения в виде разницы между размером восстановительного ремонта (с учетом утра-

ты товарной стоимости) и выплаченной страховой суммой. Оснований для удовлетворения исковых требований о взыскании с ООО «СИНГЕНТА» суммы ущерба в размере 19 973,89 руб. суд не нашел, указав, что причиненный истцу ущерб возмещен в полном объеме за счет страховой выплаты. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 25 августа 2015 года решение суда первой инстанции оставлено без изменения. Определением судьи Краснодарского краевого суда от 20 ноября 2015 года и определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2016 года в передаче кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции представителю О. Н. Середы отказано.

1.2. Как следует из статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих предписания статьи 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации проверяет по жалобе гражданина на нарушение конституционных прав и свобод конституционность законоположений, примененных в его деле, рассмотрение которого завершено в суде, и принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая при этом как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Нарушение оспариваемыми положениями Гражданского кодекса Российской Федерации своих прав, гарантированных статьями 15 (части 1 и 2), 19 (часть 1), 35 (части 1 и 2) и 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации, граждане А. С. Аринушенко, Г. С. Береснева, В. А. Реутов и О. Н. Серeda усматривают в том, что эти положения, допуская в силу присущей им неопределенности возможность возмещения лицом, виновным в совершении дорожно-транспортного происшествия, причиненного им имущественного вреда, исчисленного на основании Единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства с учетом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов транспортного средства, ограничивают тем самым право собственника транспортного средства требовать полного возмещения вреда с его непосредственного причинителя.

Соответственно, положения статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на основании этих положений в их взаимосвязи разрешается вопрос о возможности возмещения потерпевшему – владельцу транспортного средства вреда, причиненного ему лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, в размере, превышающем размер страхового возмещения, подлежащего выплате потерпевшему страховой компанией.

2. Согласно Конституции Российской Федерации в России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина (статья 17, часть 1), право частной собственности охраняется законом (статья 35, часть 1), гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина (статья 45, часть 1), каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2), каждому гаран-

тируется судебная защита его прав и свобод (статья 46, часть 1), государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 52).

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, собственность, будучи материальной основой и экономическим выражением свободы личности, не только является необходимым условием свободного осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, но и гарантирует как реализацию иных прав и свобод человека и гражданина, так и исполнение обусловленных ею обязанностей, а право частной собственности как элемент конституционного статуса личности определяет, наряду с другими непосредственно действующими правами и свободами человека и гражданина, смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием (постановления от 14 мая 2012 года № 11-П и от 24 марта 2015 года № 5-П).

Указанные положения Конституции Российской Федерации обуславливают необходимость создания системы охраны права частной собственности, включая как превентивные меры, направленные на недопущение его нарушений, так и восстановительные меры, целью которых является восстановление нарушенного права или возмещение причиненного в результате его нарушения ущерба, а в конечном счете – приведение данного права в состояние, в котором оно находилось до нарушения, с тем чтобы создавались максимально благоприятные условия для функционирования общества и государства в целом и экономических отношений в частности.

Соответственно, федеральный законодатель, осуществляя в рамках предоставленных ему Конституцией Российской Федерации дискреционных полномочий регулирование и защиту права частной собственности (статья 71, пункты «в», «о»), обязан обеспечивать разумный баланс прав и обязанностей всех участников гражданского оборота в этой сфере с учетом вытекающего из ее статьи 17 (часть 3) требования о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации, называя в числе основных начал гражданского законодательства равенство участников регулируемых им отношений, неприкосновенность собственности, свободу договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты (пункт 1 статьи 1), конкретизирует тем самым положения Конституции Российской Федерации, провозглашающие свободу экономической деятельности в качестве одной из основ конституционного строя (статья 8, часть 1) и гарантирующие каждому право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1).

К основным положениям гражданского законодательства относится и статья 15 ГК Российской Федерации, позволяющая лицу, право которого нарушено, требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере (пункт 1). Обязательства, возникающие из причинения вреда (деликтные обязательства), включая вред, причиненный имуществу гражданина при эксплуатации транспортных средств другими лицами, регламентируются главой 59 данного Кодекса, закрепляющей в статье 1064 общее правило, согласно которому в этих случаях вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинив-

шим вред (пункт 1). В развитие приведенных положений Гражданского кодекса Российской Федерации его статья 1072 предусматривает необходимость возмещения потерпевшему разницы между страховым возмещением и фактическим размером ущерба в случае, когда гражданская ответственность владельца транспортного средства была застрахована и страхового возмещения недостаточно для того, чтобы полностью возместить причиненный вред.

Статья 1079 ГК Российской Федерации, устанавливающая правила возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности, каких-либо специальных положений, отступающих от общего принципа полного возмещения вреда, не содержит, упоминая лишь о возможности освобождения судом владельца источника повышенной опасности от ответственности полностью или частично по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 3 статьи 1083 данного Кодекса, т. е. если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, а также с учетом имущественного положения гражданина, являющегося причинителем вреда. Более того, пункт 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации — в изъятие из общего принципа вины — закрепляет, что ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, наступает независимо от вины причинителя вреда.

Деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих, в том числе связанная с использованием источника повышенной опасности, обязывает осуществляющих ее лиц, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 4 октября 2012 года № 1833-О, к особой осторожности и осмотрительности, поскольку многократно увеличивает риск причинения вреда третьим лицам, что обуславливает введение правил, возлагающих на владельцев источников повышенной опасности — по сравнению с лицами, деятельность которых с повышенной опасностью не связана, — повышенное бремя ответственности за наступление неблагоприятных последствий этой деятельности, в основе которой лежит риск случайного причинения вреда.

В силу закрепленного в статье 15 ГК Российской Федерации принципа полного возмещения причиненных убытков лицо, право которого нарушено, может требовать возмещения расходов, которые оно произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, компенсации утраты или повреждения его имущества (реальный ущерб), а также возмещения неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Приведенное гражданско-правовое регулирование основано на предписаниях Конституции Российской Федерации, в частности ее статей 35 (часть 1) и 52, и направлено на защиту прав и законных интересов граждан, право собственности которых оказалось нарушенным иными лицами при осуществлении деятельности, связанной с использованием источника повышенной опасности.

Применительно к случаю причинения вреда транспортному средству это означает, что в результате возмещения убытков в полном размере потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы его право собственности не было нарушено, т. е. ему должны быть возмещены расходы на полное восстановление эксплуатационных и товарных характеристик поврежденного транспортного средства.

4. Принятый в целях дополнительной защиты права потерпевших на возмещение вреда, причиненного их жизни, здоровью или имуществу при использовании транспортных средств иными лицами, Федеральный закон

от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» обязывает владельцев транспортных средств на условиях и в порядке, установленных данным Федеральным законом и в соответствии с ним, страховать риск своей гражданской ответственности, которая может наступить вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц при использовании транспортных средств (пункт 1 статьи 4), и одновременно закрепляет в качестве одного из основных принципов недопустимость использования на территории России транспортных средств, владельцы которых не исполнили установленную данным Федеральным законом обязанность по страхованию своей гражданской ответственности (абзац четвертый статьи 3). Обязанность владельцев транспортных средств осуществлять обязательное страхование своей гражданской ответственности вытекает также из пункта 3 статьи 16 Федерального закона от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения».

Введение института обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, суть которого, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, состоит в распределении неблагоприятных последствий, связанных с риском наступления гражданской ответственности, на всех законных владельцев транспортных средств с учетом такого принципа обязательного страхования, как гарантия возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в пределах, установленных Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», направлено на повышение уровня защиты права потерпевших на возмещение вреда; потерпевший является наименее защищенным из всех участников правоотношения по обязательному страхованию, поэтому — исходя из конституционного принципа равенства и тесно связанного с ним конституционного принципа справедливости — именно его права должны быть обеспечены специальными правовыми гарантиями (Постановление от 31 мая 2005 года № 6-П, Определение от 6 июля 2010 года № 1082-О-О); возлагая на владельцев транспортных средств обязанность страховать риск своей гражданской ответственности в пользу лиц, которым может быть причинен вред, федеральный законодатель тем самым закрепляет возможность во всех случаях, независимо от материального положения причинителя вреда, гарантировать потерпевшему возмещение вреда в пределах, установленных законом (Определение от 21 февраля 2008 года № 120-О-О).

Обязанность по страхованию риска своей гражданской ответственности исполняется владельцем транспортного средства путем заключения договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, т. е., согласно абзацу восьмому статьи 1 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», договора страхования, по которому страховщик обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить потерпевшим причиненный вследствие этого события вред их жизни, здоровью или имуществу (осуществить страховую выплату) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы). На основании такого договора потерпевший реализует свое право на возмещение вреда, причиненного ему владельцем транспортного средства, путем получения от страховщика страховой выплаты. Для случаев же, когда риск гражданской ответственности в форме обязательного и (или) добровольного страхования владельцем транспортного средства не застрахован, названный Федеральный закон предписывает ему возмещать вред, причиненный жизни, здоровью или

имуществу потерпевших, в соответствии с гражданским законодательством (пункт 6 статьи 4), т. е., как следует из пункта 1 статьи 1064 ГК Российской Федерации, в полном объеме.

4.1. Порядок определения размера страховой выплаты и порядок ее осуществления закреплены в статье 12 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»: так, размер подлежащих возмещению страховщиком убытков при причинении вреда имуществу потерпевшего определяется в случае полной гибели имущества – в размере его действительной стоимости на день наступления страхового случая за вычетом стоимости годных остатков, а в случае повреждения имущества – в размере расходов, необходимых для приведения его в состояние, в котором оно находилось до момента наступления страхового случая (пункт 18); к указанным расходам относятся также расходы на материалы и запасные части, необходимые для восстановительного ремонта, расходы на оплату работ, связанных с таким ремонтом; размер расходов на запасные части определяется с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте; при этом на указанные комплектующие изделия (детали, узлы и агрегаты) не может начисляться износ свыше 50 процентов их стоимости; размер расходов на материалы и запасные части, необходимые для восстановительного ремонта транспортного средства, расходов на оплату связанных с таким ремонтом работ и стоимость годных остатков определяются в порядке, установленном Банком России (пункт 19).

В целях установления обстоятельств причинения вреда транспортному средству, установления повреждений транспортного средства и их причин, технологии, методов и стоимости его восстановительного ремонта статья 12¹ данного Федерального закона предписывает проведение независимой технической экспертизы, которая, как и судебная экспертиза транспортного средства, назначаемая в соответствии с законодательством Российской Федерации в целях определения размера страховой выплаты потерпевшему и (или) стоимости восстановительного ремонта транспортного средства в рамках договора обязательного страхования, проводится с использованием единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утверждаемой Банком России (пункты 1, 3 и 6).

Предусматривая максимальный размер страховой выплаты, на которую вправе рассчитывать потерпевший в случае причинения ему вреда, расчет размера подлежащих возмещению страховщиком убытков в случае повреждения имущества с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте транспортного средства, порядок определения размера расходов на материалы и запасные части, необходимые для восстановительного ремонта, и проведения независимой технической и судебной экспертиз транспортного средства с использованием единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, федеральный законодатель – с учетом специфики соответствующих отношений и исходя из принципов эффективности, целесообразности и экономической обоснованности – обозначил пределы, в которых путем осуществления страховщиком страховой выплаты потерпевшему гарантируется возмещение вреда, причиненного его жизни, здоровью или имуществу.

Введение Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» правила, в соответствии с которым страховщик при наступлении страхового случая обязуется возместить потерпевшему причиненный вред не в полном объеме, а

лишь в пределах указанной в его статье 7 страховой суммы (в части возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью каждого потерпевшего, — 500 тысяч руб., в части возмещения вреда, причиненного имуществу каждого потерпевшего, — 400 тысяч руб.) и с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте, направлено на обеспечение баланса экономических интересов всех участвующих в страховом правоотношении лиц, на доступность цены договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, а также на предотвращение противоправных внеюрисдикционных механизмов разрешения споров по возмещению вреда и не может рассматриваться как не отвечающее вытекающим из статей 17 (часть 3), 35 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации требованиям.

4.2. Давая в Постановлении от 31 мая 2005 года № 6-П оценку Федеральному закону «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в целом исходя из его взаимосвязи с положениями главы 59 ГК Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам: требование потерпевшего (выгодоприобретателя) к страховщику о выплате страхового возмещения (об осуществлении страховой выплаты) в рамках договора обязательного страхования является самостоятельным и отличается от требований, вытекающих из обязательств вследствие причинения вреда; выплату страхового возмещения обязан осуществить непосредственно страховщик, причем наступление страхового случая, влекущее такую обязанность, само по себе не освобождает страхователя от гражданско-правовой ответственности перед потерпевшим за причинение ему вреда; различия в юридической природе и целевом назначении вытекающей из договора обязательного страхования обязанности страховщика по выплате страхового возмещения и деликтного обязательства обуславливают и различия в механизмах возмещения вреда в рамках соответствующих правоотношений; смешение различных обязательств и их элементов, одним из которых является порядок реализации потерпевшим своего права, приводит к подмене одного гражданско-правового института другим и может повлечь неблагоприятные последствия для стороны, в интересах которой он устанавливался, в данном случае — потерпевшего (выгодоприобретателя), и тем самым ущемление его конституционных прав и свобод.

Приведенные правовые позиции, из которых следует, что институт обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, введенный в действующее законодательство с целью повышения уровня защиты прав потерпевших при причинении им вреда при использовании транспортных средств иными лицами, не может подменять собой институт деликтных обязательств, регламентируемый главой 59 ГК Российской Федерации, и не может приводить к снижению размера возмещения вреда, на которое вправе рассчитывать потерпевший на основании общих положений гражданского законодательства, получили свое развитие в последующих решениях Конституционного Суда Российской Федерации.

В частности, как следует из определений Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июня 2011 года № 855-О-О, от 22 декабря 2015 года № 2977-О, № 2978-О и № 2979-О, положения Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», определяющие размер расходов на запасные части с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте, а также предписывающие осуществление независимой технической экспертизы и судебной экспертизы транс-

портного средства с использованием единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, не препятствуют возмещению вреда непосредственным его причинителем в соответствии с законодательством Российской Федерации, если размер понесенного потерпевшим фактического ущерба превышает размер выплаченного ему страховщиком страхового возмещения. С этим выводом согласуется и положение пункта 23 статьи 12 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», согласно которому с лица, причинившего вред, может быть взыскана сумма в размере части требования, оставшейся неудовлетворенной в соответствии с данным Федеральным законом.

4.3. Таким образом, обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств является мерой защиты прав потерпевшего при эксплуатации иными лицами транспортных средств как источников повышенной опасности, гарантирующей во всяком случае в пределах, установленных Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», возмещение потерпевшим причиненного вреда и способствующей более оперативному его возмещению страховой организацией, выступающей в гражданско-правовых отношениях в качестве профессионального участника экономического оборота, обладающего для этого необходимыми средствами.

При этом следует иметь в виду, что законодательство об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств регулирует исключительно данную сферу правоотношений (что прямо следует из преамбулы Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», а также из преамбулы Единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утвержденной Центральным банком Российской Федерации 19 сентября 2014 года) и обязательства вследствие причинения вреда не регулирует: в данном случае страховая выплата, направленная на возмещение причиненного вреда, осуществляется страховщиком на основании договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и в соответствии с его условиями.

Вместе с тем названный Федеральный закон, как специальный нормативный правовой акт, не исключает распространение на отношения между потерпевшим и лицом, причинившим вред, общих норм Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах из причинения вреда. Следовательно, потерпевший при недостаточности страховой выплаты на покрытие причиненного ему фактического ущерба вправе рассчитывать на восполнение образовавшейся разницы за счет лица, в результате противоправных действий которого образовался этот ущерб, путем предъявления к нему соответствующего требования. В противном случае – вопреки направленности правового регулирования деликтных обязательств – ограничивалось бы право граждан на возмещение вреда, причиненного им при использовании иными лицами транспортных средств.

5. По смыслу вытекающих из статьи 35 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19 и 52 гарантий права собственности, определение объема возмещения имущественного вреда, причиненного потерпевшему при эксплуатации транспортного средства иными лицами, предполагает необходимость восполнения потерь, которые потерпевший объективно понес или – принимая во внимание в том числе требование пункта 1 статьи 16 Федерального закона «О безопасности дорожного движения», согласно которому техническое состояние и оборудование транспортных

средств должны обеспечивать безопасность дорожного движения, — с неизбежностью должен будет понести для восстановления своего поврежденного транспортного средства.

Как показывает практика, размер страховой выплаты, расчет которой производится в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства с учетом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов, может не совпадать с реальными затратами на приведение поврежденного транспортного средства — зачастую путем приобретения потерпевшим новых деталей, узлов и агрегатов взамен старых и изношенных — в состоянии, предшествовавшее повреждению. Кроме того, предусматривая при расчете размера расходов на восстановительный ремонт транспортного средства их уменьшение с учетом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов и включая в формулу расчета такого износа соответствующие коэффициенты и характеристики, в частности срок эксплуатации комплектующего изделия (детали, узла, агрегата), данный нормативный правовой акт исходит из наиболее массовых, стандартных условий использования транспортных средств, позволяющих распространить единые требования на типичные ситуации, а потому не учитывает объективные характеристики конкретного транспортного средства применительно к индивидуальным особенностям его эксплуатации, которые могут иметь место на момент совершения дорожно-транспортного происшествия.

Между тем замена поврежденных деталей, узлов и агрегатов — если она необходима для восстановления эксплуатационных и товарных характеристик поврежденного транспортного средства, в том числе с учетом требований безопасности дорожного движения, — в большинстве случаев сводится к их замене на новые детали, узлы и агрегаты. Поскольку полное возмещение вреда предполагает восстановление поврежденного имущества до состояния, в котором оно находилось до нарушения права, в таких случаях — притом что на потерпевшего не может быть возложено бремя самостоятельного поиска деталей, узлов и агрегатов с той же степенью износа, что и у подлежащих замене, — неосновательного обогащения собственника поврежденного имущества не происходит, даже если в результате замены поврежденных деталей, узлов и агрегатов его стоимость выросла.

Соответственно, при исчислении размера расходов, необходимых для приведения транспортного средства в состояние, в котором оно находилось до повреждения, и подлежащих возмещению лицом, причинившим вред, должны приниматься во внимание реальные, т. е. необходимые, экономически обоснованные, отвечающие требованиям завода-изготовителя, учитывающие условия эксплуатации транспортного средства и достоверно подтвержденные расходы, в том числе расходы на новые комплектующие изделия (детали, узлы и агрегаты).

Как следует из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», если для устранения повреждений имущества истца использовались или будут использованы новые материалы, то за исключением случаев, установленных законом или договором, расходы на такое устранение включаются в состав реального ущерба истца полностью, несмотря на то что стоимость имущества увеличилась или может увеличиться по сравнению с его стоимостью до повреждения; размер подлежащего выплате возмещения может быть уменьшен, если ответчиком будет доказано или из обстоятельств дела следует с очевидностью, что существует иной, более разумный и рас-

пространенный в обороте способ исправления таких повреждений подобного имущества (пункт 13).

5.1. Положения статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации – по их конституционно-правовому смыслу в системе мер защиты права собственности, основанной на требованиях статей 7 (часть 1), 17 (части 1 и 3), 19 (части 1 и 2), 35 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации и вытекающих из них гарантий полного возмещения потерпевшему вреда, – не предполагают, что правила, предназначенные исключительно для целей обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, распространяются и на деликтные отношения, урегулированные указанными законоположениями.

Иное означало бы, что потерпевший лишился бы возможности возмещения вреда в полном объеме с непосредственного причинителя в случае выплаты в пределах страховой суммы страхового возмещения, для целей которой размер стоимости восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства определен на основании Единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства с учетом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов. Это приводило бы к несоразмерному ограничению права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, к нарушению конституционных гарантий права собственности и права на судебную защиту. При этом потерпевшие, которым имущественный вред причинен лицом, чья ответственность застрахована в рамках договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, ставились бы в худшее положение не только по сравнению с теми потерпевшими, которым имущественный вред причинен лицом, не исполнившим обязанность по страхованию риска своей гражданской ответственности, но и вследствие самого введения в правовое регулирование института страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств – в отличие от периода, когда вред во всех случаях его причинения источником повышенной опасности подлежал возмещению по правилам главы 59 ГК Российской Федерации, т. е. в полном объеме.

5.2. В контексте конституционно-правового предназначения статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», как регулирующий иные – страховые – отношения, и основанная на нем Единая методика определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства не могут рассматриваться в качестве нормативно установленного исключения из общего правила об определении размера убытков в рамках деликтных обязательств и, таким образом, не препятствуют учету полной стоимости новых деталей, узлов и агрегатов при определении размера убытков, подлежащих возмещению лицом, причинившим вред.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, при рассмотрении конкретного дела суд обязан исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением одних лишь формальных условий применения нормы; иное приводило бы к тому, что право на судебную защиту, закрепленное статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, оказывалось бы существенно ущемленным (постановления от 6 июня 1995 года № 7-П, от 13 июня 1996 года № 14-П, от 28 октября 1999 года № 14-П, от 22 ноября 2000 года № 14-П,

от 14 июля 2003 года № 12-П, от 12 июля 2007 года № 10-П и др.). Оценка доказательств, позволяющих, в частности, определить реальный размер возмещения вреда, и отражение ее результатов в судебном решении является одним из проявлений дискреционных полномочий суда, необходимых для осуществления правосудия и вытекающих из принципа самостоятельности судебной власти, что, однако, не предполагает возможность оценки судом доказательств произвольно и в противоречии с законом.

Положения статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации сами по себе не ограничивают круг доказательств, которые потерпевшие могут предъявлять для определения размера понесенного ими фактического ущерба. Соответственно, поскольку размер расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства определяется на основании Единой методики лишь в рамках договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и только в пределах, установленных Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», а произведенные на ее основании подсчеты размера вреда в целях осуществления страховой выплаты не всегда адекватно отражают размер причиненного потерпевшему фактического ущерба и, следовательно, не могут служить единственным средством для его определения, суды обязаны в полной мере учитывать все юридически значимые обстоятельства, позволяющие установить и подтвердить фактически понесенный потерпевшим ущерб.

5.3. Таким образом, положения статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования (во взаимосвязи с положениями Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств») предполагают возможность возмещения лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, потерпевшему, которому по указанному договору страховой организацией выплачено страховое возмещение в размере, исчисленном в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства с учетом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов транспортного средства, имущественного вреда исходя из принципа полного его возмещения, если потерпевшим представлены надлежащие доказательства того, что размер фактически понесенного им ущерба превышает сумму полученного страхового возмещения.

Иное приводило бы к нарушению гарантированных статьями 17 (часть 3), 19 (часть 1), 35 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации прав потерпевших, имуществу которых был причинен вред при использовании иными лицами транспортных средств как источников повышенной опасности.

Вместе с тем, в силу вытекающих из Конституции Российской Федерации, в том числе ее статьи 55 (часть 3), принципов справедливости и пропорциональности (соразмерности) и недопустимости при осуществлении прав и свобод человека и гражданина нарушений прав и свобод других лиц (статья 17, часть 3) регулирование подобного рода отношений требует обеспечения баланса интересов потерпевшего, намеренного максимально быстро, в полном объеме и с учетом требований безопасности восстановить поврежденное транспортное средство, и лица, причинившего вред, интерес которого состоит в том, чтобы возместить потерпевшему лишь те расходы,

необходимость осуществления которых непосредственно находится в причинно-следственной связи с его противоправными действиями.

Это означает, что лицо, к которому потерпевшим предъявлены требования о возмещении разницы между страховой выплатой и фактическим размером причиненного ущерба, не лишено права ходатайствовать о назначении соответствующей судебной экспертизы, о снижении размера подлежащего выплате возмещения и выдвигать иные возражения. В частности, размер возмещения, подлежащего выплате лицом, причинившим вред, может быть уменьшен судом, если ответчиком будет доказано или из обстоятельств дела следует с очевидностью, что существует иной, более разумный и распространенный в обороте способ исправления таких повреждений подобного имущества. Кроме того, такое уменьшение допустимо, если в результате возмещения причиненного вреда с учетом стоимости новых деталей, узлов, агрегатов произойдет значительное улучшение транспортного средства, влекущее существенное и явно несправедливое увеличение его стоимости за счет лица, причинившего вред (например, когда при восстановительном ремонте детали, узлы, механизмы, которые имеют постоянный нормальный износ и подлежат регулярной своевременной замене в соответствии с требованиями по эксплуатации транспортного средства, были заменены на новые).

Установление подобного рода обстоятельств является прерогативой суда, который в силу присущих ему дискреционных полномочий, необходимых для осуществления правосудия и вытекающих из принципа самостоятельности судебной власти, разрешает дело на основе установления и исследования всех его обстоятельств, что, однако, не предполагает оценку судом доказательств произвольно и в противоречии с законом.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования и во взаимосвязи с положениями Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» они предполагают – исходя из принципа полного возмещения вреда – возможность возмещения потерпевшему лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, вреда, причиненного при эксплуатации транспортного средства, в размере, который превышает страховое возмещение, выплаченное потерпевшему в соответствии с законодательством об обязательном страховании гражданской ответственности.

2. Правоприменительные решения по делам граждан Аринушенко Андрея Сергеевича, Бересневой Галины Семеновны, Реутова Валерия Александровича и Середы Олега Николаевича, основанные на положениях статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном законом порядке, если для этого нет иных препятствий.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосред-

ственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

15 сентября
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1742-О

по запросу группы депутатов
Государственной Думы о проверке
конституционности положений части
5 статьи 42 Федерального закона
«О выборах депутатов Государственной
Думы Федерального Собрания
Российской Федерации»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, заслушав заключение судьи Н. С. Бондаря, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса группы депутатов Государственной Думы,

у с т а н о в и л :

1. Группа депутатов Государственной Думы в своем запросе в Конституционный Суд Российской Федерации оспаривает конституционность положений части 5 статьи 42 Федерального закона от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», в соответствии с которыми одновременно с документами, указанными в частях 1 и 4 данной статьи, уполномоченный представитель политической партии представляет, в частности, сведения о принадлежащем каждому кандидату, включенному в федеральный список кандидатов, супругу кандидата и его несовершеннолетним детям недвижимом имуществе, находящемся за пределами территории Российской Федерации, об источниках получения средств, за счет которых приобретено указанное имущество, об обязательствах имущественного характера за пределами территории Российской Федерации кандидата, а также сведения о таких обязательствах его супруга и несовершеннолетних детей; указанные сведения представляются по форме, предусмотренной указом Президента Российской Федерации (пункт 3); сведения о расходах каждого кандидата, включенного в федеральный список кандидатов, а также о расходах супруга кандидата и его несовершеннолетних детей по каждой сделке по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), совершенной в течение последних трех лет, если сумма сделки превышает общий доход такого кандидата и его супруга за три последних года, предшествующих совершению сделки, и об источниках получения средств, за счет которых совершена сделка; указанные сведения представляются по форме, предусмотренной указом Президента Российской Федерации (пункт 4). При этом заявители в подтверждение своей позиции ссылаются, в частности, на конкретное дело с участием С. П. Обухо-

ва, который был исключен постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации из федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы седьмого созыва, выдвинутого политической партией «Коммунистическая партия Российской Федерации», в связи с тем, что необходимые сведения имущественного характера в отношении его несовершеннолетней дочери были представлены с нарушением порядка и сроков, установленных Федеральным законом «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

По мнению заявителей, оспариваемые законоположения, как исключющие в системе действующего правового регулирования с учетом смысла, придаваемого им правоприменительной практикой, возможность дополнения, изменения, замены ранее представленных избирательным объединением в отношении кандидата предусмотренных данными законоположениями сведений и позволяющие исключать кандидата из заверенного списка кандидатов, отказывать в регистрации кандидата на том формальном основании, что не было представлено сведений о его супруге, несовершеннолетнем ребенке, хотя они не имели и не имеют имущества, обязательств имущественного характера, в том числе за пределами Российской Федерации, а равно не совершали расходов, превышающих общий доход за последние три года, т. е. на основании непредставления «нулевых сведений», не соответствуют статьям 18, 19 и 32 (часть 2) Конституции Российской Федерации.

2. Конституция Российской Федерации, закрепляя право граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления (статья 32, часть 2; статья 130, часть 2), не определяет непосредственно порядок его осуществления. Регулирование избирательных прав и установление порядка проведения выборов относится, в силу статей 71 (пункты «в», «г»), 72 (пункт «н» части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, к компетенции законодателя, который, обладая достаточно широкой дискрецией при регламентации соответствующих отношений, призван конкретизировать нормативное содержание и пределы избирательных прав, определять порядок и условия их реализации в целях наиболее эффективного обеспечения относящихся к основам конституционного строя Российской Федерации принципов правовой демократии.

Конституционной природой избирательных прав, включая их всеобщий и равный характер, предопределяется обязанность государства создавать условия, которые гарантировали бы адекватное выражение суверенитета многонационального народа России посредством осуществления ее гражданами права на участие в управлении делами государства и, соответственно, формирования самостоятельных и независимых органов публичной власти, призванных обеспечивать в своей деятельности представительство и реализацию интересов народа, гарантировать права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации. Одновременно с этим федеральный законодатель — в целях максимально полного информирования избирателей о кандидатах, участвующих в выборах, и формирования на этой основе осознанного электорального волеизъявления — правомочен использовать необходимые правовые средства, направленные на выявление в отношении кандидатов на выборные публичные должности характеристик имущественного положения, как их самих, так и членов их семьи, включая выяснение существующих у этих лиц зарубежных финансово-экономических связей, а также определять правовые последствия наличия достоверно подтвержденных соответствующих обстоятельств в зависимости от их характера. Предназначение подобных мер, востребованных в избирательном процессе, в том числе с

учетом сложившегося понимания подлинных выборов как сопряженных с обеспечением свободного доступа избирателей к информации о кандидатах, списках кандидатов (часть 3 статьи 9 Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств), коррелирует также с конституционно значимыми целями по обеспечению эффективного функционирования национального механизма народовластия и предотвращению рисков, обусловленных возможностью сращивания политической власти и бизнеса, проявлениями зависимости лиц, замещающих выборные публичные должности, от неправомерного влияния, в том числе извне.

Повышенные требования, предъявляемые к качеству организации избирательного процесса и к участникам соответствующих правоотношений, лежат в том числе в основе действующего законодательного регулирования, которое исходит из того, что сообщение кандидатом (избирательным объединением) сведений об имущественном положении, в котором находится конкретное лицо, а также сведений, указывающих на наличие или отсутствие взаимосвязей с иностранными правовыми порядками, в том числе финансово-имущественного характера, является необходимым процедурным условием реализации пассивного избирательного права.

Вместе с тем правовое регулирование порядка и условий выдвижения и регистрации кандидатов (списков кандидатов) на выборах, в том числе в части определения как состава сведений в отношении лиц, изъявивших желание баллотироваться на выборах, которые должны быть сообщены в соответствующую избирательную комиссию, так и порядка и сроков представления этих сведений, должно отвечать вытекающим из Конституции Российской Федерации требованиям правовой определенности и не носить характер избыточных, чрезмерных ограничений, создающих, вопреки конституционному принципу равенства, произвольные препятствия в реализации пассивного избирательного права. Законодатель, как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, обязан во всяком случае учитывать, что вводимые им ограничения конституционных, в том числе избирательных, прав и свобод должны быть не только юридически, но и социально обоснованы; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату (постановления от 25 апреля 1995 года № 3-П, от 27 марта 1996 года № 8-П, от 30 октября 2003 года № 15-П, от 22 июня 2010 года № 14-П и др.).

2.1. Законодательной основой регулирования отношений, в рамках которых реализуется конституционное право граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, является Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», имеющий прямое действие и подлежащий применению на всей территории Российской Федерации (пункты 1 и 2 статьи 1).

Определяя условия выдвижения кандидатов, Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает, что сведения о недвижимом имуществе, находящемся за пределами территории Российской Федерации, и о расходах представляются в избирательную комиссию вместе с заявлением выдвинутого лица о согласии баллотироваться (пункт 3¹ статьи 33).

При этом данный Федеральный закон напрямую не оговаривает возможность представления документов, содержащих указанные сведения, после подачи в избирательную комиссию документов, необходимых для уведомления о выдвижении кандидата, в том числе в составе списка кандидатов, а лишь допускает возможность внесения уточнений и дополнений в документы, а также замену документов, оформленных с нарушением установленных требований.

Согласно пункту 1¹ статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме Российской Федерации» при выявлении неполноты сведений о кандидатах, отсутствия каких-либо документов, представление которых в избирательную комиссию для уведомления о выдвижении кандидата (кандидатов), списка кандидатов и их регистрации предусмотрено законом, или несоблюдения требований закона к оформлению документов соответствующая избирательная комиссия не позднее чем за три дня до дня заседания избирательной комиссии, на котором должен рассматриваться вопрос о регистрации кандидата, списка кандидатов, извещает об этом кандидата, избирательное объединение; не позднее чем за один день до дня заседания избирательной комиссии, на котором должен рассматриваться вопрос о регистрации кандидата, списка кандидатов, кандидат вправе вносить уточнения и дополнения в документы, содержащие сведения о нем, а избирательное объединение — в документы, содержащие сведения о выдвинутом им кандидате (выдвинутых им кандидатах), в том числе в составе списка кандидатов, и представленные в соответствии с пунктами 2 и 3 (при проведении выборов в федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, выборов глав муниципальных районов и глав городских округов также документы, представленные в соответствии с пунктом 3¹) статьи 33 данного Федерального закона, а также в иные документы (за исключением подписных листов с подписями избирателей и списка лиц, осуществлявших сбор подписей избирателей), представленные в избирательную комиссию для уведомления о выдвижении кандидата (кандидатов), списка кандидатов и их регистрации, в целях приведения указанных документов в соответствие с требованиями закона, в том числе к их оформлению; кандидат, избирательное объединение вправе заменить представленный документ только в случае, если он оформлен с нарушением требований закона; в случае отсутствия копии какого-либо документа, представление которой предусмотрено пунктом 2² статьи 33 данного Федерального закона, кандидат, избирательное объединение вправе представить ее не позднее чем за один день до дня заседания избирательной комиссии, на котором должен рассматриваться вопрос о регистрации кандидата, списка кандидатов.

Таким образом, кандидат, избирательное объединение не вправе дополнительно представлять документы, необходимые для уведомления о выдвижении и регистрации кандидата, списка кандидатов, если они не были представлены ранее в сроки, установленные законом соответственно для уведомления о выдвижении и для регистрации кандидата, списка кандидатов, за исключением копий документов, представление которых предусмотрено пунктом 2² статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Соответствующий подход в отношении понимания и применения приведенных законоположений нашел свое подтверждение, в частности, в пункте 4.12 Методических рекомендаций по вопросам, связанным с выдвижением и регистрацией кандидатов, списков кандидатов на выборах в органы

государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления (утверждены постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 11 июня 2014 года № 235/1486-6).

2.2. Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», конкретизируя условия выдвижения кандидатов на соответствующих выборах, предусматривает, что документы, необходимые для выдвижения кандидатов, в том числе сведения о недвижимом имуществе, находящемся за пределами территории Российской Федерации, и расходах, представляются одновременно с федеральным списком кандидатов, со списком кандидатов по одномандатным избирательным округам (статья 42).

Согласно указанному Федеральному закону Центральная избирательная комиссия Российской Федерации в течение семи дней со дня представления документов рассматривает представленные документы, по результатам рассмотрения заверяет федеральный список кандидатов, список кандидатов по одномандатным избирательным округам и выдает уполномоченному представителю политической партии копию заверенного федерального списка кандидатов, копию заверенного списка кандидатов по одномандатным избирательным округам либо отказывает в заверении списка (списков), о чем принимается мотивированное решение, копия которого выдается уполномоченному представителю политической партии (часть 9 статьи 42). В силу части 10 его статьи 42 несоблюдение требований, предусмотренных частью 5 данной статьи (в частности, в отношении представления сведений о принадлежащем каждому кандидату, включенному в федеральный список кандидатов, супругу кандидата и его несовершеннолетним детям недвижимому имуществу, находящемуся за пределами территории Российской Федерации, об источниках получения средств, за счет которых приобретено указанное имущество, об обязательствах имущественного характера за пределами территории Российской Федерации кандидата, а также сведений о таких обязательствах его супруга и несовершеннолетних детей; об определенных расходах каждого кандидата, включенного в федеральный список кандидатов, расходах супруга кандидата и его несовершеннолетних детей), влечет за собой исключение соответствующего кандидата из федерального списка кандидатов, списка кандидатов по одномандатным избирательным округам до того, как соответствующий список будет заверен. При этом установленная в рамках действующего правового регулирования форма представления указанных сведений предполагает, что справка, в которой они должны содержаться, заполняется отдельно на каждое лицо, о котором представляются сведения, т. е. в виде отдельного документа (Указ Президента Российской Федерации от 6 июня 2013 года № 546 «О проверке достоверности сведений об имуществе и обязательствах имущественного характера за пределами территории Российской Федерации, о расходах по каждой сделке по приобретению объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг и акций, представляемых кандидатами на выборах в органы государственной власти, выборах глав муниципальных районов и глав городских округов, а также политическими партиями в связи с внесением Президенту Российской Федерации предложений о кандидатурах на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации»).

Тем самым Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», равно как и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», не допускает воз-

возможности после уведомления избирательной комиссии о выдвижении списка кандидатов дополнительно представить недостающие документы, необходимые для уведомления о выдвижении, в том числе справки, касающиеся недвижимого имущества, находящегося за пределами территории Российской Федерации, и обязательств имущественного характера за пределами территории Российской Федерации, а также определенных расходов в отношении супруга кандидата и его несовершеннолетних детей.

Обращаясь ранее к вопросу об установленном Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» запрете на внесение исправлений и замену подписных листов, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что такое правовое регулирование предопределяется необходимостью обеспечения равенства выдвинутых кандидатов и проведения качественной проверки избирательной комиссией подписных листов в нормативно установленные сроки и не выходит за рамки дискреционных полномочий федерального законодателя (определения от 6 июля 2010 года № 1087-О-О и от 19 октября 2010 года № 1426-О-О). Поскольку сведения о недвижимом имуществе, находящемся за пределами территории Российской Федерации, и обязательствах имущественного характера за пределами территории Российской Федерации, равно как и о расходах определенного характера, касающиеся супруга и несовершеннолетних детей кандидата на выборах депутатов Государственной Думы, в том числе и в случае, если подаются так называемые «нулевые сведения», также подлежат проверке (часть 4 статьи 48 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»), изложенная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации может быть распространена и на вытекающий из действующего избирательного законодательства запрет на представление соответствующих сведений после подачи избирательным объединением документов для уведомления избирательной комиссии о выдвижении списка кандидатов.

3. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, конституционный принцип равенства оказывает регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и выступает конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона; соблюдение данного принципа, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (постановления от 16 июня 2006 года № 7-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 16 июля 2007 года № 12-П, от 25 марта 2008 года № 6-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П и др.).

Предусматривая обязанность уполномоченного представителя политической партии представить в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации сведения в отношении несовершеннолетних детей кандидата, Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (статья 42) предполагает, что соответствующие сведения должны быть представлены в отношении детей кандидата, не достигших совершеннолетия на отчетную дату, какой в силу приложения 1 к данному Федеральному закону является первое число месяца, в котором осуществлено официальное опубликование (публикация) решения о назначении соответствующих выборов. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва назначены Указом Президента Российской Федера-

ции от 17 июня 2016 года № 291, и, следовательно, первым числом месяца, по состоянию на которое должны быть представлены необходимые сведения, является 1 июня 2016 года.

Таким образом, оспариваемые законоположения недвусмысленно определяют обязательные для выполнения требования о представлении сведений финансово-имущественного характера в отношении кандидата, его супруга и несовершеннолетних детей в качестве единых и равных условий выдвижения кандидатов в федеральном списке кандидатов, списке кандидатов по одномандатным избирательным округам на выборах депутатов Государственной Думы, выдвинутом политической партией. Все выдвинутые избирательным объединением кандидаты, которые соответствуют указанным условиям, подлежат регистрации в соответствующем списке кандидатов. Следовательно, какое-либо неравенство, на которое указывают заявители, отсутствует.

При оценке оспариваемых заявителями законоположений Конституционный Суд Российской Федерации учитывает также складывающуюся правоприменительную практику Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в рамках организации выборов депутатов Государственной Думы седьмого созыва, анализ которой не свидетельствует о том, что эти законоположения получают различное толкование и применение, создающее препятствия для выдвижения и регистрации кандидатов на выборах депутатов Государственной Думы.

В частности, в результате проверки соблюдения требований Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» политической партией «Коммунистическая партия Российской Федерации» при выдвижении федерального списка кандидатов Центральной избирательной комиссией Российской Федерации зарегистрирован федеральный список кандидатов в депутаты Государственной Думы седьмого созыва, выдвинутый указанной политической партией, в количестве 385 человек при изначально заявленном списке в количестве 391 человека (т. е. условиям выдвижения не смогли соответствовать только 6 выдвинутых кандидатов) (постановление от 1 августа № 31/297-7). Результаты, полученные при регистрации федеральных списков кандидатов на соответствующих выборах другими политическими партиями, также не свидетельствуют о том, что оспариваемые заявителями законоположения создают препятствия для реализации пассивного избирательного права. Так, зарегистрированы федеральные списки кандидатов: Всероссийской политической партии «Партия РОСТА» в количестве 338 человек из 339 заявленных; политической партии «Российская экологическая партия «Зеленые»» — 352 из 356; политической партии «Гражданская платформа» — 235 из 237; политической партии «Патриоты России» — 380 из 380; политической партии «Справедливая Россия» — 333 из 333; политической партии «Коммунистическая партия Коммунисты России» — 375 из 397; политической партии «Партия народной свободы (Парнас)» — 281 из 283; Всероссийской политической партии «Родина» — 286 из 287; политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»» — 305 из 306; политической партии «Российская партия пенсионеров за справедливость» — 318 из 331; Всероссийской политической партии «Единая Россия» — 400 из 400; политической партии «ЛДПР — Либерально-демократическая партия России» — 313 из 313 (постановления от 18 июля 2016 года № 24/214-7, от 22 июля 2016 года № 27/258-7, от 27 июля 2016 года № 28/275-7 и № 28/277-7, от 29 июля 2016 года № 30/286-7, от 1 августа 2016 года № 31/297-7 и № 31/295-7, от 3 августа 2016 года № 32/303-7 и № 32/308-7, от 5 августа 2016 года

№ 33/318-7, от 8 августа 2016 года № 34/324-7, от 12 августа 2016 года № 36/348-7 и № 36/350-7).

При этом самими заявителями – в рамках правового обоснования своей позиции о противоречии оспариваемых законоположений Конституции Российской Федерации – не приведены какие-либо доводы о возможном наличии тех или иных исключительных по своему характеру обстоятельств, которые могли бы объективно препятствовать избирательному объединению представить в избирательную комиссию соответствующие сведения, касающиеся супруга или несовершеннолетних детей кандидата, включенного в список кандидатов, в установленный срок, т. е. одновременно с федеральным списком кандидатов.

Таким образом, оспариваемые нормы с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и практики их применения Центральной избирательной комиссией Российской Федерации не могут рассматриваться как препятствующие осуществлению избирательных прав граждан и их объединений.

Соблюдение же прав и законных интересов отдельных кандидатов, исключенных из соответствующего списка, обеспечивается возможностью обжаловать такое решение в вышестоящую избирательную комиссию или в суд (статья 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»), который, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, при рассмотрении дела обязан исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, поскольку иное привело бы к тому, что право на судебную защиту, закрепленное статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, оказывалось бы существенно ущемленным.

Как следует из представленных в Конституционный Суд Российской Федерации материалов, средства правовой защиты, в том числе судебные, были использованы политической партией «Коммунистическая партия Российской Федерации» и кандидатом С. П. Обуховым в связи с его исключением из федерального списка кандидатов и отказом в его регистрации кандидатом на выборах в Государственную Думу по одномандатному избирательному округу. Результаты рассмотрения обращений данного избирательного объединения и кандидата С. П. Обухова отражены в соответствующих правоприменительных актах. Проверка же законности и обоснованности этих актов, принятых в результате исследования фактических обстоятельств и оценки доказательств, связанных с достоверностью представленных сведений об имуществе в отношении конкретного лица, не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать запрос группы депутатов Государственной Думы не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителями вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерально-

го конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию в «Собрании законодательства Российской Федерации», на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г. А. Гаджиева

1. Определением от 15 сентября 2016 года № 1742-О Конституционный Суд Российской Федерации признал не подлежащим дальнейшему рассмотрению запрос группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений части 5 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Заявители – 94 депутата Государственной Думы (в абсолютном большинстве – представители парламентской фракции политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации») оспаривали указанные положения, предписывающие уполномоченному представителю политической партии одновременно с иными документами представлять в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации в том числе сведения о принадлежащем несовершеннолетним детям лица, включенного в федеральный список кандидатов, недвижимом имуществе, находящемся за пределами территории Российской Федерации (пункт 3). Заявители в аргументационной части жалобы также настаивали на неконституционности пункта 7 части 4 статьи 50 указанного Федерального закона, называющего в числе оснований для исключения кандидата из федерального списка отсутствие среди документов, представленных в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации в соответствии со статьей 42 данного Федерального закона, документов, необходимых

для регистрации кандидата. Заявители полагали, что названные положения – в их взаимосвязи и с учетом практики их применения в отношении кандидата от политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» С. П. Обухова – являются неопределенными, противоречивыми, нарушающими конституционное право быть избранным в органы государственной власти, поскольку по усмотрению избирательной комиссии они позволяют отказывать во внесении изменений (дополнений) в представленный в отношении кандидата комплект документов до регистрации списка, в особенности в части представления «нулевых сведений» о недвижимом имуществе, находящемся за пределами территории Российской Федерации, несовершеннолетнего ребенка кандидата, который на момент совершения соответствующего избирательного действия уже не является таковым.

Проголосовав в пользу отказа в рассмотрении настоящей жалобы по существу в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, полагаю, что неопределенность оспариваемых в запросе норм может быть устранена на основе учета релевантных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и системного толкования отраслевых норм и конституционных принципов избирательного права, в связи с чем излагаю свое мнение.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает право гражданина Российской Фе-

дерации быть избранным в органы государственной власти (статья 32, часть 2). Раскрывая действительное содержание указанной конституционной формулы, Конституционный Суд Российской Федерации, в частности, указал, что устанавливаемые законодателем правила регистрации федерального списка кандидатов, хотя он и выдвигается избирательным объединением, избирательным блоком, не должны искажать существо пассивного избирательного права, создавать необоснованные препятствия для его реализации, нарушать принцип равного избирательного права (Постановление от 25 апреля 2000 года № 7-П). Любые подобные обременения, по смыслу статьи 19, часть 3; статьи 32 и статьи 55, часть 3, Конституции в их взаимосвязи, являлись бы несправедливым, неконституционным ограничением избирательного права. Созвучные указанной правовой позиции европейские стандарты проведения выборов исходят из того, что «крайние сроки решений о регистрации кандидатов и политических партий, принимаемых органами, ответственными за организацию и проведение выборов, должны быть четко определенными. Причины для отказа в регистрации должны быть четко сформулированы в законе и основаны на объективных критериях. Закон должен допускать возможность корректировки незначительных нарушений, допущенных кандидатами и партиями в ходе регистрационного процесса в пределах обоснованных сроков после объявления об отказе в регистрации...»¹. Иными словами, правила регистрации кандидатов и исправления документов, необходимых для регистрации, должны способствовать, а не препятствовать равному участию в избирательном процессе лиц, обладающих пассивным избирательным правом.

3. По смыслу избирательного законодательства, за выдвижением федерального списка кандидатов политической партией следует несколько условных этапов, в частности: 1) представление списка и иных избирательных документов в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации, рассмотрение указанных документов Центральной избирательной комиссией Российской Федерации, принятие решения о заверении списка или отказе в таком заверении; 2) представление дополнительных избирательных документов в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации, необходимых для регистрации, проверка достоверности сведений, указанных о кандидатах, и иных документов,

принятие решения о регистрации списка или об отказе в этом. На каждом из указанных этапов участниками избирательного процесса совершаются самостоятельные юридически значимые действия, однако они не являются абсолютно изолированными друг от друга. Так, Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» не исключает возможности для политической партии вносить уточнения в одни и те же документы как для целей заверения списка, так и для целей его регистрации (часть 7 статьи 48); кандидат может быть исключен из списка партии Центральной избирательной комиссией Российской Федерации как до его заверения, так и на стадии его регистрации по одним и тем же основаниям (часть 10 статьи 42 и часть 4 статьи 50). Во всяком случае, первоначальная подача политической партией комплекта документов с некоторыми недостатками не предопределяет заранее судьбу представленного ею списка.

4. Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая в 2010 году по жалобе гражданина А. Г. Волкова положения Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Закона Томской области от 14 февраля 2005 года № 29-ОЗ «О муниципальных выборах в Томской области», аналогичные оспариваемым в запросе группы депутатов Государственной Думы и препятствовавшие, по мнению заявителя, «исправить недостатки представленного пакета документов за пределами срока представления документов», пришел к выводу, что они, как призванные гарантировать гражданам Российской Федерации реализацию конституционного права на участие в выборах, предполагают право кандидата восполнить недостающие сведения [за исключением подписных листов] и обязанность избирательной комиссии уведомить его о неполноте представленных сведений [необходимых для регистрации], независимо от того, чем обусловлена эта неполнота — недостаточным отраже-

¹ Существующие обязательства по проведению демократических выборов в государствах — участниках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе ОБСЕ. Опубликовано Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ (БДИПЧ). Варшава, 2003.

нием необходимых сведений в представленных документах или же непредставлением какого-либо документа [в частности, первого финансового отчета] или документов (Определение от 1 июня 2010 года № 784-О-О). Полагаю, что, указанная правовая позиция в полной мере может быть применима по аналогии с поставленной в запросе группы депутатов Государственной Думы проблемой, не умаляя при этом также сохраняющей свою силу позиции о том, что «отсутствие права на замену подписных листов в поддержку выдвижения кандидата после их представления в уполномоченную избирательную комиссию в системе действующего правового регулирования предопределяется необходимостью обеспечения равенства выдвинутых кандидатов, а также проведения качественной проверки избирательной комиссией подписных листов в нормативно установленные сроки» (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 2010 года № 1087-О-О и от 19 октября 2010 года № 1426-О-О).

5. Федеральный закон устанавливает в довольно общем виде, что кандидат представляет «сведения» о принадлежащем его членам семьи недвижимом имуществе, не оговаривая особо форму представления таких сведений, но указывая, что такая форма предусматривается указом Президента Российской Федерации (пункт 3 части 5 статьи 42). При этом Указом Президента Российской Федерации от 6 июня 2013 года № 546 установлено, что справка заполняется отдельно на каждое лицо, о котором представляются сведения (примечание 1). Одновременно, согласно оспариваемому Федеральному закону, в случае выявления недостатков поданного комплекта документов (включая и «отсутствие каких-либо документов», например сведений об имуществе родственников) перед заверением или регистрацией списка кандидатов соответствующая политическая партия извещается о них и «вправе вносить уточнения и дополнения... в целях приведения указанных документов в соответствие с требованиями» (часть 7 статьи 48). Из буквального прочтения другой нормы ясно, что отсутствие в представленных кандидатом документах отдельных сведений о нем, как и наличие в этих документах нарушений требований к их оформлению, может быть исправлено кандидатом не позднее, чем за один день до регистрации списка, а отсутствие одного из таких самостоятельных документов — нет (пункты 7–9 части 4 статьи 50).

Из этого следует, что по формальному основанию (уточнение, т. е. исправление ранее представленных сведений, или же дополнение, т. е. восполнение отсутствовавших ранее сведений) актом подзаконного уровня — указом Президента Российской Федерации, устанавливающим форму справки, — может ограничиваться сфера действия важной гарантии, установленной федеральным законом, — возможность устранения дефектов пакета документов, необходимого для участия в выборах.

Формальным такой подход выглядит потому, что, по совокупному смыслу указанных норм, допустимы, например, как сообщение кандидатом новых сведений, не представленных ранее вопреки закону, так и исправление кандидатом заведомо ложных сведений — если только при этом не требуется составления нового, отдельного документа. В таком случае указанное различие не обусловлено ни достижением большей добросовестности, дисциплинированности кандидатов и формальности равенства между ними (поскольку не учитывается значительность допущенного нарушения или инициатива кандидата в восполнении недостающих сведений), ни заботой о своевременности проверки представляемых ими сведений (притом что такая проверка вряд ли может быть исчерпывающим образом осуществлена в установленных сроки), а значит, оно не преследует никакой социально оправданной цели. Такое искусственное различие также приводит к бессмысленной ситуации, когда кандидат (избирательное объединение) об отсутствии документа своевременно уведомляется, однако исправить выявленное нарушение на соответствующем этапе деятельности избирательной комиссии не вправе.

6. Кроме того, оспариваемый Федеральный закон определенно устанавливает, что несоблюдение требований, предусмотренных частью 5 его статьи 42 (в том числе непредставление сведений об имуществе родственников), влечет за собой исключение соответствующего кандидата из федерального списка кандидатов, списка кандидатов по одномандатным избирательным округам до того, как соответствующий список будет заверен (часть 10 статьи 42). Значит, сам законодатель уже на этой стадии возлагает на Центральную избирательную комиссию Российской Федерации проведение соответствующей проверки и выявление соответствующих недостатков, что является полномочием данного органа — т. е. не только его правом, но и обязанностью. На

данном этапе, как предполагается, проверке подлежит не достоверность поданных сведений об имуществе членов семьи, а, по меньшей мере, необходимость в представлении таких сведений конкретным кандидатом. Обнаружение на более поздней стадии (регистрация списка) отсутствия требуемого документа, как видно, на практике затрудняет возможность его восполнения. Кроме того, хотя в обоих случаях допустима судебная проверка действий избирательной комиссии (на что обратил внимание Конституционный Суд Российской Федерации – абзацы восьмой и девятый пункта 3 Определения), отдалается во времени момент судебной защиты прав лица и приобретения по ее результатам статуса зарегистрированного кандидата. Очевидно, что издержки неосуществления избирательной комиссией своевременных действий не должны ложиться на кандидата.

7. Позиция заявителей по запросу, направленному в абстрактном порядке, сформулирована с учетом фактических обстоятельств дела кандидата от политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» С. П. Обухова и состоит в утверждении о неправомерности отказа Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в дополнении недостающих сведений по инициативе кандидата, когда отсутствие справки в отношении недвижимого имущества, находящегося за пределами территории Российской Федерации, его несовершеннолетнего ребенка было вызвано такой неординарной причиной, как достижение им совершеннолетия на момент рассмотрения комплекта документов Центральной избирательной комиссией Российской Федерации и заверения списка, притом что избирательный закон специально не регулирует подобную ситуацию. Согласно приложению № 1 к Федеральному закону «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» данные сведения указываются по состоянию на первое число месяца, в котором осуществлено официальное опубликование (публикация) решения о назначении выборов депутатов Государственной Думы. Однако это примечание относится к сведениям о размере и об источниках доходов, имуществе, принадлежащих кандидату на праве собственности (в том числе совместной), о счетах (вкладах) в банках, ценных бумагах. В отношении недвижимого имущества, находящегося за пределами территории Российской Федерации, членов се-

мьи аналогичное указание содержится лишь в Указе Президента от 6 июня 2013 года № 546, однако по буквальному смыслу оспариваемых норм Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» данный Указ Президента призван лишь определить «форму» представления сведений, но не вводить новые нормы, уточняющие права и обязанности кандидата. Таким образом, изложенные обстоятельства представляют собой не типичную правоприменительную ситуацию, а казус, т. е. «случай, случайное действие, имеющее внешние признаки правонарушения, но лишенное элемента вины, а поэтому ненаказуемое»². При таких обстоятельствах Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, для того чтобы формально верное применение нормы не привело к явно неразумным результатам, должна была прибегнуть к системному толкованию норм избирательного права, обращению к конституционным принципам, учитывая, что именно Центральная избирательная комиссия Российской Федерации осуществляет контроль за соблюдением избирательных прав граждан, в том числе права на участие в выборах на равных основаниях, обеспечивает единообразное применение оспариваемого Федерального закона (пункт 1 статьи 5 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и часть 1 статьи 25 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»).

Между тем постановлением Избирательной комиссии Краснодарского края от 27 июля 2016 года № 191/2785-5 было отказано в регистрации С. П. Обухова кандидатом в депутаты Государственной Думы по одномандатному избирательному округу в связи с непредставлением им указанных выше сведений в отношении несовершеннолетнего ребенка. Однако постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 1 августа 2016 года № 31/292-7 (т. е. в день исключения Центральной избирательной комиссией Российской Федерации указанного кандидата из федерального списка, в котором он занимал изначально второе место в одной

² Современный словарь иностранных слов. СПб.: «Дуэт», 1994. С. 252.

из региональных групп) жалоба на указанное решение нижестоящей избирательной комиссии удовлетворена, постановление отменено, предписано незамедлительно повторно рассмотреть вопрос регистрации С. П. Обухова (поскольку вывод о наличии у него ребенка был сделан комиссией на основе данных из ненадлежащих источников). В тот же день постановлением от 1 августа 2016 года № 193/2816-5 Избирательной комиссией Краснодарского края С. П. Обухов был зарегистрирован. Таким образом, вопреки собственному подходу к вопросу о регистрации федерального списка кандидатов, Центральная избирательная комиссия Российской Федерации не исключила возможности последующей регистрации названного лица в качестве кандидата по одномандатному округу и при установлении факта наличия у него несовершеннолетнего ребенка (что и было сделано); соответствующее решение нижестоящей избирательной комиссии Центральной избирательной комиссией Российской Федерации отменено не было; указанное обстоятельство не было как-либо учтено и при рассмотрении Верховным Судом Российской Федерации с участием представителей Центральной избирательной комиссии Российской Федерации заявления политической

партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» о признании незаконным исключения С. П. Обухова из федерального списка кандидатов (решение от 9 августа 2016 года). Тем самым в правовом поле одновременно существуют два противоположных подхода, выраженных уполномоченным органом в отношении одного кандидата при аналогичных фактических обстоятельствах, чем ставится под сомнение соблюдение принципа правовой определенности при толковании и применении закона и универсального принципа правового равенства.

С учетом указанных фактических обстоятельств полагаю, что оспоренные заявителем нормы подлежат применению в системе приведенных норм избирательного права и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку в изолированном состоянии они являются недостаточно определенными, порождающими противоречивую правоприменительную практику, отличающуюся излишним формализмом, игнорирующую конституционную формулу о том, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов (статья 18 Конституции Российской Федерации).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

27 сентября
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 2017-О

по жалобе автономной некоммерческой организации «СЕРТИНФО» на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 1.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, заслушав заключение судьи С. Д. Князева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном

Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы автономной некоммерческой организации «СЕРТИНФО»,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации автономная некоммерческая организация «СЕРТИНФО» оспаривает конституционность части 2 статьи 1.7 КоАП Российской Федерации, согласно которой закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу, т. е. распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено; закон, устанавливающий или отягчающий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Как следует из представленных материалов, по результатам внеплановой документальной проверки, проведенной Федеральной службой по аккредитации 4 марта 2015 года в отношении автономной некоммерческой организации «СЕРТИНФО», был составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 14.47 «Нарушение правил выполнения работ по сертификации» КоАП Российской Федерации, выразившемся в том, что указанная организация 21 ноября 2014 года выдала сертификат соответствия цифровых плееров торговой марки «Transcend» обществу с ограниченной ответственностью «Сеть компьютерных клиник» как представителю, уполномоченному изготовителем данной продукции — тайваньской компанией «Transcend Information Inc.», в то время как в силу приложения В «Типовые схемы сертификации» (схема 1с) к Положению о порядке применения типовых схем оценки (подтверждения) соответствия требованиям технических регламентов Таможенного союза (утверждено решением Комиссии Таможенного союза от 7 апреля 2011 года № 621) подавать заявку на получение сертификата соответствия может только изготовитель, в том числе иностранный, при наличии уполномоченного изготовителем лица на территории Таможенного союза.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 21 апреля 2015 года, оставленным без изменения постановлениями Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 июня 2015 года, Арбитражного суда Московского округа от 8 сентября 2015 года и Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2015 года, автономная некоммерческая организация «СЕРТИНФО» была признана виновной в совершении указанного административного правонарушения и ей назначен штраф в размере четырехсот тысяч рублей.

При рассмотрении данного дела судами заявитель указывал на необходимость применения части 2 статьи 1.7 КоАП Российской Федерации: он утверждал, что на момент проведения проверки и составления протокола об административном правонарушении совершенные им действия утратили признаки противоправности, поскольку нормы Положения о порядке применения типовых схем оценки (подтверждения) соответствия требованиям технических регламентов Таможенного союза вследствие вступления в силу с 1 января 2015 года Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в городе Астане 29 мая 2014 года) претерпели изменения; Договор предусматривает, что решения Евразийской экономической комиссии (Комиссии Таможенного союза), действовавшие на дату вступления в силу данного Договора, сохраняют свою юридическую силу и применяются в части, ему не противоречащей (пункт 2 статьи 99); при оценке соответствия вы-

пускаемой в обращение продукции требованиям технических регламентов Таможенного союза заявителями могут быть зарегистрированные на территории государства-члена юридическое или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, являющиеся изготовителем или продавцом либо уполномоченным изготовителем лицом; круг заявителей устанавливается в соответствии с техническим регламентом Таможенного союза (абзацы шестой и седьмой пункта 5 Протокола о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза).

Между тем рассматривавшие дело суды отвергли этот довод заявителя со ссылкой на то, что положения части 2 статьи 1.7 КоАП Российской Федерации касаются действия во времени собственно законодательства об административных правонарушениях; что касается положений Договора о Евразийском экономическом союзе, то они в отношении привлекаемого к административной ответственности юридического лица применены быть не могли, так как вступили в силу после выдачи сертификата соответствия и не устраняют действие требований приложения В.

По мнению заявителя, часть 2 статьи 1.7 КоАП Российской Федерации противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 4), 19 (часть 1) и 54 (часть 2), поскольку по смыслу, придаваемому правоприменительной, в том числе судебной, практикой, она не позволяет признавать в качестве нормы, имеющей обратную силу, положение международного договора Российской Федерации, исключающее квалификацию вменяемого лицу деяния в качестве административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена данным Кодексом.

2. Законы, устанавливающие, изменяющие или отменяющие административную или уголовную ответственность, должны соответствовать конституционным правилам действия правовых норм во времени: согласно статье 54 Конституции Российской Федерации закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет (часть 1); никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением; если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон (часть 2).

Эти правила основаны на общеправовых принципах справедливости, гуманизма и соразмерности ответственности за совершенное деяние его реальной общественной опасности, имеют универсальное для всех видов юридической ответственности значение и являются обязательными и для законодателя, и для правоприменительных органов, в том числе судов; принятие законов, устраняющих или смягчающих ответственность, по-новому определяет характер и степень общественной опасности тех или иных правонарушений и правовой статус лиц, их совершивших, вследствие чего законодатель не может не предусмотреть – исходя из конституционно обусловленной обязанности распространения действия такого рода законов на ранее совершенные деяния – механизм придания им обратной силы, а уполномоченные органы не вправе уклоняться от принятия юрисдикционных решений об освобождении конкретных лиц от ответственности и наказания или о смягчении ответственности и наказания, оформляющих изменение статуса этих лиц (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2006 года № 4-П, от 14 июля 2015 года № 20-П и др.).

Применительно к административной ответственности упомянутые конституционные положения находят законодательное воплощение в статье 1.7 КоАП Российской Федерации, определяющей, что лицо, совершившее административное правонарушение, подлежит ответственности на основании закона, действовавшего во время совершения административного правонарушения (часть 1); закон, смягчающий или отменяющий административ-

ную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу, т. е. распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено (часть 2); в случае одновременного вступления в силу положений закона, отменяющих административную ответственность за содеянное и устанавливающих за то же деяние уголовную ответственность, лицо подлежит административной ответственности на основании закона, действовавшего во время совершения административного правонарушения (часть 2¹).

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, устанавливая административную ответственность, законодатель в рамках имеющейся у него дискреции может по-разному, в зависимости от существа охраняемых общественных отношений, конструировать составы административных правонарушений и их отдельные элементы, включая такой элемент состава административного правонарушения, как объективная сторона, в том числе использовать в указанных целях бланкетный (отсылочный) способ формулирования административно-деликтных норм, что прямо вытекает из взаимосвязанных положений статьи 1.2, пункта 3 части 1 статьи 1.3 и пункта 1 части 1 статьи 1.3¹ КоАП Российской Федерации; применяя бланкетные нормы законодательства об административных правонарушениях, компетентные субъекты (органы, должностные лица) административной юрисдикции обязаны воспринимать и толковать их в неразрывном единстве с регулятивными нормами, непосредственно закрепляющими те или иные правила, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность (постановления от 14 февраля 2013 года № 4-П и от 16 июля 2015 года № 22-П; определения от 21 апреля 2005 года № 122-О, от 19 ноября 2015 года № 2557-О и др.).

Это, в свою очередь, означает, что изменение (пересмотр) правил, несоблюдение которых образует объективную сторону административных правонарушений, предусмотренных бланкетными диспозициями законодательства об административных правонарушениях, не может не оказывать влияния и на оценку противоправности соответствующего деяния, а потому положения части 2 статьи 1.7 КоАП Российской Федерации должны подлежать учету при внесении изменений не только в данный Кодекс и принимаемые в соответствии с ним законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, но и в законы и иные нормативные правовые акты, устанавливающие правила и нормы, за нарушение которых предусмотрено наступление административной ответственности (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2015 года № 2735-О).

3. Конституция Российской Федерации гласит, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы; если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (статья 15, часть 4); в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией (статья 17, часть 1); Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации (статья 79).

Приведенными конституционными положениями не исключается заключение международных договоров Российской Федерации, обеспечение исполнения которых подразумевает возможность установления юридической, в частности административной, ответственности за нарушение содержащихся в них правил (норм), что согласуется с пунктом 1 статьи 15 Международного пакта о гражданских и политических правах и пунктом 1 статьи 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с которыми никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, не являвшееся по действовавшему в момент его совершения национальному (внутригосударственному) или международному праву преступлением.

В силу этого содержащиеся в бланкетных конструкциях законодательства об административной ответственности отсылочные положения могут быть направлены на обеспечение правовой охраны правил (норм), установленных не только законами и подзаконными актами, но и международными договорами Российской Федерации, что, по сути, подтверждается положениями части 2 статьи 1.1 КоАП Российской Федерации, в соответствии с которыми данный Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации; если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законодательством об административных правонарушениях, то применяются правила международного договора.

Соответственно, изменение закрепленных международными договорами Российской Федерации правил, за нарушение которых бланкетными нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность, если такое изменение устраняет противоправность совершенного лицом деяния (действий или бездействия), во всяком случае подразумевает наступление последствий, установленных положениями части 2 статьи 1.7 данного Кодекса. Иное — вопреки конституционному требованию, императивно предполагающему придание обратной силы правовой норме, отменяющей (смягчающей) ответственность, — приводило бы к отступлению от конституционных принципов юридической справедливости и поддержания доверия к закону и действиям государства (преамбула; статья 1, часть 1; статья 2; статья 17, часть 1; статья 18; статья 19, части 1 и 2; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации), значение которых, по смыслу правовой позиции, выраженной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 года № 8-П, не ограничивается лишь сферой законодательного регулирования, но в полной мере относится и к действиям государства, связанным с заключением и исполнением международных договоров Российской Федерации.

4. Таким образом, положения части 2 статьи 1.7 КоАП Российской Федерации, воспроизводящие и конкретизирующие предписания статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, не препятствуют — в системе действующего правового регулирования — признанию обратной силы правил (норм), установленных международным договором Российской Федерации, устраняющих противоправность деяний (действий, бездействия), подпадающих под признаки административного правонарушения, а потому не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права и свободы заявителя.

Проверка же законности и обоснованности вынесенных по его делу судебных актов, в том числе в части оценки соотношения положений Договора о Евразийском экономическом союзе и решения Комиссии Таможенно-

го союза от 7 апреля 2011 года № 621 в контексте определения ими круга лиц, которые могут быть признаны надлежащими инициаторами (заявителями) для целей соответствующей сертификации, к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации, предусмотренным статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относится.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать жалобу автономной некоммерческой организации «СЕРТИНФО» не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

27 сентября
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 2026-О

по запросу Верховного Суда
Республики Карелия о проверке
конституционности пункта 4 части
первой статьи 24, пункта 1 статьи 254,
пунктов 5 и 8 части первой статьи 389²⁰,
статьи 389²¹ и части второй статьи 389²⁴
Уголовно-процессуального кодекса
Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, заслушав заключение судьи Н. В. Мельникова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституци-

онном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса Верховного Суда Республики Карелия,

у с т а н о в и л :

1. В своем запросе в Конституционный Суд Российской Федерации Верховный Суд Республики Карелия просит проверить на соответствие Конституции Российской Федерации, ее статьям 46 (часть 1), 52 и 123 (часть 3), положения пункта 4 части первой статьи 24 «Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела», пункта 1 статьи 254 «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в судебном заседании», пунктов 5 и 8 части первой статьи 389²⁰ «Решения, принимаемые судом апелляционной инстанции», статьи 389²¹ «Отмена обвинительного приговора или иного решения суда первой инстанции с прекращением уголовного дела» и части второй статьи 389²⁴ «Отмена приговора или изменение иного судебного решения в сторону ухудшения положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено» УПК Российской Федерации.

Как следует из представленных материалов, в производстве президиума Верховного Суда Республики Карелия, действующего в качестве суда кассационной инстанции, находится уголовное дело, по которому гражданам Ж. и М. было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных пунктами «а», «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации, а именно кражи в составе группы лиц по предварительному сговору и с незаконным проникновением в хранилище, и частью второй статьи 162 данного Кодекса, а именно разбоя в составе группы лиц по предварительному сговору и с применением предметов, используемых в качестве оружия.

Приговором районного суда от 13 ноября 2015 года Ж. был осужден по пунктам «а», «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации и оправдан по части второй статьи 162 данного Кодекса ввиду отсутствия в его действиях состава преступления. Тем же приговором М. признан виновным в совершении обоих преступлений, однако из обвинения – по причине оправдания соучастника – исключен признак совершения разбоя группой лиц по предварительному сговору.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Карелия от 21 января 2016 года приговор в части оправдания Ж. отменен по жалобе потерпевшей и представлению прокурора, а уголовное дело прекращено на основании пункта 4 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации – в связи со смертью подсудимого, последовавшей 29 ноября 2015 года, т. е. после вынесения приговора, но до рассмотрения дела в апелляционном порядке. Этим же решением суда апелляционной инстанции приговор в части осуждения М. изменен и он признан виновным в разбойном нападении, совершенном в составе группы лиц по предварительному сговору.

По мнению президиума Верховного Суда Республики Карелия, пункт 4 части первой статьи 24, пункт 1 статьи 254, пункты 5 и 8 части первой статьи 389²⁰, статья 389²¹ и часть вторая статьи 389²⁴ УПК Российской Федерации не позволяют суду апелляционной инстанции принять решение об отмене оправдательного приговора и прекращении уголовного дела в связи со смертью оправданного, поскольку, по их смыслу, ухудшение положения лица в случае отмены оправдательного приговора возможно лишь при новом рассмотрении дела судом первой инстанции. В то же время, как полагает заявитель, суд апелляционной инстанции лишен и возможности, отменив оправдательный приговор, направить уголовное дело на новое судеб-

ное рассмотрение, поскольку исходя из буквального толкования пункта 4 части первой статьи 24 данного Кодекса продолжение производства по делу в отношении умершего возможно лишь с целью его реабилитации.

Тем самым суд апелляционной инстанции, как утверждается в запросе, не может исправить допущенную ранее судебную ошибку, а значит, выполнить свою функцию суда второй инстанции, в результате чего искажается суть правосудия. При этом сторона защиты ставится в преимущественное положение по отношению к стороне обвинения (потерпевшему, его представителю и государственному обвинителю), что не согласуется с конституционными предписаниями об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, ведет к нарушению баланса конституционно защищаемых ценностей, влечет неправомерное ограничение прав потерпевших от преступлений и противоречит требованию обеспечения им доступа к правосудию, компенсации причиненного ущерба и гарантий судебной защиты.

2. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, правосудие по своей сути признается таковым лишь при условии, что оно отвечает закрепленному в Конституции Российской Федерации, ее вводных положениях, а также в международно-правовых документах (статья 8 Всеобщей декларации прав человека, статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и др.) требованию справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому осужденному за преступление право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, предусмотренном федеральным законом (статья 50, часть 3). Вместе с тем, поскольку право на справедливое разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом предполагает окончательность и стабильность судебных актов, вступивших в законную силу, и их исполнение, основное бремя пересмотра решений суда первой инстанции должно возлагаться на обычные (ординарные) судебные инстанции, что обязывает государство к созданию необходимых условий для эффективного и справедливого разбирательства дела в суде первой инстанции, где подлежат разрешению все существенные для определения прав и обязанностей сторон вопросы, а также – для исправления допущенных судом первой инстанции ошибок – в суде второй инстанции (в настоящее время – апелляционном) в процедурах, наиболее приближенных к производству в суде первой инстанции (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2005 года № 11-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П, от 21 апреля 2010 года № 10-П, от 25 марта 2014 года № 8-П и др.).

Введенное с 1 января 2013 года Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 433-ФЗ новое правовое регулирование апелляционного, кассационного и надзорного производства по уголовным делам устанавливает для судов апелляционной инстанции (глава 45¹ УПК Российской Федерации) качественно иной по сравнению с ранее действовавшим порядок проверки решений суда первой инстанции, предусматривающий исследование представляемых сторонами доказательств непосредственно судом второй инстанции и увеличение объема его полномочий, что, по существу, предполагает повторное рассмотрение уголовного дела в том же объеме и с теми же процессуальными гарантиями, что и в суде первой инстанции (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 мая 2014 года № 16-П). Из этого и исходит федеральный законодатель, наделяя суд апелляционной инстанции правом постановить приговор, прекратить уголовное дело, т. е.

принять окончательное решение, разрешающее уголовное дело по существу (статья 389²⁰ УПК Российской Федерации).

3. Рассматривая вопрос о конституционности пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 УПК Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2011 года № 16-П указал, что при разрешении вопроса о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию должно обеспечиваться соблюдение фундаментальных процессуальных гарантий прав личности, включая презумпцию невиновности; соответственно, при рассмотрении уголовного дела в отношении умершего в общем порядке судом первой инстанции (в связи с тем, что близкие родственники настаивают на продолжении производства по делу с целью возможной реабилитации умершего) в рамках судебного разбирательства должны быть установлены обстоятельства происшедшего, дана их правовая оценка, выяснена действительная степень вины (или невиновность) лица в совершении инкриминированного ему деяния; рассмотрев уголовное дело по существу в обычном порядке — с учетом особенностей, обусловленных физическим отсутствием такого участника судебного разбирательства, как подсудимый, — суд должен либо, придя к выводу о невиновности умершего, вынести оправдательный приговор, либо, не найдя оснований для его реабилитации, прекратить уголовное дело на основании указанных норм. Данная правовая позиция в полной мере распространяется и на суд апелляционной инстанции, который, по сути, осуществляет повторное рассмотрение уголовного дела в том же объеме и с теми же процессуальными гарантиями, что и в суде первой инстанции, разрешая вопрос о наличии или отсутствии оснований для реабилитации умершего, правомерности его уголовного преследования, учитывая законные интересы его близких родственников.

Следовательно, суд апелляционной инстанции, рассмотрев жалобу потерпевшего либо представление прокурора на оправдательный приговор в отношении подсудимого, который умер после провозглашения приговора, но до разбирательства уголовного дела в суде апелляционной инстанции, в зависимости от установленных им обстоятельств вправе принять предусмотренное пунктом 8 статьи 389²⁰ данного Кодекса решение об отмене оправдательного приговора и прекращении уголовного дела в связи со смертью подсудимого.

Принятию такого решения не препятствует и часть вторая статьи 389²⁴ УПК Российской Федерации, предполагающая отмену оправдательного приговора не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей или представителей. Положение данной статьи о том, что оправдательный приговор суда первой инстанции может быть отменен судом апелляционной инстанции с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство, касается лишь случаев, когда действительно необходимо направление дела на новое судебное разбирательство, т. е. нарушение не может быть устранено при рассмотрении дела в апелляционном порядке.

В то же время решение суда апелляционной инстанции о прекращении уголовного дела в отношении умершего не может предрешать виновность других лиц и потому не препятствует постановлению приговора или иного решения в отношении его соучастника.

4. Согласно Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» суд при рассмотрении дела в любой инстанции, придя к выводу о несоответствии Конституции Российской Федерации закона, подлежащего применению им в указанном деле, обращается в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности данного закона (часть первая статьи 101), а основани-

ем к рассмотрению дела Конституционным Судом Российской Федерации является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли оспариваемый заявителем закон Конституции Российской Федерации (часть вторая статьи 36). Следовательно, отсутствие такой неопределенности влечет отказ Конституционного Суда Российской Федерации в принятии обращения к рассмотрению.

Поскольку неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые Верховным Судом Республики Карелия законоположения, отсутствует, его запрос не может быть принят Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать запрос Верховного Суда Республики Карелия не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

11 октября
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 2152-О

по запросу группы депутатов
Государственной Думы о проверке
конституционности Федерального
закона «О внесении изменений в части
первую и вторую Налогового кодекса
Российской Федерации» и Закона
города Москвы «О торговом сборе»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи А. Н. Кокотова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса группы депутатов Государственной Думы,

у с т а н о в и л :

1. Группа депутатов Государственной Думы в своем запросе в Конституционный Суд Российской Федерации оспаривает конституционность Федерального закона от 29 ноября 2014 года № 382-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации», которыми в Налоговый кодекс Российской Федерации были, в частности, включены положения о торговом сборе как местном сборе, а также Закона города Москвы от 17 декабря 2014 года № 62 «О торговом сборе».

В обоснование своей позиции о неконституционности оспариваемых законодательных актов по порядку принятия и по содержанию заявители приводят следующие доводы:

при принятии Федерального закона от 29 ноября 2014 года № 382-ФЗ Государственной Думой были допущены существенные нарушения законодательной процедуры: так, во втором чтении в законопроект были внесены поправки, предусматривающие введение нового сбора в составе местных налогов и сборов – торгового сбора, что изменило первоначальную концепцию проекта данного Федерального закона; такое изменение в соответствии с Регламентом Государственной Думы предполагало возвращение проекта на рассмотрение в процедуре первого чтения, что, однако, сделано не было; после внесения поправок проект стал касаться предмета совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации – установления общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации, а потому его необходимо было направить на согласование законодательным (представительным) и высшим исполнительным органам государственной власти субъектов Российской Федерации, что также сделано не было; по мнению заявителей, указанные нарушения законодательной процедуры, допущенные при принятии Федерального закона от 29 ноября 2014 года № 382-ФЗ, свидетельствуют и о неконституционности принятого на его основании Закона города Москвы «О торговом сборе»;

кроме того, не была проведена оценка регулирующего воздействия оспариваемых законодательных актов, несмотря на то что ими затрагиваются вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности;

были допущены нарушения гарантий единого экономического пространства Российской Федерации и поддержки конкуренции: в настоящее время торговый сбор введен только в городе федерального значения Москве, что ставит в неравное положение предпринимателей, осуществляющих торговлю в городе Москве, по сравнению с предпринимателями, осуществляющими торговую деятельность в других городах федерального значения и муниципальных образованиях, в которых данный сбор не введен, при этом размеры ставок торгового сбора в городе Москве для отдельных видов объектов торговой сети чрезмерны для плательщиков, а правила их определения приводят к нарушению принципов конкуренции и ставят в худшее положение субъектов малого и среднего предпринимательства по сравнению с крупными торговыми сетями.

В связи с этим заявители просят признать Федеральный закон от 29 ноября 2014 года № 382-ФЗ и Закон города Москвы «О торговом сборе» не соответствующими статьям 8 (часть 1), 57, 72 (пункт «и» части 1), 76 (часть 2), 104 и 106 Конституции Российской Федерации.

2. Конституция Российской Федерации предусматривает, что принятие и изменение федеральных законов, будучи предметом ведения Российской Федерации (статья 71, пункт «а»), относится к компетенции Государственной Думы, которую она реализует как в сфере ведения Российской Федерации, так и в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (статья 76, части 1 и 2; статья 105, часть 1). При осуществлении своих законодательных полномочий Государственная Дума обязана соблюдать порядок принятия федеральных законов, причем не только прямо закрепленный статьями 104–108 Конституции Российской Федерации, но и вытекающий из иных ее положений, конкретизированных в Регламенте Государственной Думы, наличие которого рассматривается Конституцией Российской Федерации в качестве обязательного условия организации парламентской деятельности (статья 101, часть 4).

Установление, исходя из требований Конституции Российской Федерации, процедуры принятия Государственной Думой решений, в том числе ее закрепление в Регламенте Государственной Думы, и соблюдение такой процедуры является существенным процессуальным элементом надлежащего, основанного на Конституции Российской Федерации порядка принятия актов и гарантирует соответствие их содержания реальному волеизъявлению представительного органа (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2001 года № 11-П).

Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, вопрос о том, нарушения какого рода имели место при принятии федерального закона и, как следствие, адекватно ли его содержание реальному волеизъявлению депутатов, а значит, соответствует ли этот федеральный закон Конституции Российской Федерации по порядку принятия, — при наличии в каждом конкретном случае обращения, отвечающего критерию допустимости, — подлежит разрешению Конституционным Судом Российской Федерации, который в силу своей компетенции, установленной статьей 125 Конституции Российской Федерации и Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации», не связан обязанностью интерпретировать любое нарушение установленной процедуры принятия федерального закона как свидетельство его неконституционности; иное означало бы осуществление фактической проверки соответствия федерального закона по порядку принятия не Конституции Российской Федерации, а иным нормативным правовым актам (Постановление от 14 февраля 2013 года № 4-П).

По смыслу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, не любое отступление от установленного порядка принятия федеральных законов при принятии конкретного федерального закона может быть признано нарушением Конституции Российской Федерации.

2.1. Согласно части первой статьи 118 Регламента Государственной Думы при рассмотрении законопроекта в первом чтении обсуждается его концепция, дается оценка соответствия основных положений законопроекта Конституции Российской Федерации, его актуальности и практической значимости. Как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, деление процедуры рассмотрения законопроектов на чтения и собственно адекватных нормативных решений, так и для проверки соответствия их текстуально оформленного содержания подлинному волеизъявлению законодателя; принятие акта последовательно в каждом из трех чтений — при их различном назначении в едином нормотворческом процессе — является также гарантией учета исходной позиции субъектов законодательной инициативы, поскольку изменение концепции акта не может происходить на этапе

внесения поправок к нему, чтобы имеющие принципиальное значение изменения не появлялись в результате случайных, не связанных с обсуждением концепции решений; нарушение же требований к чтением в законодательной процедуре, приводящее к искажению изначального волеизъявления и тем самым влияющее на судьбу акта в целом, свидетельствует о неконституционности такого акта не только по порядку принятия, но и, в конечном счете, по содержанию его норм (Постановление от 5 июля 2001 года № 11-П).

Проект федерального закона № 527250-6, который впоследствии был принят как Федеральный закон от 29 ноября 2014 года № 382-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации», был внесен в Государственную Думу 21 мая 2014 года и содержал поправки в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации, направленные на совершенствование налогового администрирования налога на добавленную стоимость, налога на доходы физических лиц и налога на прибыль организаций с учетом сложившейся правоприменительной практики.

Поскольку, таким образом, проект предполагал внесение ряда непосредственно не связанных между собою поправок в налоговое законодательство с целью его совершенствования исходя из потребностей правоприменительной практики, концепции данного законопроекта, принятого в первом чтении, не противоречило включение в него в процедуре второго чтения иных поправок, имеющих ту же цель, в том числе положений о торговом сборе. Кроме того, как следует из стенограмм заседаний Государственной Думы, обсуждение депутатами разных фракций Государственной Думы поправок в законопроект в части торгового сбора носило содержательный характер, что не позволяет сделать вывод об искажении действительной воли законодателя и нарушении прав субъектов законодательной инициативы.

2.2. Конституция Российской Федерации, осуществляя разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, определяет предметы ведения Российской Федерации (статья 71) и предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (статья 72). При этом ее статьей 76 (часть 2) установлено, что по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, к которым относится, в частности, установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации (статья 72, пункт «и» части 1), издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. Само же принятие и изменение всех федеральных законов, как следует из статьи 71 (пункт «а») Конституции Российской Федерации, находится непосредственно в ведении Российской Федерации.

Содержащиеся в Федеральном законе от 29 ноября 2014 года № 382-ФЗ положения о торговом сборе как местном сборе, будучи направленными на установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации, относятся к сфере совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Особенности рассмотрения и принятия Государственной Думой федеральных законов по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации непосредственно Конституцией Российской Федерации не устанавливаются. Вместе с тем закрепление в федеральных законах, Регламенте Государственной Думы таких особенностей, в частности касающихся правил учета прав и законных интересов субъектов Российской Федерации в федеральном законодательном процессе, допустимо, если это не препятствует реализации вытекающего из статей 71

(пункт «а»), 94 и 105 Конституции Российской Федерации полномочия Федерального Собрания самостоятельно принимать федеральные законы, в том числе по предметам совместного ведения (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 года № 4-П).

В соответствии со статьей 26⁴ Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» проекты федеральных законов по предметам совместного ведения согласовываются с законодательными (представительными) и высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации (пункт 1). Что касается Федерального закона от 29 ноября 2014 года № 382-ФЗ, то его проект, как следует из представленных материалов, не проходил такое согласование с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации ни на одной из стадий законодательного процесса.

Между тем данное обстоятельство — с учетом того, что Федеральный закон от 29 ноября 2014 года № 382-ФЗ предусматривает введение торгового сбора в городах федерального значения Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе как их право, но не обязанность, а на территории других субъектов Российской Федерации торговый сбор подлежит введению представительными органами муниципальных образований только после принятия отдельного федерального закона, устанавливающего возможность введения такого сбора (часть 4 статьи 4), — не свидетельствует о наличии неопределенности в вопросе о соответствии оспариваемого Федерального закона Конституции Российской Федерации по порядку его принятия.

Этот вывод подтверждается также тем, что оспариваемый Федеральный закон был одобрен Советом Федерации (постановление от 26 ноября 2014 года № 550-СФ) — в силу статьи 105 (части 3 и 4) Конституции Российской Федерации принятые федеральные законы для их одобрения или отклонения передаются Государственной Думой на рассмотрение Совету Федерации, который в своей организации и деятельности, в том числе в рамках федерального законодательного процесса, призван представлять интересы субъектов Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 апреля 1995 года № 2-П).

2.3. Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» Правительству Российской Федерации было предписано до 1 января 2013 года обеспечить реализацию мероприятий, направленных на дальнейшее совершенствование и развитие института оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, в том числе установить требования к проведению процедуры такой оценки в отношении проектов нормативных правовых актов в области таможенного и налогового законодательства и обязательный для федеральных органов исполнительной власти порядок, предусматривающий проведение ими оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и их публичного обсуждения на всех стадиях подготовки указанных проектов; обеспечить развитие на региональном уровне процедур оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, а также экспертизы действующих нормативных правовых актов, имея в виду законодательное закрепление таких процедур в отношении органов государственной власти субъектов Российской Федерации — с 2014 года, органов местного самоуправления — с 2015 года; представить в установленном порядке предложения по проведению оценки регулирующего воздействия подготовленных к

рассмотрению Государственной Думой во втором чтении законопроектов, регулирующих отношения в области предпринимательской и инвестиционной деятельности, в предусмотренные для проведения такой оценки сроки.

Во исполнение данного предписания было принято постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 года № 1318, которым утверждены Правила проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также внесены изменения в некоторые акты Правительства Российской Федерации.

Однако ни Указ Президента Российской Федерации, ни постановление Правительства Российской Федерации не предусматривают обязательного проведения оценки регулирующего воздействия законопроектов, касающихся налогов и сборов, подготовленных депутатами Государственной Думы, в том числе представленных к рассмотрению во втором чтении, — возможность такой оценки лишь допускается Регламентом Правительства Российской Федерации (утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 1 июня 2004 года № 260). Так, согласно абзацу пятому его пункта 104 при поступлении из Государственной Думы в Правительство Российской Федерации предложений о проведении оценки регулирующего воздействия в отношении подготовленных ко второму чтению с учетом поправок законопроектов, регулирующих отношения по взиманию налогов и сборов в Российской Федерации, Правительство Российской Федерации принимает решение о возможности проведения такой оценки; оценка регулирующего воздействия в отношении указанных законопроектов проводится в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

Таким образом, вопреки мнению заявителей, обязательного проведения оценки регулирующего воздействия оспариваемого Федерального закона не требовалось, притом что данная экспертиза не является элементом какой-либо стадии федерального законодательного процесса в соответствии с Регламентом Государственной Думы.

Что касается оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, то вопросы ее проведения регламентируются Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Данный Федеральный закон предусматривает, что проекты нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, устанавливающие новые или изменяющие ранее предусмотренные нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации обязанности для субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности, а также устанавливающие, изменяющие или отменяющие ранее установленную ответственность за нарушение нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности, подлежат оценке регулирующего воздействия, проводимой уполномоченными органами государственной власти субъектов Российской Федерации в порядке, установленном нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, за исключением проектов законов субъектов Российской Федерации, устанавливающих, изменяющих, приостанавливающих, отменяющих региональные налоги, а также налоговые ставки по федеральным налогам (подпункт «а» пункта 1 статьи 26³⁻³).

Следовательно, при принятии Закона города Москвы «О торговом сборе», как регулирующего налоговые отношения, также не требовалось проведения оценки регулирующего воздействия соответствующего законопроекта.

3. В силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации не допускается установление налогов, нарушающее единство экономического пространства Российской Федерации, в частности недопустимо как введение региональных налогов, которое может прямо или косвенно ограничивать свободное перемещение товаров, услуг, финансовых средств в пределах единого экономического пространства, так и введение региональных налогов, которое позволяет формировать бюджеты одних территорий за счет налоговых доходов других территорий либо переносить уплату налогов на налогоплательщиков других регионов (Постановление от 21 марта 1997 года № 5-П).

Торговый сбор отнесен Налоговым кодексом Российской Федерации в редакции Федерального закона от 29 ноября 2014 года № 382-ФЗ к местным сборам; он устанавливается данным Кодексом и нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований, а в городах федерального значения Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе — данным Кодексом и законами указанных субъектов Российской Федерации (статьи 12 и 410); обязанность по уплате торгового сбора возникает у организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих с использованием объектов движимого и недвижимого имущества торговую деятельность, которой признается: торговля через объекты стационарной торговой сети, не имеющие торговых залов (за исключением объектов стационарной торговой сети, не имеющих торговых залов, являющихся автозаправочными станциями); торговля через объекты нестационарной торговой сети; торговля через объекты стационарной торговой сети, имеющие торговые залы; торговля, осуществляемая путем отпуска товаров со склада; к торговой деятельности приравнивается деятельность по организации розничных рынков (статьи 411—413).

Согласно названному Кодексу объектом обложения торговым сбором признается использование объекта движимого или недвижимого имущества — объекта осуществления торговли для осуществления плательщиком сбора вида предпринимательской деятельности, в отношении которого установлен сбор, хотя бы один раз в течение периода обложения — квартала, а ставки сбора устанавливаются в рублях за квартал в расчете на объект осуществления торговли или на его площадь и не могут превышать расчетную сумму налога, подлежащую уплате в соответствующем муниципальном образовании (городе федерального значения Москве, Санкт-Петербурге или Севастополе) в связи с применением патентной системы налогообложения на основании патента по соответствующему виду деятельности, выданного на три месяца; ставка сбора по торговле через объекты стационарной торговой сети с площадью торгового зала более 50 квадратных метров по каждому объекту организации торговли, а также по торговле, осуществляемой путем отпуска товаров со склада, устанавливается в расчете на 1 квадратный метр площади торгового зала (статьи 412 и 415); учет плательщиков торгового сбора осуществляется налоговыми органами на основании их уведомлений, которые должны быть представлены в течение пяти дней с даты возникновения объекта обложения сбором, а органы местного самоуправления (органы государственной власти городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя) осуществляют полномочия по сбору, обработке и передаче налоговым органам сведений об объектах обложения сбором в пределах, установленных статьей 418 названного Кодекса (статьи 416 и 418).

Из приведенных законоположений следует, что торговый сбор распространяется на розничную торговлю, которая ориентирована на местных потребителей и условия осуществления которой, как правило, прямо зависят

от места осуществления, а потому отсутствуют основания рассматривать торговый сбор как препятствие для свободного движения товаров на территории Российской Федерации. Более того, Закон города Москвы «О торговом сборе» (статья 2) подчеркивает связь между размером сбора и местом осуществления торговой деятельности, дифференцируя ставки в зависимости от территории города Москвы, на которой находится объект торговой деятельности.

При этом, увязывая взимание торгового сбора с другими режимами налогообложения, законодатель предусмотрел освобождение от уплаты сбора для индивидуальных предпринимателей, применяющих патентную систему налогообложения, и налогоплательщиков, применяющих систему налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей, в отношении названных видов предпринимательской деятельности с использованием соответствующих объектов движимого или недвижимого имущества. Кроме того, в случае установления торгового сбора система налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности в отношении видов деятельности, облагаемых торговым сбором, не применяется (пункт 2 статьи 411 и пункт 2¹ статьи 346²⁶ Налогового кодекса Российской Федерации). Для облегчения финансовой нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности дополнительно предусмотрено, что налогоплательщики, применяющие общую либо упрощенную систему налогообложения, могут уменьшить подлежащие уплате суммы на сумму торгового сбора (пункт 5 статьи 225, пункт 10 статьи 286 и пункт 8 статьи 346²¹ Налогового кодекса Российской Федерации).

Установленный правовой механизм, таким образом, позволяет плательщикам торгового сбора вычесть суммы уплаченного торгового сбора из суммы иных подлежащих уплате с дохода (прибыли) налогов, и, соответственно, в случае, если сбор превысит или будет равен размеру подлежащих уплате налогов, у них не возникнет обязанность по уплате таких налогов. Кроме того, они могут на законных основаниях избежать необходимости уплаты торгового сбора, перейдя на патентную систему налогообложения.

Соответственно, оспариваемое правовое регулирование не позволяет прийти к выводу о том, что введение законодателем торгового сбора влечет за собой несоразмерность обременения в сфере налогообложения либо иным образом препятствует реализации гражданами их конституционных прав по осуществлению предпринимательской деятельности. В силу же вытекающего из Конституции Российской Федерации, ее статей 1 (часть 1), 5, 72 (пункт «и» части 1) и 75 (часть 3), принципа налогового федерализма региональные и местные отличия в системах налогообложения не могут рассматриваться как нарушение принципа равенства.

Что касается довода заявителей о нарушении правилами определения размера ставок торгового сбора в городе Москве принципов конкуренции, в результате чего субъекты малого и среднего предпринимательства находятся в худшем положении по сравнению с крупными торговыми сетями, то законодатель, действуя в пределах своих дискреционных полномочий, посчитал нецелесообразной дифференциацию объектов торговой деятельности, площадь которых менее 50 квадратных метров или равна 50 квадратным метрам, поскольку для таких объектов сложно дать экономическое обоснование связи площади занимаемых ими помещений и потенциального дохода. Следовательно, нет оснований полагать, что осуществленное законодателем налоговое регулирование само по себе создает условия, наносящие ущерб конкуренции между малым и средним предпринимательством, с одной стороны, и крупными торговыми сетями – с другой.

4. Таким образом, в вопросе о соответствии Конституции Российской Федерации Федерального закона от 29 ноября 2014 года № 382-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» и Закона города Москвы «О торговом сборе» неопределенность, наличие которой могло бы дать основание к рассмотрению дела в Конституционном Суде Российской Федерации, отсутствует, а потому запрос группы депутатов Государственной Думы, как не отвечающий критерию допустимости такого рода обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, установленному Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации», не подлежит дальнейшему рассмотрению Конституционным Судом Российской Федерации.

Кроме того, на момент решения Конституционным Судом Российской Федерации вопроса о возможности принятия данного запроса к рассмотрению лишь 44 депутата Государственной Думы шестого созыва из подписавших запрос сохранили статус депутата и вошли в состав Государственной Думы седьмого созыва, что более не отвечает закрепленному статьями 95 (часть 3) и 125 (часть 2) Конституции Российской Федерации и статьей 84 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» требованию о минимальном числе депутатов, имеющих право на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с соответствующим запросом.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать запрос группы депутатов Государственной Думы не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителями вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

11 октября
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 2164-О

об отказе в принятии к рассмотрению
жалобы граждан Еременко Тамары
Александровны и Кривцова Евгения
Валерьевича на нарушение их
конституционных прав частью четвертой
статьи 159 Уголовного кодекса
Российской Федерации и статьей 42
Уголовно-процессуального кодекса
Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, заслушав заключение судьи А. И. Бойцова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы граждан Т. А. Еременко и Е. В. Кривцова,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации граждане Т. А. Еременко и Е. В. Кривцов оспаривают конституционность следующих законоположений:

части четвертой статьи 159 УК Российской Федерации, предусматривающей ответственность за мошенничество, т. е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение;

статьи 42 УПК Российской Федерации, закрепляющей процессуальный статус потерпевшего в уголовном судопроизводстве и устанавливающей, в частности, что потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации; решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда; если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице.

Как следует из жалобы и приложенных к ней материалов, на основании заявления Е. В. Кривцова о вымогательстве у него взятки гражданином С. — заместителем руководителя Территориального управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом в Волгоградской области в ходе проведенного 13 декабря 2010 года оперативного экспери-

мента был задержан с поличным посредник в получении 9 200 000 рублей, из которых 5 000 000 рублей были предоставлены для оперативного эксперимента Главным управлением МВД России по Волгоградской области, а 4 200 000 рублей – Е. В. Кривцовым. В тот же день в отношении С. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного пунктами «в», «г» части четвертой статьи 290 УК Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ), а именно получения через посредника взятки в виде денег и иного имущества в крупном размере, совершенного с ее вымогательством. При этом изъятые денежные средства были приобщены к материалам данного дела в качестве вещественных доказательств, а на переданные ранее, 9 декабря 2010 года, в качестве предмета взятки торговые помещения, собственником которых являлся отец Е. В. Кривцова – В. А. Кривцов, наложен арест.

16 декабря 2011 года следователем Главного следственного управления Главного управления МВД России по Волгоградской области вынесены постановления о признании Е. В. Кривцова потерпевшим и его допуске к участию в уголовном судопроизводстве в качестве законного представителя своего отца, после смерти которого определением судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 17 октября 2012 года, вынесенным в протокольной форме, к участию в деле в качестве потерпевшей допущена Т. А. Еременко – наследница умершего.

Решением уполномоченного прокурора от 5 мая 2014 года уголовное дело в отношении С. изъято из производства Главного следственного управления Главного управления МВД России по Волгоградской области и передано для дальнейшего расследования в Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Волгоградской области, после чего содеянное С. признано покушением на мошенничество в особо крупном размере и переквалифицировано на часть третью статьи 30 и часть четвертую статьи 159 УК Российской Федерации.

19 мая 2014 года руководитель отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Волгоградской области отменил постановления о признании Е. В. Кривцова потерпевшим и его допуске к участию в уголовном деле, сославшись на отсутствие вреда, причиненного Е. В. Кривцову действиями С., которому не удалось завершить реализацию умысла на хищение чужого имущества и приобретение права на чужое имущество, и указав, что Т. А. Еременко также не может считаться потерпевшей по делу. После этого адресованные Е. В. Кривцовым и его представителем органам предварительного следствия ходатайства оставались без удовлетворения, а жалобы на решения и действия следователя и заместителя прокурора Волгоградской области, выразившиеся, в частности, в письменном указании о переквалификации действий С., – без рассмотрения в связи с утратой им процессуального статуса потерпевшего.

Заявленные Т. А. Еременко и Е. В. Кривцовым в ходе судебного рассмотрения уголовного дела по обвинению С. ходатайства о признании их потерпевшими по данному делу оставлены без удовлетворения постановлением Центрального районного суда города Волгограда от 6 октября 2014 года со ссылкой на отсутствие причинения им действиями обвиняемого какого-либо вреда, указанного в статье 42 УПК Российской Федерации. При этом суд, констатировав, что объекты недвижимости и денежные средства передавались в качестве предмета взятки в рамках оперативного эксперимента, сослался на абзац первый пункта 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»,

разъяснившего, что освобождение от уголовной ответственности взяточдателя, который активно способствовал раскрытию и (или) расследованию преступления и в отношении которого имело место вымогательство взятки, не означает отсутствия в его действиях состава преступления, а потому такое лицо не может признаваться потерпевшим и не вправе претендовать на возвращение ему ценностей, переданных в виде взятки. С данным решением согласились вышестоящие суды (апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 12 декабря 2014 года и постановление судьи того же суда от 29 января 2015 года об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции).

Признанные вещественными доказательствами по уголовному делу С. и находящиеся на хранении в Главном следственном управлении Главного управления МВД России по Волгоградской области денежные средства, в том числе принадлежащие Е. В. Кривцову, были похищены, а потому при вынесении обвинительного приговора в отношении С. суд счел необходимым отложить вопрос об их судьбе до принятия итогового судебного решения по возбужденному 3 июня 2014 года в связи с хищением уголовному делу, потерпевшим по которому признано названное учреждение и которое впоследствии, 12 января 2015 года, было приостановлено ввиду неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 30 июля 2015 года кассационная жалоба Т. А. Еременко и Е. В. Кривцова на судебные решения об отказе в признании их потерпевшими была передана вместе с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании президиума Волгоградского областного суда, который, признав, что утверждение суда первой инстанции об отсутствии вреда, причиненного заявителям неоконченными преступными действиями, соответствует материалам дела, постановлением от 9 сентября 2015 года оставил жалобу без удовлетворения. По итогам изучения очередной кассационной жалобы заявителей на названные решения постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2016 года она была передана вместе с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, которая определением от 23 марта 2016 года также оставила жалобу без удовлетворения.

По мнению заявителей, оспариваемые нормы по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, лишают пострадавших от преступлений права на доступ к правосудию и права на судебную защиту, поскольку позволяют суду оценивать покушение на мошенничество как неоконченное преступление, не причинившее собственнику имущественного и (или) морального вреда, и в силу этого отказывать в признании потерпевшим лицу, в отношении которого совершено такое деяние, а потому противоречат статьям 15 (части 1, 2 и 4), 17 (части 1 и 2), 18, 19 (части 1 и 2), 45, 46 (части 1 и 2), 52, 53, 55, 56 (часть 3), 122 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

2. В Российской Федерации права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием; права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, государство обеспечивает им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба; каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц

(статья 17, часть 1; статьи 18 и 45; статья 46, части 1 и 2; статьи 52 и 53 Конституции Российской Федерации).

Приведенные конституционные предписания предполагают, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, обязанность государства предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, а равно обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами; кроме того, государство обязано гарантировать защиту прав как собственно участников уголовного процесса, так и всех тех, чьи права и законные интересы непосредственно затрагиваются при производстве по уголовному делу, в том числе обеспечивать им надлежащие возможности по отстаиванию своих прав и законных интересов на всех стадиях уголовного судопроизводства (постановления от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 8 декабря 2003 года № 18-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 14 июля 2011 года № 16-П и от 6 ноября 2014 года № 27-П).

2.1. Обеспечение реализации прав и законных интересов потерпевших от преступлений осуществляется федеральным законодателем (статья 71, пункты «в», «о»; статья 76, часть 1, Конституции Российской Федерации), который закрепил защиту этих прав и интересов в качестве одного из назначений уголовного судопроизводства (часть первая статьи 6 УПК Российской Федерации). При этом потерпевшим признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации (часть первая статьи 42 данного Кодекса).

Поскольку преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, каковым признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (статья 9 УК Российской Федерации), а сами вредные последствия в виде физического, имущественного, морального вреда возникают с момента их причинения конкретному лицу, это лицо, по существу, является потерпевшим в силу самого факта причинения ему преступлением такого вреда, а не вследствие вынесения решения о признании его потерпевшим; соответственно, правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется решением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2014 года № 28-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 года № 131-О и от 17 ноября 2011 года № 1555-О-О); недопустимо принятие произвольного, исходя из личного усмотрения дознавателя, следователя или суда, решения о признании или непризнании потерпевшим по уголовному делу (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июня 2014 года № 1534-О).

Осуществление уголовного преследования от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения прокурором, а также следователем и дознавателем (часть первая статьи 21 УПК Российской Федерации) обязывает их к точному установлению причиненного преступлением ущерба, как того требует часть первая статьи 73 УПК Российской Федерации, которая прямо относит к числу подлежащих доказыванию обстоятельств наряду с событием преступления (пункт 1) характер и размер причиненного им вреда (пункт 4), обеспечивая тем самым не только пра-

вильную квалификацию содеянного и назначение справедливого наказания, но и доказывание предмета заявленного по уголовному делу гражданского иска.

2.2. Общественно опасные последствия преступного деяния в виде определенного в количественном (стоимостном) или ином выражении вреда, который был им причинен или на причинение которого был направлен умысел виновного (в зависимости от конструкции состава преступления – материального или формального), могут входить в число закрепленных диспозицией соответствующей статьи Особенной части УК Российской Федерации признаков, установление которых служит предпосылкой для правильной квалификации содеянного, в том числе по ее части, предусматривающей более строгую санкцию; такие последствия могут признаваться и обстоятельством, отягчающим наказание (пункт «б» части первой статьи 63 данного Кодекса), но не влияющим на квалификацию самого деяния (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2016 года № 4-О).

Мошенничество как хищение чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием (статья 159 УК Российской Федерации), признается оконченным с момента, когда это имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению (абзац первый пункта 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 года № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»). Соответственно, в отличие от получения – в том числе через посредника – взятки, которое при совершении в условиях оперативно-розыскного мероприятия должно квалифицироваться как оконченное преступление вне зависимости от того, были ли ценности изъяты сразу после их принятия должностным лицом (пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24), нет признаков оконченного мошенничества в случае пресечения деяния до момента, когда у виновного появилась реальная возможность пользоваться или распорядиться ценностями по своему усмотрению. Тем самым предотвращение преступных последствий, включенных в конструкцию состава мошенничества, обусловленное своевременным обращением в правоохранительные органы собственника передаваемого имущества, влечет квалификацию деяния в качестве покушения на мошенничество.

Вместе с тем, если должностное лицо получило ценности за совершение действий (бездействие), которые в действительности оно не может осуществить ввиду отсутствия служебных полномочий и невозможности использовать свое служебное положение, содеянное при наличии умысла на приобретение ценностей следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (абзац второй пункта 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24). При этом содеянное в подобных случаях полностью охватывается частью третьей статьи 159 УК Российской Федерации и дополнительной квалификацией по статье 285 данного Кодекса, предусматривающей ответственность за использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, не требует (абзац второй пункта 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике

по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»).

Из этого следует, что переквалификация содеянного с получения взятки на покушение на мошенничество, совершенное с использованием своего служебного положения, сама по себе не исключает возможность признания физического лица потерпевшим, если будет установлено, что последствием использования должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы явилось существенное нарушение прав и законных интересов данного физического лица, соотносимое с предусмотренными частью первой статьи 42 УПК Российской Федерации конкретными видами вреда.

Правоприменительная практика по вопросу наделения лица процессуальным статусом потерпевшего в делах о неоконченных преступлениях, ориентируемая Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, также исходит из того, что, если совершенное преступление являлось неоконченным (приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению или покушение на преступление), суду при решении вопроса о признании лица потерпевшим следует установить, в чем выразился причиненный ему вред; не исключается возможность причинения такому лицу морального вреда в случаях, когда неоконченное преступление было направлено против конкретного лица (абзац четвертый пункта 2 постановления от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»).

Конституционный Суд Российской Федерации, в свою очередь, пришел к выводу, что положения статьи 42 УПК Российской Федерации и статьи 159 УК Российской Федерации в их системной связи с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации не определяют отказ в компенсации морального вреда лицу, которому преступлением были причинены физические и (или) нравственные страдания, в силу одного лишь факта квалификации совершенного деяния как посягающего на имущественные права (Определение от 6 июня 2016 года № 1171-О).

2.3. Таким образом, учитывая, что уголовный закон охраняет личность как от оконченных, так и от неоконченных преступлений, составы которых к тому же могут включать в себя дополнительные объекты преступного посягательства, уголовно-процессуальный закон не предполагает безусловный отказ в признании того или иного лица потерпевшим в силу одного лишь факта переквалификации преступного деяния с оконченного на неоконченное, если содеянным причинен физический, имущественный или моральный вред. Иное приводило бы к умалению конституционных прав потерпевших на судебную защиту, на доступ к правосудию, притом что потерпевший, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, имеет в уголовном судопроизводстве свои собственные интересы, несводимые исключительно к возмещению причиненного вреда; эти интересы в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания, от решения которых во многих случаях зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда (постановления от 15 января 1999 года № 1-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П, от 16 октября 2012 года № 22-П и от 18 марта 2014 года № 5-П; определения от 5 декабря 2003 года № 446-О, от 24 ноября 2005 года № 431-О, от 11 июля 2006 года № 300-О, от 17 ноября 2011 года № 1555-О-О, от 21 мая 2015 года № 1178-О и др.).

3. В соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в ходе оперативно-розыскных мероприятий, включая оперативный эксперимент, может использоваться имущество частных лиц, привлекаемых с их согласия к прове-

дению оперативно-розыскных мероприятий, но при этом государство обязано обеспечить защиту их имущественных прав и интересов (статья 1, пункт 14 части первой статьи 6, часть восьмая статьи 8, часть первая статьи 15, часть первая статьи 17 и часть первая статьи 18). В силу же статьи 81 УПК Российской Федерации деньги и иные ценности, передаваемые в процессе оперативного эксперимента как предмет взятки, могут признаваться вещественными доказательствами и в качестве таковых приобщаться к уголовному делу (части первая и вторая). Однако, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев вопрос о допустимости изъятия имущества у собственника или владельца по решению государственного органа или должностного лица, осуществляющего предупреждение, пресечение или раскрытие правонарушения, хотя временное изъятие имущества, представляющее собой процессуальную меру обеспечительного характера и не порождающее переход права собственности на имущество к государству, не нарушает конституционные права и свободы, тем не менее лицам, в отношении которых применяются такие ограничения, должно быть обеспечено предусмотренное статьей 46 (часть 2) Конституции Российской Федерации право обжаловать в суд соответствующие решения и действия, сопряженные с ограничением правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом (постановления от 20 мая 1997 года № 8-П, от 11 марта 1998 года № 8-П и от 14 мая 1999 года № 8-П; Определение от 16 декабря 2008 года № 1036-О-П).

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации вещественные доказательства должны храниться при уголовном деле до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела и передаваться вместе с уголовным делом, за исключением случаев, предусмотренных законом; если спор о праве на имущество, являющееся вещественным доказательством, подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства, вещественное доказательство хранится до вступления в силу решения суда (часть первая статьи 82); при вынесении приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах (часть третья статьи 81); вещественные доказательства в виде денег после производства необходимых следственных действий фотографируются или снимаются на видео- либо киноплёнку и возвращаются их законному владельцу в порядке, установленном Правительством Российской Федерации; при отсутствии или неустановлении законного владельца либо при невозможности возврата вещественных доказательств законному владельцу по иным причинам они сдаются на хранение в финансовое подразделение органа, принявшего решение об их изъятии, либо в банк или иную кредитную организацию на указанный срок или хранятся при уголовном деле, если индивидуальные признаки денежных купюр имеют значение для доказывания (пункт 4¹ части второй статьи 82, введенный Федеральным законом от 21 июля 2014 года № 245-ФЗ).

Корреспондируют изложенным законоположениям подзаконные нормативные акты, согласно которым вещественные доказательства, предметы, ценности и документы, подлежащие возврату их владельцам, хранятся до вступления приговора (постановления, определения) суда в законную силу, а в случае приостановления или прекращения уголовного дела на стадии досудебного производства — до момента истечения нормативных сроков хранения дела (пункт 11 Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам в Следственном комитете Российской Федерации,

утвержденной приказом Следственного комитета Российской Федерации от 30 сентября 2011 года № 142); возврат вещественных доказательств в виде денег и ценностей их законному владельцу осуществляется на основании постановления прокурора, следователя, дознавателя или решения (определения, постановления, приговора) суда (судьи), о чем составляется акт приема-передачи вещественных доказательств по установленной форме (пункт 2 Правил хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2015 года № 449); в случае повреждения, утраты изъятых вещественных доказательств, ценностей и иного имущества причиненный их владельцам ущерб подлежит возмещению на основании Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия и суда (утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года), а не-обеспечение надлежащего учета и условий хранения, передачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества, повлекшее их утрату, порчу, является основанием для привлечения к предусмотренной законом ответственности лиц, по вине которых произошли указанные последствия (параграф 93 Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания и судами от 18 октября 1989 года, утвержденной Генеральной прокуратурой СССР, МВД СССР, Министерством юстиции СССР, Верховным Судом СССР и КГБ СССР).

Исходя из того что лица, содействующие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, включая привлекаемых с их согласия к проведению оперативно-розыскных мероприятий, находятся под защитой государства (часть первая статьи 17 и часть первая статьи 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), оно обязано обеспечить защиту их имущественных прав и интересов, в том числе путем возврата законным владельцам использованного в ходе оперативно-розыскных мероприятий имущества, а в случае причинения им имущественного ущерба — возместить таковой. Иное противоречило бы статье 53 Конституции Российской Федерации, гарантирующей право на возмещение причиненного органами государственной власти и должностными лицами вреда.

На реализацию этой обязанности направлено и разъяснение, данное в абзаце третьем пункта 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24, согласно которому не образуют состав преступления, предусмотренного статьей 291 УК Российской Федерации (дача взятки), действия лица, в отношении которого были заявлены требования о даче взятки, если до передачи ценностей оно добровольно заявило об этом органу, имеющему право возбуждать уголовное дело либо осуществлять оперативно-розыскную деятельность, и передача имущества, предоставление имущественных прав, оказание услуг имущественного характера производились под контролем с целью задержания с поличным лица, заявившего такие требования; в этих случаях деньги и другие ценности, переданные в качестве взятки, подлежат возвращению их владельцу.

4. Как следует из представленных материалов, заявители связывают причинение им преступными действиями вреда главным образом с невозвращением ценностей, переданных в качестве взятки в ходе оперативного эксперимента, проведенного в рамках оперативно-розыскной деятельности, а также с отсутствием возможности регистрации права собственности на переданные по наследству объекты недвижимого имущества, ставшие предметом мошенничества.

Между тем апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 17 сентября 2015 года в пользу Т. А. Еременко и Е. В. Кривцова были взысканы с Министерства финансов Российской Федерации за счет казны Российской Федерации денежная сумма в размере 4 200 000 рублей и проценты за пользование чужими денежными средствами в размере 2898 рублей. В постановлении президиума того же суда от 9 сентября 2015 года и определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2016 года указано, что утрата переданных для оперативного эксперимента денежных средств не связана непосредственно с покушением на мошенничество и находится за пределами соответствующего обвинения; регистрации права собственности на недвижимость, ставшую предметом этого преступления, препятствует то обстоятельство, что в период с 2009 по 2014 годы состоялся ряд судебных решений об истребовании у Е. В. Кривцова, В. А. Кривцова и его наследницы Т. А. Еременко незаконно приватизированных объектов недвижимого имущества, а право государственной собственности на них, в том числе и на принадлежавшие В. А. Кривцову, подтверждено вступившим в законную силу решением Центрального районного суда города Волгограда от 30 января 2014 года.

Настаивая на проверке конституционности положений уголовного и уголовно-процессуального законов, которые сами по себе не означают, что переквалификация уголовно противоправного деяния с оконченного преступления на покушение предопределяет автоматическую утрату лицом, в отношении которого это деяние совершено, статуса потерпевшего, заявители, по сути, предлагают Конституционному Суду Российской Федерации дать оценку принятым в порядке гражданского судопроизводства судебным решениям, связанным с их имущественным спором с государством по поводу объема выплаченного им денежного возмещения и истребования в федеральную собственность находившихся в их владении объектов недвижимого имущества, явившихся предметом покушения на мошенничество. Однако проверка правильности выбора правовых норм, подлежащих применению к данным правоотношениям, и их казуального истолкования правоприменителями с учетом фактических обстоятельств конкретного дела, равно как и оценка законности и обоснованности состоявшихся в нем судебных решений не входят в полномочия Конституционного Суда Российской Федерации в силу статьи 125 Конституции Российской Федерации и статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы граждан Еременко Тамары Александровны и Кривцова Евгения Валерьевича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.
3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

10 ноября
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 2371-О

об отказе в принятии к рассмотрению
жалобы граждан Ерашовой Татьяны
Анатольевны, Маркеловой Елены
Вадимовны и Орехова Валерия
Ивановича на нарушение их
конституционных прав пунктом 5
статьи 61 Гражданского кодекса
Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, заслушав заключение судьи С. М. Казанцева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы граждан Т. А. Ерашовой, Е. В. Маркеловой и В. И. Орехова,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации граждане Т. А. Ерашова, Е. В. Маркелова и В. И. Орехов оспаривают конституционность пункта 5 статьи 61 ГК Российской Федерации, согласно которому решением суда о ликвидации юридического лица на его учредителей (участников) или на орган, уполномоченный на ликвидацию юридического лица его учредительным документом, могут быть возложены обязанности по осуществлению ликвидации юридического лица; неисполнение решения суда является основанием для осуществления ликвидации юридического лица арбитражным управляющим (пункт 5 статьи 62) за счет имущества юридического лица; при недостаточности у юридического лица средств на расходы, необходимые для его ликвидации, эти расходы возлагаются на учредителей (участников) юридического лица солидарно (пункт 2 статьи 62).

Как следует из представленных материалов, Центральный Банк Российской Федерации в лице отделения по Ростовской области Южного главного управления Центрального Банка Российской Федерации обратился в суд с иском к зарегистрированному в налоговом органе 28 апреля 2008 года кредитному потребительскому кооперативу «СОЮЗСБЕРЗАЙМ-ЭЛИСТА» и его учредителям, в числе которых были Т. А. Ерашова, Е. В. Маркелова и В. И. Орехов, с требованием о ликвидации кооператива в связи с неисполнением им предусмотренной Федеральным законом от 18 июля 2009 года № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» (в редакции от 23 июля 2013 года № 251-ФЗ) обязанности кредитных кооперативов быть членами одной из саморегулируемых организаций. Заочным решением Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 3 декабря 2014 года данное требование было удовлетворено, обязанность по осуществлению его ликвидации в срок, установленный законодательством Российской Федерации, на основании

пункта 5 статьи 61 ГК Российской Федерации возложена согласно записи в Едином государственном реестре юридических лиц об учредителях кооператива в том числе на Т. А. Ерашову, Е. В. Маркелову и В. И. Орехова.

Не согласившись с указанным решением, заявители обжаловали его в судах апелляционной и кассационной инстанций, ссылаясь на то, что их членство в кредитном потребительском кооперативе «СОЮЗСБЕРЗАЙМ-ЭЛИСТА» прекращено с 1 апреля 2014 года в связи с их добровольным выходом из кооператива, следовательно, на них не может возлагаться обязанность по осуществлению ликвидации юридического лица.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Калмыкия от 9 апреля 2015 года обжалуемое заочное решение суда первой инстанции оставлено без изменения. В передаче кассационной жалобы заявителей на решение и определение нижестоящих судов для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда Республики Калмыкия и в передаче их кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации было отказано (определение судьи Верховного Суда Республики Калмыкия от 10 сентября 2015 года и определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2016 года). Суды исходили из того, что копия протокола заседания правления кооператива от 31 марта 2014 года о выходе заявителей из кооператива не заверена надлежащим образом, внесение в Единый государственный реестр юридических лиц сведений о них как об учредителях кооператива не оспорено, названная запись недействительной не признана и, следовательно, Т. А. Ерашова, Е. В. Маркелова и В. И. Орехов остаются учредителями кредитного потребительского кооператива «СОЮЗСБЕРЗАЙМ-ЭЛИСТА».

По мнению заявителей, пункт 5 статьи 61 ГК Российской Федерации противоречит статьям 18, 19 (часть 1), 30 (часть 2), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой он по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, допускает возможность возложить обязанности по осуществлению ликвидации кредитного потребительского кооператива на его учредителей, которые вышли из кооператива.

2. Согласно статье 30 (часть 2) Конституции Российской Федерации никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях по вопросам реализации гражданами права на объединение неоднократно обращал внимание на добровольный характер участия в объединениях, а также на то, что содержание конституционного права граждан на объединение включает право граждан беспрепятственно выходить из объединений (постановления от 3 марта 2004 года № 5-П, от 15 декабря 2004 года № 18-П, от 9 ноября 2009 года № 16-П и от 8 апреля 2014 года № 10-П).

В статье 30 (часть 2) Конституции Российской Федерации содержится общее основополагающее нормативное предписание о невозможности принуждения к пребыванию в объединении.

В развитие положений Конституции Российской Федерации о праве граждан на объединение Гражданский кодекс Российской Федерации и специальные законы об отдельных организационно-правовых формах (видах) юридических лиц устанавливают право граждан на добровольный выход из соответствующих объединений, определяют порядок, условия и пределы осуществления указанного права, отвечающие требованиям обеспечения стабильности гражданского оборота, справедливого баланса интересов его участников, надлежащей реализации публичных функций юридических лиц в

соответствии со статьей 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации. В некоторых случаях, основываясь на вышеуказанных принципах, действующее законодательство не допускает выход участника из организаций (например, пункт 2 статьи 26 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 15 ноября 2007 года № 758-О-О, указывая на невозможность регламентации правового положения юридических лиц, прав и обязанностей их участников непосредственно Конституцией Российской Федерации, отметил необходимость регулирования данных отношений федеральными законами. Соответственно, федеральный законодатель, действуя в рамках предоставленных ему статьями 71 (пункт «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации полномочий, при регулировании гражданско-правовых, в том числе корпоративных, отношений призван обеспечивать их участникам возможность в каждом конкретном случае находить разумный баланс интересов на основе конституционно значимых принципов гражданского законодательства (Постановление от 21 февраля 2014 года № 3-П; Определение от 3 июля 2014 года № 1564-О).

Право на выход из объединения вытекает из закрепленных названным Кодексом основных начал гражданского законодательства, в которых нашел свое выражение присущий гражданским правоотношениям принцип диспозитивности, в силу которого граждане приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе (статья 1), участвуют в гражданских отношениях на основе автономии воли и имущественной самостоятельности (статья 2), по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права (статья 9). Отмеченное означает, что осуществление права на выход из объединения в случаях, допускаемых законом, происходит посредством свободного волеизъявления управомоченного лица, не зависит от решений органов управления и действий объединения, выступающего самостоятельным субъектом гражданско-правовых отношений — юридическим лицом, которое согласно пункту 1 статьи 48 ГК Российской Федерации является организацией, имеющей обособленное имущество, отвечающей им по своим обязательствам, способной от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

Гражданский кодекс Российской Федерации, определяя, что потребительские кооперативы, к числу которых относятся кредитные кооперативы (пункт 3 статьи 50), являются корпоративными юридическими лицами (корпорациями) (пункт 1 статьи 65¹), устанавливает правило, согласно которому в связи с участием в корпоративной организации ее участники приобретают корпоративные (членские) права и обязанности в отношении созданного ими юридического лица (пункт 2 статьи 65¹). Одной из обязанностей членов кредитного потребительского кооператива, в том числе участвовавших в его создании, является обязанность по осуществлению ликвидации юридического лица, установленная оспариваемой нормой. Такое правовое регулирование, возлагающее на участников (членов) корпоративного юридического лица обязанности осуществить его ликвидацию, а также солидарно нести расходы, связанные с ликвидацией юридического лица в случае недостаточности для этих целей имущества самого юридического лица, служит достижению основной цели ликвидации любого юридического лица — завершению его деятельности и удовлетворению требований кредиторов — и направлено на защиту прав и интересов всех участников гражданского оборота.

В соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2009 года № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» кредитный потребительский кооператив – добровольное объединение физических и (или) юридических лиц на основе членства и по территориальному, профессиональному и (или) иному принципу в целях удовлетворения финансовых потребностей членов кредитного кооператива (пайщиков) (пункт 2 части 3 статьи 1); кредитный кооператив осуществляет свою деятельность на основе в том числе принципа добровольности вступления в кредитный кооператив и свободы выхода из него независимо от согласия других членов кредитного кооператива (пайщиков) (пункт 3 части 3 статьи 3); при прекращении членства в кредитном кооперативе в реестр членов кредитного кооператива (пайщиков) вносится соответствующая запись (часть 2 статьи 12); заявление о выходе из кредитного кооператива подается в письменной форме в правление кредитного кооператива; порядок выхода из кредитного кооператива определяется уставом кредитного кооператива и внутренними нормативными документами кредитного кооператива; выход из кредитного кооператива оформляется путем внесения соответствующей записи в реестр членов кредитного кооператива (пайщиков) (часть 2 статьи 14).

В указанном внутреннем локальном акте организации, исходя из содержания взаимосвязанных положений Федерального закона «О кредитной кооперации», должны отражаться сведения об актуальном – т. е. с учетом, в частности, состоявшегося в соответствии с законом волеизъявления участника корпорации о выходе из корпоративной организации – персональном составе членов кредитного кооператива (глава 3 «Членство в кредитном кооперативе» Федерального закона «О кредитной кооперации»).

Соответственно, суд, рассматривающий дело о ликвидации кредитного кооператива, вправе, не ограничиваясь содержащимися в Едином государственном реестре юридических лиц сведениями, всесторонне и наиболее полным образом с учетом фактических обстоятельств конкретного дела исследовать все доказательства, могущие служить подтверждением совершеного в предусмотренном законом порядке выхода члена кредитного кооператива из объединения.

После выхода из состава членов кредитного потребительского кооператива вышедший участник, в том числе выступавший его учредителем, разрывает корпоративную связь с юридическим лицом и не может обременяться несением дополнительных обязанностей, связанных с его дальнейшей деятельностью, в частности обязанностей по осуществлению ликвидации организации и возмещению соответствующих расходов. Обратное означало бы умаление права на добровольный выход из объединения, несовместимое с положениями статьи 30 Конституции Российской Федерации.

В этой связи сам по себе оспариваемый Т. А. Ерашовой, Е. В. Маркеловой и В. И. Ореховым пункт 5 статьи 61 ГК Российской Федерации, будучи общей нормой, применимой как к унитарным, так и к корпоративным юридическим лицам и, соответственно, – к учредителям унитарных и участникам (членам) корпоративных организаций, в системе действующего правового регулирования не предполагает возложения обязанности по осуществлению ликвидации корпоративного юридического лица на его учредителей, которые не являются его членами, и не препятствует осуществлению права на выход из кооператива, а потому не может рассматриваться как нарушающий конституционные права заявителей, в частности право на объединение и право на судебную защиту, в указанном ими в жалобе аспекте.

Проверка же законности и обоснованности судебных решений, принятых по делу заявителей, в том числе в части установления и оценки фактических обстоятельств, к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена в статье 125 Конституции Российской Фе-

дерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относится и должна осуществляться судами общей юрисдикции в предусмотренном законом порядке.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктами 1 и 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ерашовой Татьяны Анатольевны, Маркеловой Елены Вадимовны и Орехова Валерия Ивановича, поскольку разрешение поставленных в ней вопросов Конституционному Суду Российской Федерации не подведомственно и поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

10 ноября
2016 года,
город Санкт-
Петербург
№ 2561-О

по запросу Арбитражного суда
Алтайского края о проверке
конституционности пункта 4¹ статьи 161
Налогового кодекса Российской
Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, заслушав заключение судьи К. В. Арановского, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса Арбитражного суда Алтайского края,

у с т а н о в и л :

1. В своем запросе в Конституционный Суд Российской Федерации Арбитражный суд Алтайского края оспаривает конституционность пункта 4¹ статьи 161

Налогового кодекса Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 19 июля 2011 года № 245-ФЗ), согласно которому при реализации на территории Российской Федерации имущества и (или) имущественных прав должников, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации банкротами, налоговая база определяется как сумма дохода от реализации этого имущества с учетом налога; при этом налоговая база определяется налоговым агентом отдельно по каждой операции по реализации указанного имущества; в этом случае налоговыми агентами признаются покупатели указанного имущества и (или) имущественных прав, за исключением физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями; указанные лица обязаны исчислить расчетным методом, удержать из выплачиваемых доходов и уплатить в бюджет соответствующую сумму налога.

Как следует из представленных материалов, ООО «Алтай-фито» приобрело по договору уступки права требования обеспеченное залогом право требования в отношении ОАО «Новоалтайское хлебоприемное предприятие». В ходе реализации имущества должника (залогодателя), состоявшего в процедуре банкротства, заложенное производственное оборудование общей стоимостью 21 545 906 рублей после объявления несостоявшимся торгов по его продаже было оставлено за собой кредитором. При этом ОАО «Новоалтайское хлебоприемное предприятие» оформило и выставило счета-фактуры с выделенной в них суммой налога на добавленную стоимость в размере 3 286 664 рубля, которую ООО «Алтай-фито» заявило к вычету в налоговой декларации за третий квартал 2013 года.

Решением от 12 января 2015 года, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, Арбитражный суд Алтайского края отказал ООО «Алтай-фито» в признании недействительным решения Управления Федеральной налоговой службы по Алтайскому краю в части отказа в возмещении налога на добавленную стоимость, согласившись с налоговым органом в том, что передача должником кредитором в процедуре банкротства заложенного имущества, не реализованного путем продажи с публичных торгов, не образует объекта обложения налогом на добавленную стоимость, а получатель имущества не имеет права на соответствующий налоговый вычет.

Определением от 8 февраля 2016 года Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила эти судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в Арбитражный суд Алтайского края с указанием на то, что передача залогодателем права собственности на предмет залога залоговому кредитору в счет погашения его требований по неисполненному обязательству при оставлении за ним нерезализованного предмета залога применительно к рассматриваемому периоду признается реализацией для целей исчисления налога на добавленную стоимость, вследствие чего передающая сторона была обязана исчислить сумму налога, а получающая — имела право заявить ее к вычету.

В своем запросе в Конституционный Суд Российской Федерации Арбитражный суд Алтайского края указывает на то, что применение оспариваемых законоположений в деле, поступившем на его повторное рассмотрение, не исключает получения ООО «Алтай-фито» вычета по налогу на добавленную стоимость, хотя переход имущества, образующего предмет залога, от залогодателя-должника, признанного банкротом, в собственность залогового кредитора не образует объекта обложения по названному налогу с учетом того обстоятельства, что ООО «Алтай-фито» не выполнило со своей стороны обязанность налогового агента, предусмотренную оспариваемыми законоположениями, а именно не удержало сумму налога, отраженную в счете-фактуре, и не перечислило ее в бюджет.

По мнению заявителя, в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 января 2013 года № 11 «Об уплате налога на добавленную стоимость при реализации имущества должника, признанного банкротом» оспариваемые законоположения получили истолкование, позволяющее организации-банкроту при исчислении суммы налога по операциям передачи предмета залога кредитору не вносить ее в бюджет в связи с отсутствием достаточных для этого денежных средств, тогда как залоговый кредитор получает по такой операции право на вычет по налогу на добавленную стоимость. Заявитель считает, что указанное право залогового кредитора должно быть обусловлено тем, что он, будучи налоговым агентом, уплачивает в этом качестве за налогоплательщика-банкрота сумму налога, выделенную в счете-фактуре; соответственно, оспариваемые законоположения следует применять в их буквальном смысле, а не в том истолковании, которое следует из позиций Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Признаки неконституционности пункта 4¹ статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации заявитель усматривает в том, что судебное истолкование его положений отклоняется от буквального их смысла и в случае реализации имущества налогоплательщиков-банкротов дает основания вместо уплаты сумм налога на добавленную стоимость в бюджет через покупателя (налогового агента) направлять эти суммы в первоочередном порядке на ведение конкурсного производства и на иные цели, а при передаче заложенного имущества кредитору-залогодержателю дает ему право на вычет по налогу на добавленную стоимость без его участия в уплате такого налога, как и без внесения платежей в конкурсную массу, из которой подлежат удовлетворению в том числе требования об уплате налогов.

Определением от 3 августа 2016 года Арбитражный суд Алтайского края приостановил производство по делу и направил в Конституционный Суд Российской Федерации запрос о проверке соответствия статье 7 (часть 1) Конституции Российской Федерации пункта 4¹ статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации, которым в период его действия (с 1 октября 2011 года до 1 января 2015 года) регулировались вопросы определения налоговой базы по налогу на добавленную стоимость при реализации имущества должников, признанных банкротами.

2. Из сохраняющих свою силу решений Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 28 марта 2000 года № 5-П, от 17 марта 2009 года № 5-П, от 22 июня 2009 года № 10-П и от 3 июня 2014 года № 17-П; определения от 16 января 2009 года № 146-О-О, от 1 декабря 2009 года № 1553-О-П, от 1 марта 2012 года № 384-О-О и др.) следует, что, по смыслу статьи 57 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с положениями ее статей 1 (часть 1), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), с обязанностью каждого платить законно установленные налоги и сборы соотносится достаточная свобода законодательного усмотрения при установлении правил налогообложения и определении основных параметров конкретных налогов, в пределах которой государство должно создавать надлежащие условия исполнения налоговой обязанности.

Обращаясь к анализу особенностей экономико-правовой природы налога на добавленную стоимость, Конституционный Суд Российской Федерации в ряде решений (постановления от 28 марта 2000 года № 5-П, от 20 февраля 2001 года № 3-П и от 3 июня 2014 года № 17-П; определения от 8 апреля 2004 года № 169-О, от 4 ноября 2004 года № 324-О, от 15 февраля 2005 года № 93-О и др.) пришел к следующим выводам:

данный налог, будучи формой изъятия в бюджет части добавленной стоимости, создаваемой на всех стадиях производства и определяемой как раз-

ница между стоимостью реализованных товаров, работ и услуг и стоимостью материальных затрат, отнесенных на издержки производства и обращения, является косвенным налогом (налогом на потребление); при этом реализация товаров (работ, услуг) производится по ценам (тарифам), увеличенным на сумму налога, а бремя его уплаты, соответственно, ложится на приобретателя товаров (работ, услуг), которому, в свою очередь, предоставлено право уменьшить собственное налоговое обязательство на величину налоговых вычетов в размере суммы налога, предъявленной ему продавцом к уплате при реализации товаров (работ, услуг); уплате в бюджет по итогам налогового периода подлежит отрицательная разница между суммой налоговых вычетов и суммой самого налога, исчисленного налогоплательщиком по операциям, признаваемым объектом налогообложения; положительная разница возмещается налогоплательщику из бюджета;

в целях обеспечения надлежащего порядка применения налоговых вычетов и создания условий, позволяющих оценить их правомерность и пресечь ситуации, связанные с необоснованным возмещением (зачетом или возвратом) сумм налога на добавленную стоимость из бюджета, Налоговый кодекс Российской Федерации предусматривает в качестве основания принятия налогоплательщиком к вычету суммы этого налога по конкретной операции специальный документ – счет-фактуру, который выставляется продавцом и должен отвечать требованиям, закрепленным статьей 169 данного Кодекса; если же выставленный счет-фактура не содержит четких и однозначных сведений, предусмотренных законом, он не может являться основанием для принятия налогоплательщиком к вычету или возмещению сумм налога на добавленную стоимость, начисленных продавцом приобретенных им товаров (работ, услуг);

обязанность по выставлению счета-фактуры не распространяется, в частности, на реализацию товаров в розницу, а равно на лиц, которые не относятся к плательщикам указанного налога или освобождены от исполнения обязанностей по его исчислению и уплате, поскольку в этих случаях реализация товаров (работ, услуг) не предполагает предъявления покупателем уплаченной им в составе цены суммы налога для получения налогового вычета и не дает покупателю права на применение такого вычета, что исключает исчисление суммы налога и ее выделение из цены товаров (работ, услуг);

обязанность по выставлению счета-фактуры, как следует из статьи 168 Налогового кодекса Российской Федерации, распространяется на всех плательщиков налога на добавленную стоимость в качестве безусловного требования, а выделение суммы этого налога в счете-фактуре образует необходимое условие и достаточное формальное основание, с которым закон связывает в том числе и право налогоплательщика на получение налогового вычета.

Такие условия реализации права на применение налогового вычета обеспечивают, кроме прочего, устойчивость обложения налогом на добавленную стоимость, который исчисляется как часть конечной цены реализованного товара, притом что Налоговый кодекс Российской Федерации в связи с взиманием налога на добавленную стоимость по операциям реализации товаров (работ, услуг) предусматривает право покупателя на налоговый вычет суммы этого налога, предъявленной ему продавцом в цене сделки, с соблюдением установленных законных требований.

2.1. В силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в постановлениях от 14 июля 2003 года № 12-П и от 3 июня 2014 года № 17-П, детальное урегулирование порядка реализации плательщиками налога на добавленную стоимость своих правомочий, включая обязательность представления налоговому органу тех или иных доку-

ментов, предусмотренных нормами публичного права и потому отличающихся незаменимостью, исключительностью и строгой формальной определенностью, обусловлено вытекающей из Конституции Российской Федерации и конкретизированной в Налоговом кодексе Российской Федерации связанностью налоговых органов законом.

Соответственно, поскольку счет-фактура является публично-правовым документом, дающим налогоплательщику право на правомерное уменьшение налога на добавленную стоимость на сумму налоговых вычетов, положения статьи 168 Налогового кодекса Российской Федерации, регулирующие порядок исчисления этого налога и определяющие правовые последствия выставления счета-фактуры, подлежат буквальному (неукоснительному) исполнению как налогоплательщиками, так и налоговыми органами, которые не вправе давать этим положениям расширительное толкование.

В частности, указанное право налогоплательщика не может быть обусловлено исполнением непосредственными контрагентами (продавцами, поставщиками) и предшествующими им лицами своей обязанности по уплате налога на добавленную стоимость, а также финансово-экономическим положением и поведением иных (третьих) лиц. Иное, вопреки конституционному принципу равенства всех перед законом и судом (статья 19 Конституции Российской Федерации) и связанному с ним принципу поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, могло бы лишить налогоплательщиков предсказуемости последствий исполнения ими закона.

2.2. Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, ограничения, связанные с особым порядком предъявления и удовлетворения требований кредиторов в процедуре конкурсного производства, установлены законодателем в рамках комплекса мер, направленных на предотвращение банкротства и восстановление платежеспособности должника, а также на создание условий для справедливого обеспечения экономических и юридических интересов всех кредиторов, включая лиц, в отношении которых необходимо введение дополнительных гарантий социальной защиты (постановления от 12 марта 2001 года № 4-П и от 22 июля 2002 года № 14-П; Определение от 8 июня 2004 года № 254-О).

Установленная очередность удовлетворения требований кредиторов является одной из предусмотренных законом гарантий по оплате труда и отражает природу Российской Федерации как социального государства (статья 7, часть 1, Конституции Российской Федерации). При столкновении законных интересов кредиторов в процессе конкурсного производства решается задача пропорционального распределения среди них конкурсной массы.

Решение этой задачи, однако, не должно приводить к нарушению конституционных гарантий социальной защиты граждан и других законных гарантий, таких, например, как залоговое обеспечение исполнения обязательств, а также препятствовать конкурсному производству в целом, в рамках которого должна быть обеспечена надлежащая защита имущественных прав кредиторов даже в тех случаях, когда признание повторных торгов по реализации заложенного имущества несостоявшимися исключает в силу закона дальнейшие торги и не позволяет выручить на них средства для распределения таковых между кредиторами в порядке законной очередности при погашении денежных обязательств банкрота.

Оставление же заложенного имущества банкрота залогодержателем за собой после того, как предмет залога не продан на повторных торгах, во всяком случае позволяет погасить часть обязательств, приходящихся на конкурсную массу, снижая тем самым общую нагрузку на нее, что отвечает задачам конкурсного производства и может способствовать удовлетворению денежных требований, в том числе приоритетных и конституционно значимых.

В Определении от 29 марта 2016 года № 531-О Конституционный Суд Российской Федерации указал, что согласно статье 138 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в случае признания несостоявшимися повторных торгов конкурсный кредитор по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника, вправе оставить предмет залога за собой с оценкой его в сумме на десять процентов ниже начальной продажной цены на повторных торгах; конкурсный кредитор по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника, при оставлении предмета залога за собой обязан перечислить денежные средства в размере, определяемом в соответствии с пунктами 1 и 2 данной статьи, на специальный банковский счет в порядке, установленном пунктом 3 данной статьи, в течение десяти дней с даты направления конкурсному управляющему заявления об оставлении предмета залога за собой; если в течение тридцати дней со дня признания повторных торгов несостоявшимися кредитор по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника, не воспользуется правом оставить предмет залога за собой, он подлежит продаже посредством публичного предложения в порядке, установленном пунктом 4 статьи 139 данного Федерального закона (пункт 4¹).

Соответственно, указанные положения, предусматривающие право залогового кредитора в случае признания несостоявшимися повторных торгов по продаже предмета залога оставить предмет залога за собой при соблюдении определенных условий, направлены как на защиту имущественных интересов самих залоговых кредиторов как лиц, имеющих преимущественное перед другими кредиторами право получить удовлетворение за счет имущества, находящегося в залоге, так и на обеспечение баланса прав и законных интересов иных лиц, участвующих в деле о банкротстве.

С этим выводом не расходятся и правовые позиции, выраженные в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 января 2013 года № 11, из которого следует, в частности, что требование об уплате налога на добавленную стоимость в отношении операций по реализации имущества (в том числе предметов залога) должника, признанного банкротом, относится, согласно абзацу пятому пункта 2 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», к четвертой очереди текущих требований; цена, по которой имущество должника было реализовано, подлежит перечислению полностью (без удержания налога на добавленную стоимость) покупателем имущества должнику или организатору торгов, а также организатором торгов – должнику; сумма этого платежа распределяется по правилам статей 134 и 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»; названный налог исчисляется, исходя из положений статьи 163 и пункта 4 статьи 166 Налогового кодекса Российской Федерации, должником как налогоплательщиком по итогам налогового периода и уплачивается в сроки, установленные пунктом 1 статьи 174 данного Кодекса.

Иное, в том числе возложение обязанностей налогового агента на залогового кредитора и уплата им за должника налога на добавленную стоимость по операциям реализации предмета залога непосредственно в бюджет, минуя конкурсную массу, т. е. во внеочередном порядке (вместо четвертой очереди текущих требований), могло бы привести к нестабильности правовых отношений, возникновению правовой неопределенности среди участников конкурсного производства и ставило бы под сомнение его задачи.

2.3. В случаях, когда после несостоявшихся повторных торгов конкурсный кредитор оставляет предмет залога за собой по цене, определяемой в соответствии с законодательством о банкротстве, что приводит к погашению его денежных требований к должнику в размере соответствующей цены,

для конкурсной массы в части требований по налогу на добавленную стоимость наступают последствия, равнозначные реализации имущества за деньги, поскольку такие требования относятся к четвертой очереди без преимущества перед требованиями, обеспеченными залогом. Пункт 4¹ статьи 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» прямо предусматривает, что цена, по которой конкурсный кредитор по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника, вправе оставить предмет залога за собой в случае признания несостоявшимися повторных торгов, составляет сумму на десять процентов ниже начальной продажной цены на повторных торгах. В период действия оспариваемой нормы законодательство не предполагало увеличения или уменьшения цены, по которой залог оставляется за собой кредитором, на сумму налога на добавленную стоимость. Кроме того, в пункте 4¹ статьи 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» закреплена обязанность кредитора перечислить денежные средства в установленном законом размере на специальный банковский счет. Уплата залоговым кредитором суммы налога на добавленную стоимость сверх указанных расчетов приводила бы к возложению на него дополнительного имущественного бремени, притом что он в рамках конкурсного производства вправе принять предмет залога по установленной в законодательстве о банкротстве цене, что при уплате им налога на добавленную стоимость подразумевало выделение суммы названного налога в пределах цены предмета залога, а не в дополнение к ней. Возложение же на кредитора дополнительного имущественного бремени создавало бы риск отказа кредитора принять предмет залога ввиду безосновательного возникновения у него дополнительных имущественных обязанностей, что негативно отразилось бы на ходе конкурсного производства, позволяющего удовлетворить обеспеченные залогом требования по установленной законом цене.

В силу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации такие последствия недопустимы как в существующей системе обложения налогом на добавленную стоимость, так и в ее взаимосвязи с правилами конкурсного производства. Следовательно, при получении предмета залога в счет погашения требований конкурсного кредитора по обязательствам, обеспеченным залогом, и выставлении ему счетов-фактур с выделенной суммой налога на добавленную стоимость он приобретает законную возможность принять соответствующую сумму налога к вычету в порядке, предусмотренном статьями 171–172 Налогового кодекса Российской Федерации.

Между тем пункт 4¹ статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации, предусматривая (в период своего действия) правила определения налоговой базы по налогу на добавленную стоимость при покупке имущества у должников-банкротов, сам по себе не устанавливал оснований или условий реализации права на налоговый вычет у получателей такого имущества, т. е. не возлагал обязанностей налоговых агентов на залоговых кредиторов, оставляющих предмет залога за собой, и не давал оснований к лишению этих лиц права на вычет предъявленных им сумм налога на добавленную стоимость. Следовательно, вопрос об их праве на вычет по налогу на добавленную стоимость подлежит разрешению по общим правилам главы 21 «Налог на добавленную стоимость» указанного Кодекса исходя из обстоятельств конкретного дела; отказ в этом праве должен во всяком случае иметь надлежащие законные основания и не может быть обусловлен лишь процедурой банкротства, тем более что ее правовые последствия не могут быть приравнены к обстоятельствам, исключающим право на соответствующий налоговый вычет, таким как незаконная налоговая выгода или, напротив, законное освобождение от налога.

2.4. Вместе с тем установленные Федеральным законом от 19 июля 2011 года № 245-ФЗ положения пункта 4¹ статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации, определяя покупателя имущества должников-банкротов в качестве налогового агента по налогу на добавленную стоимость, могли быть интерпретированы и в буквальном смысле, и в правоприменительном их истолковании с выводом о том, что этот налог покупатель заложенного имущества должен уплатить за должника-банкрота непосредственно в бюджет. Такое истолкование приводило, в частности, к формальному расходованию между оспариваемыми положениями и правилами очередности удовлетворения требований кредиторов в процедуре банкротства, создавая, кроме того, коллизии при реализации права на соответствующий налоговый вычет.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно подчеркивал, что неопределенность налоговых норм может приводить к нарушению прав налогоплательщиков и вместе с тем к уклонению от исполнения обязанности по уплате налога, а потому акты законодательства о налогах и сборах должны быть изложены так, чтобы каждый точно знал, какие налоги и сборы, когда и в каком порядке он должен платить, притом что все неустраняемые сомнения, противоречия и неясности этих актов подлежат истолкованию в пользу налогоплательщика, с чем согласуются и пункты 6 и 7 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации (постановления от 8 октября 1997 года № 13-П, от 28 марта 2000 года № 5-П, от 30 января 2001 года № 2-П, от 20 февраля 2001 года № 3-П, от 14 июля 2003 года № 12-П и от 22 июня 2009 года № 10-П; определения от 12 июля 2006 года № 266-О, от 2 ноября 2006 года № 444-О, от 15 января 2008 года № 294-О-П и др.).

При этом Конституционный Суд Российской Федерации не исключает, что неточность в изложении закона сама по себе не предрешает каждый раз вывода об отступлении от принципов законодательства о налогах и сборах, обязательных в правовом государстве, если она лишь затрудняет уяснение закона, но не делает неустраняемой его формальную неопределенность (постановления от 23 декабря 1997 года № 21-П, от 28 марта 2000 года № 5-П, от 23 января 2007 года № 1-П и от 8 ноября 2012 года № 25-П; Определения от 16 июля 2013 года № 1173-О).

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, необходимая степень определенности правового регулирования может быть достигнута путем выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний в их действии по кругу лиц, во времени и в пространстве с помощью даваемых Верховным Судом Российской Федерации разъяснений по вопросам судебной практики, целью которых является устранение неопределенности нормы, обеспечение ее однозначного истолкования и единообразного применения, в том числе при необходимости адекватного и своевременного приспособления регулирующей роли нормы в единстве ее буквы и духа к той или иной сфере общественных отношений в их динамике (Постановление от 23 декабря 2013 года № 29-П). Вытекающее из статьи 126 Конституции Российской Федерации названное правомочие Верховного Суда Российской Федерации направлено на поддержание единообразия в толковании и применении норм права и является одним из элементов конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы, который основан на предписаниях статей 15 (часть 1), 17, 18, 19 и 120 Конституции Российской Федерации.

2.5. С приведенными конституционными установлениями и правовыми позициями не расходится истолкование пункта 4¹ статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации, по смыслу которого оставление залогодер-

жателем за собой не реализованного путем продажи с публичных торгов предмета залога в погашение требований по обеспеченному залогом обязательству применительно к рассматриваемому периоду относилось к операциям реализации для целей исчисления налога на добавленную стоимость, в которых передающая сторона должна была исчислить этот налог, а получающая — имела право заявить исчисленную сумму налога к вычету. В такой интерпретации высшие судебные инстанции согласованно внесли единообразие в понимание положений пункта 4¹ статьи 161 указанного Кодекса с учетом справедливого соотношения интересов участников конкурсного производства и исходя из правомерного предположения о том, что действия налогоплательщиков, имеющие своим результатом получение налоговой выгоды, экономически оправданны (пункт 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 года № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»). Допустимость такого истолкования подтверждается и принятием впоследствии Федерального закона от 24 ноября 2014 года № 366-ФЗ, которое повлекло отмену пункта 4¹ статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации и исключение из перечня операций, признаваемых объектом обложения налогом на добавленную стоимость, операций по реализации имущества должников, признанных банкротами.

3. В соответствии с частью второй статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» основанием для рассмотрения дела Конституционным Судом Российской Федерации является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о конституционности оспариваемой нормы.

Поскольку неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации положения пункта 4¹ статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 19 июля 2011 года № 245-ФЗ), отсутствует, запрос Арбитражного суда Алтайского края не может быть принят Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать запрос Арбитражного суда Алтайского края не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

13 декабря
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 2581-О

по жалобе граждан Рудик Галины Николаевны и Рудика Валерия Леонидовича на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, заслушав заключение судьи Ю. М. Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы граждан Г. Н. Рудик и В. Л. Рудика,

у с т а н о в и л :

1. Гражданам Г. Н. Рудик и В. Л. Рудику, которые на основании постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 30 июня 2015 года по делу «Хорошенко против России» обратились с просьбой разрешить им длительное свидание с отбывающим наказание в виде пожизненного лишения свободы сыном, начальник исправительного учреждения отказал в ее удовлетворении со ссылкой, в частности, на порядок предоставления свиданий осужденным к пожизненному лишению свободы, определяемый в соответствии со статьями 89 и 125 УИК Российской Федерации.

Решением суда общей юрисдикции в удовлетворении соответствующего административного искового заявления Г. Н. Рудик и В. Л. Рудика также было отказано, в том числе на основании статей 125 и 127 УИК Российской Федерации, а суд апелляционной инстанции данное решение оставил без изменения, указав в апелляционном определении, что предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека в деле «Хорошенко против России», на которое ссылались заявители, была конкретная жизненная ситуация конкретного лица, что, однако, не исключает дифференцированного подхода при применении выводов по данному делу к иным лицам, отбывающим аналогичное наказание и требующим признать за ними право на длительное свидание; что касается права сына заявителей на длительное свидание, то, отказывая в нем, суд не только исходил из формальных требований, установленных уголовно-исполнительным законодательством, но и учитывал поведение самого осужденного, который за время отбывания наказания имел 18 дисциплинарных взысканий.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации Г. Н. Рудик и В. Л. Рудик оспаривают конституционность следующих положений Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации:

пункта «б» части третьей статьи 125 «Условия отбывания лишения свободы в исправительных колониях особого режима», согласно которому осужденным, отбывающим наказание в исправительных колониях особого режима в строгих условиях, разрешается иметь два краткосрочных свидания в течение года;

части третьей статьи 127 «Условия отбывания лишения свободы в исправительных колониях особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы», согласно которой в строгие условия отбывания наказания по прибытии в исправительную колонию особого режима помещаются все осужденные к пожизненному лишению свободы; перевод из строгих условий отбывания наказания в обычные условия отбывания наказания производится по отбытии не менее 10 лет в строгих условиях отбывания наказания по основаниям, указанным в части шестой статьи 124 данного Кодекса; если в период пребывания в следственном изоляторе к осужденному не применялась мера взыскания в виде водворения в карцер, срок его нахождения в строгих условиях отбывания наказания исчисляется со дня заключения под стражу.

По мнению заявителей, эти нормы устанавливают для осужденных к пожизненному лишению свободы абсолютный запрет на длительные свидания в течение как минимум первых 10 лет заключения, а потому противоречат статьям 15 (часть 4), 21 и 23 Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи со статьями 3 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их истолковании Европейским Судом по правам человека.

2. Вопрос, поставленный заявителем, уже был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

В Постановлении от 15 ноября 2016 года № 24-П Конституционный Суд Российской Федерации признал положения пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 УИК Российской Федерации в той мере, в какой они исключают возможность предоставления длительных свиданий лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, в течение первых 10 лет отбывания наказания, не соответствующими статьям 15 (часть 4), 17 (часть 1), 23 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее интерпретации Европейским Судом по правам человека.

В данном Постановлении в целях достижения баланса конституционно значимых ценностей и в интересах субъектов права Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», определил следующий порядок его исполнения: федеральному законодателю надлежит, руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации и с учетом изложенных в данном Постановлении правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, предусмотреть условия и порядок реализации лицами, осужденными к пожизненному лишению свободы, права на длительные свидания в течение первых 10 лет отбывания наказания; впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений, вытекающих из этого Постановления, осужденным к пожизненному лишению свободы в течение первых 10 лет отбывания наказания должна предоставляться возможность иметь одно длительное свидание в год с лицами, указанными в части второй статьи 89 УИК Российской Федерации. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что пересмотр состоявшихся по делу граждан – заявителей по указанному делу правоприменительных решений, в связи с которыми они обратились в Конституци-

онный Суд Российской Федерации, для целей защиты их конституционных прав не требуется.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 24-П сохраняет свою силу, а сформулированные в нем правовые позиции относительно предоставления осужденным к пожизненному лишению свободы длительных свиданий являются обязательными для судов и иных органов.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 3 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать жалобу граждан Рудик Галины Николаевны и Рудика Валерия Леонидовича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителями вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».